

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 16(4) • 2023

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию — руководитель аппарата ректора МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Doctor of Political Science, independent researcher (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development - Chief of the Rector's Office, MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzić S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гошина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 13,1 усл. п.л. Заказ № 1045.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 16(4) • 2023

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Ценностное измерение мировой политики

- 7 Дериглазова Л.В., Погорельская А.М. – Культура отмены в политике и международных отношениях
- 34 Ясвин В.А., Котов Р.И., Демаков И.С., Хромых А.С. – Основы проектирования сетевой модели русских международных школ

Внешняя политика после кризисов

- 56 Makoveeva Z. – Navigating the Aftermath: U.S. Policy in Afghanistan Following Troop Withdrawal
- 72 Кучеров М.Ю., Вохминцев И.В., Кравчук И.Д., Андрюхин В.Ю., Федотов М.А., Токарев А.А. – Внешнеполитические предпочтения Казахстана после 2022 г.
- 91 Пожаров А.И., Карюкин С.А. – Разведывательный и ситуационный центр Европейского союза в архитектуре внешней политики и политики безопасности ЕС

Мировая экономика

- 107 Гончарова К.С., Шеломенцев А.Г., Масюк Н.Н. – Сравнительный анализ влияния глобальных цепочек создания стоимости на национальные экономики

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 127 Гавриленко Н.В. – «Командный дух» в борьбе с угрозами безопасности
- 137 Соков И.А. – США и Китай в противостоянии в странах Карибского бассейна

Table of Contents • 16(4) • 2023

RESEARCH ARTICLES

Values in World Politics

- 7 Deriglazova L.V., Pogorelskaya A.M. – The Impact of Cancel Culture on Politics and International Relations
- 34 Yasvin V.A., Kotov R.I., Demakov I.S., Khromykh A.S. – Designing a Network Model for the Russian International Schools

Foreign policy after Crises

- 56 Makoveeva Z. – Navigating the Aftermath: U.S. Policy in Afghanistan Following Troop Withdrawal
- 72 Kucherov M.Y., Vokhmintsev I.V., Kravchuk I.D., Andriukhin V.Y., Fedotov M.A., Tokarev A.A. – Foreign Policy Preferences of Kazakhstan after 2022
- 91 Pozharov A.I., Karyukin S.A. – Institutional Study of the European Union Intelligence and Situation Centre (EU INTCEN)

World Economy

- 107 Goncharova K.S., Shelomentsev A.G., Masyuk N.N. – Comparative Assessment of Global Value Chains' Influence on National Economies

BOOK REVIEWS

- 127 Gavrilenko N.V. – «Community Spirit» in Tackling Security Threats
- 137 Sokov I.A. Examining US Perspectives on Confrontation with China in the Caribbean

Культура отмены в политике и международных отношениях

Л.В. Дериглазова, А.М. Погорельская

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Целью статьи является выявление особенностей культуры отмены как феномена современной политики и международных отношений с использованием методов социологии и теории конфликта. Авторы определяют специфику культуры отмены как внеинституциональную форму социального контроля, которая реализуется посредством массовой мобилизации в социальных сетях. Вслед за неформальным воздействием может последовать формальное «наказание» за нарушение норм или поведенческих ожиданий. Как вид социального контроля культура отмены может создавать основу для преодоления разрыва между декларируемыми ценностями и социальными практиками, сохранения социального порядка и борьбы с элитизмом и неравенством. При этом культура отмены также может быть инструментом нечестной конкуренции, политической борьбы и преследования за выражение мнения. Сравнение примеров культуры отмены в США, Великобритании и России позволяют сделать вывод о том, что масштаб и эффективность коллективных действий зависят от национальной специфики, нормативных и ценностных систем и культурных практик реагирования на нарушение принятых ценностей и норм.

В политике культура отмены дополняет действия формальных политических институтов, и её целью является подрыв авторитета и репутации. Важно отметить, что в политике и международных отношениях культура отмены является инструментом неформального контроля, следующим за формальными санкциями. Выводы о природе культуры отмены как инструменте политики позволяют лучше понять и оценить её функции в ситуации вокруг «отмены» России. Культура отмены служит дополнением к формальным санкциям и нацелена на изоляцию страны и подрыв её легитимности как международного актора. В отношении России происходит попытка реализовать «отмену» на двух уровнях: *формальном* – посредством санкций и *неформальном* – через отказ от сотрудничества со стороны различных профессиональных сообществ. В обоих случаях страны и соответствующие сообщества руководствовались собственным пониманием нормы и допустимых средств воздействия, при этом культура отмены становится способом коллективного наказания. В международных отношениях отсутствует единое понимание норм и единый центр политической силы, что создаёт основу для избирательного использования средств воздействия, и в таких условиях культура отмены становится инструментом политической борьбы.

Ключевые слова: культура отмены, политика, международные отношения, санкции, Дюнкгейм, Россия, США, Великобритания

УДК 327:316.7

Поступила в редакцию: 27.02.2023

Принята к публикации: 30.07.2023

Культура отмены является относительно новым феноменом и отражает коммуникативную практику, сформированную в среде пользователей социальных сетей. Кембриджский словарь даёт следующее определение: «культура отмены – это такое поведение в обществе или в группе, особенно в социальных сетях, в котором принято полностью отвергать или прекращать поддерживать кого-то за то, что они сказали или сделали что-то, что является оскорбительными для вас»¹. Культура отмены возникла как массовая реакция на поведение знаменитостей (*celebrities*), которые нарушают нормы поведения, зафиксированные в праве, или более широко трактуемые поведенческие ожидания, характерные для культуры конкретного общества². В некоторых западных странах это словосочетание было отмечено как фраза года (в 2019³ и 2020 гг.⁴). Целый ряд актёров, писателей, публичных фигур пострадали от культуры отмены, так как кроме морального осуждения их «отмена» привела к материальным издержкам – потере контрактов, увольнению, испорченной репутации. Попытку сообщества потребителей массовой культуры оказывать влияние на знаменитостей – производителей элементов культуры можно рассматривать как форму социального контроля, которая реализуется вне существующих нормативных или институциональных практик. Цифровая среда создала для этого новые возможности и инструменты.

Достаточно быстро практики культуры отмены распространились на сферу политики. Такому развитию способствовало то, что политики, политические институты, партии и движения активно используют социальные сети для продвижения своих идей, распространения информации о своей деятельности и прямого общения со сторонниками или избирателями. Одним из первых активных пользователей социальных сетей среди российских политиков стал – ещё в годы президентства – Д.А. Медведев. Выборные кампании Д. Трампа в 2016 и 2020 гг. также иллюстрируют тенденцию использования социальных сетей для продвижения идей среди избирателей.

Блокировка аккаунтов Д. Трампа в социальных сетях после штурма Капитолия в январе 2021 г. была оценена политиком и его сторонниками как «отмена», однако это было не результатом массового действия пользователей сетей, а санкцией их владельцев. Культура отмены использовалась для общественной мобилизации политических движений #MeToo и #BlackLivesMatter's и стала важным элементом антиколониального дискурса.

¹ Cancel culture. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture> (accessed 12.08.2023)

² Афанасьева Н. Культура отмены: как интернет следит за вашей репутацией. *Афиша Daily*. 30.11.2020. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/17861-kultura-otmeny-kak-internet-sledit-za-vashey-reputaciy/> (дата обращения 12.08.2023)

³ Macquarie Dictionary reveals its 'Word of the Year' for 2019 – and 'thicc' and 'eco-anxiety' are close behind. *Daily Mail*. 02.09.2019. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-7745517/Macquarie-Dictionary-reveals-cancel-culture-Word-Year-2019.html> (accessed 12.08.2023)

⁴ Oxford English Dictionary couldn't pick just one 'word of the year' for 2020. *CNN*. 23.11.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/11/23/world/oxford-word-of-the-year-scli-intl-gbr/index.html> (accessed 12.08.2023).

Для России данная тема имеет особое значение, так как с 2022 г. фразы об «отмене» России, «отмене русской культуры» часто звучат в контексте режима санкций, введённых после начала специальной военной операции (СВО) на Украине. «Отмена» России, о которой говорят эксперты, является формой коллективного действия против конкретной страны и всего, что с ней связано, включая бизнес, культуру, спорт, образование и науку⁵. Таким образом, практика изоляции и остракизма была перенесена на целую страну и её граждан.

В рамках настоящей статьи предполагается проанализировать феномен культуры отмены как явления (социального факта), вышедшего за пределы практики осуждения знаменитостей в социальных сетях и ставшего инструментом политики. Целью статьи является выявление функциональных особенностей культуры отмены как феномена в политике и международных отношениях. Используя методы социологического анализа для явлений макроуровня, авторы выявляют функции, которые «культура отмены» выполняет в транснациональном политическом пространстве. Для выявления особенностей культуры отмены как феномена в кросс-культурном контексте выбраны кейсы США, Великобритании и России. Выбор определён тем, что именно в этих странах культура отмены стала заметной частью общественной жизни, политики и политических кампаний.

Культура отмены зародилась в США, однако постепенно практика распространилась в той или иной степени на другие страны. Это заставляет более внимательно изучить влияние контекста – культурного, политического, нормативно-ценностного, в котором данное массовое действие реализуется, и те результаты, к которым оно приводит или нет.

На основе обзора исследовательской литературы в статье обобщаются особенности культуры отмены, обосновывается авторский методологический подход и формулируются гипотезы о том, какие функции данный феномен может выполнять в социальных, политических и международных отношениях. Далее рассмотрены некоторые случаи «отмены» с использованием предложенной методологии в кросс-культурном контексте и в заключении формулируются выводы по результатам обсуждения обозначенных гипотез о функциях культуры отмены.

Изучение культуры отмены и её особенностей

Комментаторы и публичные фигуры в США часто оценивают культуру отмены как негативное явление, не способствующее решению проблемы привлечения к ответственности за проступки, а скорее создающее новые. Примером

⁵ Отменить отмену: как Россия переживает «культурные санкции» и что будет дальше. ТАСС. 27.12.2022. URL: <https://tass.ru/kultura/16690551> (дата обращения: 12.08.2023)

такого отношения является «Письмо о справедливости и свободных дебатах», опубликованное в журнале «Харперс» (Harper's) 7 июля 2020 г., под которым подписались более 150 учёных, журналистов, писателей, включая Джоан Роулинг, Ноама Хомски, Фрэнсиса Фукуяму и Фарида Закарию⁶. В письме нет упоминания *культуры отмены*, а осуждается «новый свод моральных отношений и политических предпочтений», которые «подрывают основы свободы обсуждения и терпимости в пользу идеологического соответствия». Критики культуры отмены видят в ней стремление ограничить свободу слова и свободу творчества. В ответ 12 июля 2020 г. было опубликовано «Более конкретное письмо о справедливости и свободных дебатах», которое подписали 160 американских учёных и журналистов⁷. В письме приводились доводы в пользу культуры отмены как способа борьбы с укоренившейся практикой замалчивания случаев расовой дискриминации.

Росс Доутэт, обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс», отмечая противоречивый и сложный характер культуры отмены, предложил десять тезисов, которые суммируют представления об этом явлении и о том, как оно реализуется в американской политической культуре⁸. Он отметил, что культура отмены не является исключительно американским феноменом или новым явлением, а скорее отражает влияние левых сил в США и их способность к более эффективной мобилизации общества на борьбу против определённого человека или политики. По его мнению, «все культуры отменяют», и такие действия характерны как для «левых, так и для правых» политиков. При этом Доутэт полагает, что культура отмены не равнозначна свободе слова, хотя «теоретически либеральное общество должно реже прибегать к отмене». Он отметил роль интернета как нового способа воздействия на нарушителей, который изменил «способы отмены и её масштабы». Знаменитости являются более «доступными мишенями» отмены, хотя их гораздо труднее «отменить». Главной проблемой культуры отмены, по мнению Доутэта, является дискуссия по поводу «интернета как проводника отмены и роста силы левых моральных норм как оправдания для отмены». Эта публикация вызвала оживлённую реакцию (1262 комментария за сутки после публикации), где читатели вновь обращались ко всем противоречиям культуры отмены, обозначенным журналистом, и обсуждали, является ли практика полезной или вредной.

⁶ A Letter on Justice and Open Debate. *Harper's Magazine*. 07.07.2020. URL: <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/> (accessed 12.08.2023)

⁷ Northwestern academics clash with opposing letters on free speech, cancel culture. *The Daily Northwestern*. 12.07.2020. URL: <https://dailynorthwestern.com/2020/07/12/campus/northwestern-academics-clash-with-opposing-letters-on-free-speech-cancel-culture/> (accessed 12.08.2023)

⁸ Douthat R. 10 Theses About Cancel Culture: What we talk about when we talk about "cancellation". *The New York Times*. 14.07.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/07/14/opinion/cancel-culture-.html> (accessed 12.08.2023)

Культуре отмены посвящено множество публикаций, чаще всего критического характера. Как отмечает Шон Фелан, культуру отмены осуждают и её критики, и даже те, кто отрицает существование этого понятия (Phelan 2023: 4). Особая роль в изучении культуры отмены как коммуникативной практики принадлежит лингвистам (например: Миньяр-Белоручева, Сергиенко 2023). Культуру отмены исследуют психологи и педагоги, фокусирующиеся на понимании причин, по которым пользователи социальных сетей присоединяются к массовым акциям, зачастую лично не зная человека, против которого данное действие направлено, и не понимая последствий такого коллективного действия. Нередко исследователи оценивают культуру отмены как проявление эмоциональной реакции толпы, иррациональное и манипуляторное поведение незнакомых друг с другом анонимов, не несущих ответственность за свои коллективные действия и при этом наносящих реальный вред знаменитым людям (Бойкина 2022).

Исследователи обращают внимание на институт репутации, который нередко становится целью культуры отмены (Киселёва, Муромская 2021; Былевский, Цацкина 2022). На волне популярности культуры отмены происходит обращение к проблемам морального поведения знаменитых людей в прошлом, что может повлечь переоценку их творчества (Mazierska 2022). П. Норрис полагает, что культура отмены может трактоваться как форма социального давления на тех, кто нарушает определённые этические стандарты и отклоняется от доминирующего в обществе мнения (Norris 2023). Т. Мюллер отмечает, что главным мотивом сторонников культуры отмены является требование извинений и привлечение к ответственности тех, кто нарушает принятые моральные нормы (Mueller 2021).

Российские и зарубежные авторы чаще рассматривают культуру отмены как *инструмент* экономической и политической борьбы. А.Ю. Демшина обращает внимание на то, что культура отмены и новая этика стали важными экономическими инструментами, которые эксплуатируют культурную идентичность и формируют «новую чувствительность» потребителей (Демшина 2022: 108). Практика «отмены» распространилась на компании, которые недостаточно быстро или однозначно осудили СВО и ушли с российского рынка. При этом «отмена» российских производителей привела к перераспределению рынка от западных брендов, вынужденных отказаться от работы на российском рынке⁹, в пользу отечественных и китайских компаний¹⁰. Аналогичным образом под влиянием санкций и практики «отмены» российское высшее образование теряет свои позиции на мировом рынке образовательных услуг в пользу вузов других стран¹¹.

⁹ Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia—But Some Remain. *Yale School of Management*. 24.05.2023. URL: <https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain> (accessed 12.08.2023)

¹⁰ Лазарева А. Как идет в России замещение западных брендов. *Вести.ru*. 04.01.2023. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/3131968> (дата обращения: 12.08.2023)

¹¹ Приходите, дети, в Африку экзамены сдавать. *Коммерсантъ*. 04.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6015587> (дата обращения: 12.08.2023)

К.А. Пунина и Г.А. Фадеев на примере социальных движений *#MeToo*, *#JeSuisCharlie* и «Я/Мы Голунов» изучили, как организаторы движений используют события, вызвавшие «моральные потрясения», для общественной мобилизации посредством социальных сетей (Пунина, Фадеев 2021: 92). Как отмечают исследователи, все три случая развивались примерно по одному сценарию: происходило какое-то событие, побуждающее к политическому действию; активная реакция в социальных сетях, спонтанные выступления в поддержку, которые впоследствии перерастали в организованные движения (Пунина, Фадеев 2021: 85). Т. Рабоуин отмечает, что культура отмены посредством СМИ стимулирует возмущение для привлечения внимания аудитории и в политике нередко становится инструментом «маргинальных политических сил»¹².

К. Коктыш и А. Ренард-Коктыш акцентируют внимание на особенностях культуры отмены как феномена социальных сетей, что, по мнению авторов, создаёт условия для когнитивной уязвимости, особенно в сфере политики. Они полагают, что социальные сети формируют «ложные зоны компетентности» и становятся инструментом «цветных революций», так как «массовый человек воспринимает сложную реальность как простую и понятную», и «уже не элиты, а человек массы с лёгкостью демонстрирует готовность включиться в активное продвижение предложенного ему извне понимания единственно правильного» (Коктыш, Ренард-Коктыш 2021: 39). Ив Нг отмечает инструментальный характер культуры отмены в политике США, где угроза «отмены» превратилась в способ неконституционного контроля консервативных голосов (Ng 2022: 9).

А. Дершовитц оценил культуру отмены как крайнее проявление политической цензуры и приравнял её к практикам маккартизма и сталинизма с той лишь разницей, что у сторонников культуры отмены нет формальных способов принуждения и формальных политических институтов (Dershowitz 2020). Многие исследователи обращают внимание на то, что культура отмены является внесудебной практикой осуждения и наказания, что нарушает презумпцию невиновности «отменяемого» человека. О.В. Котунова отмечает схожесть культуры отмены и новой этики, так как они являются «альтернативным правовому санкционным сценарием» и «лишены процедурного характера и временной дистанции, необходимой для взвешенной оценки». Она оценила культуру отмены как «инструмент вменения санкций за пределами института права» (Котунова 2022: 94). Схожие оценки культуре отмены дают в своих работах А.В. Яковенко¹³, Д.А. Пареньков¹⁴, Э.О. Кранк (2021), А.В. Дьяченко (2022), В.А. Виногра-

¹² Rabouin T. "Cancel culture", a rhetorical construction. *Generation for Rights Over the World*. 2021. URL: <https://www.growthinktank.org/wp-content/uploads/2021/08/Cancel-culture-a-rhetorical-construction-.pdf> (accessed 12.08.2023)

¹³ Яковенко А. 25 тенденций современных международных отношений и мирового развития. *РСМД*. 27.09.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/25-tendentsiy-sovremennykh-mezhdunarodnykh-otnosheniy-i-mirovogo-razvitiya/?sphrase_id=94328626 (дата обращения: 12.08.2023)

¹⁴ Пареньков Д.А. Отменяй и властвуй? «Культура отмены» в мировой политике. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 06.07.2022. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otmenyay-i-vlastvuy/?sphrase_id=637131 (дата обращения: 12.08.2023)

дов (2023). Все чаще эксперты обсуждают возможности легального ограничения практик культуры отмены или «отмену культуры отмены»¹⁵. Российский англовед Е.В. Ананьева приводит пример Великобритании, где был принят закон, ужесточающий наказание за разрушение памятников, «в качестве меры против культуры отмены» (Ананьева 2021: 4).

Рост интереса к культуре отмены в российской исследовательской литературе вызван усилением режима санкций в отношении России в 2022 г. Поисковый запрос по российской электронной библиотеке (elibrary) даёт более 300 наименований за 2020–2023 гг., причём большая часть публикаций пришлась на 2022 г. – 66 публикаций, за половину 2023 г. было опубликовано 28 статей. Большая часть публикаций относится к политическим наукам (22), языковедению (17), социологии (16), экономике (16), философии (14) и юридическим наукам (8).

Российские исследователи изучают особенности культуры отмены как коммуникативной практики (Шамне, Майер 2023; Дзениш и др. 2021; Быков 2021), обращая внимание на то, как культура отмены формирует язык общения, зачастую негативный (Yumagulova 2021; Быков 2021; Носкова, Влавацкая 2023). Значимость культуры отмены по-разному оценивается российскими исследователями. Одни считают, что культура отмены малоприменима в российских реалиях в силу особенностей политической культуры (Фоменков 2022; Никитин и др. 2022), с 2022 г. всё чаще звучит мнение о том, что культура отмены является инструментом информационной войны против России¹⁶ (Акелькина 2022; Мусиева 2022).

С.В. Чугров оценивает культуру отмены как инструмент борьбы против национальных ценностей с целью универсализации мира по американскому образцу (Чугров 2022: 95). Прослеживая истоки феномена в позитивизме К. Поппера, С.В. Чугров полагает, что в политике и международных отношениях культура отмены превращается «в орудие политического контроля» и служит средством «для солидаризации оставшихся» (Чугров 2022: 90, 92). Схожую оценку даёт культуре отмены С.А. Кравченко и обращает внимание на необходимость «имплементации национально и культурно обусловленных цифровых инноваций» (Кравченко 2023).

¹⁵ Sossi D. Can we cancel 'cancel culture?' *The Conversation*. 21.07.2021. URL: <https://theconversation.com/can-we-cancel-cancel-culture-164666> (accessed 12.08.2023); A law that cancels cancel culture? This country is considering it. *CNN*. 12.05.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/05/12/asia/cancel-culture-law-singapore-intl-hnk/index.html> (accessed 12.08.2023)

¹⁶ Пареньков Д.А. «Культура отмены» в мировой политике. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 07.06.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otmenyay-i-vlastvuy/> (дата обращения: 12.08.2023); Яновский О. Культура отмены как механизм инфовойны: схема разрушения символов идентификации. *ВЦИОМ*. 07.11.2022. URL: <https://wciom.ru/expertise/kultura-otmeny-kak-mekhanizm-infovoiny-skHEMA-razrusheniya-simvolov-identifikacii> (дата обращения: 12.08.2023)

Е.Г. Энтина указывает на двоякую природу культуры отмены, которая выступает и «способом социальной регуляции», и «механизмом политического давления и навязывания», в том числе, когда мировое сообщество не смогло добиться поставленных целей формальными инструментами (Энтина 2022: 22). По мнению И.Н. Тимофеева, давление в виде угрозы «отмены» в этом случае играет вспомогательную роль, поскольку формальные санкции имеют ограниченный эффект на российскую политику и экономику (Тимофеев 2022). Более того, по мнению эксперта, они противоречат логике неолиберальной теории международных отношений и принципам взаимозависимости (Тимофеев 2023).

Таким образом, исследователи отмечают, что культура отмены становится инструментом неформального контроля, который дополняет, но не отменяет возможность применения формальных механизмов, в том числе принуждения в виде санкций. Нередко инициаторы использования культуры отмены действуют для мобилизации общества через социальные сети, чтобы привлечь наибольшее число сторонников и оказать максимальное воздействие на отдельных людей, компании или формальные институты власти. Для мобилизации используются конкретные случаи несправедливости или нарушения норм, вокруг которых формируется определённый дискурс, приводящий к поляризации мнений и общественной мобилизации. Исследователи отмечают, что культура отмены может быть инструментом нечестной конкуренции или даже маргинальных политических игроков. Они также указывают, что она является проявлением «массового человека» в цифровом пространстве, что создает новую политическую реальность.

Культура отмены как инструмент социального контроля и давления в транснациональном политическом пространстве

Большинство исследователей сходятся во мнении, что культура отмены – это способ воздействия и социального контроля, который имеет неформальный и внеинституциональный характер. Для понимания функций, которые выполняет культура отмены, мы предлагаем использовать социологический подход и теории конфликта, которые позволяют рассмотреть феномен культуры отмены в системе общественно-политических отношений на макроуровне. Выбор обусловлен тем, что культура отмены стала явлением, оценки которого нередко являются полярными, что отражает существующие противоречия по поводу самих норм и способов их обеспечения. Методы социологии относятся к разряду общенаучных методов для общественно-политических дисциплин, включая политологию и международные отношения. Один из основателей отечественной школы международных отношений М.А. Хрусталёв, рассуждая о предмете политологии и политическом анализе, писал, что политика является одним из видов социальной деятельности, которая «по самой своей природе... призвана удовлетворять определённые потребности общества, что и опреде-

ляет её «направленность» (Богатуров, Косолапов, Хрусталёв 2002: 17). Другой признанный теоретик международных отношений П.А. Цыганков отмечал, что задачей любой науки является «выявление причинно-следственных связей, поиск устойчивости, повторяемости, скрытой за хаотическим многообразием внешних проявлений» (Цыганков 2004: 14).

Мы исходим из широкого понимания сферы международных отношений с признанием важности учёта многообразия акторов международного взаимодействия помимо национальных государств и правительств. Важно учитывать особенность международной среды с точки зрения ценностно-нормативного регулирования. Н.А. Косолапов отмечал «отсутствие глобальной власти и дефицит легитимности у односторонних или групповых притязаний на такую власть» и подчёркивал важность учёта «множественности и сопредельности политических пространств в международных отношениях» (Косолапов 2007: 63). П.А. Цыганков, отмечал наличие терминологических разночтений, политических предпочтений и парадигмальных противоречий в представлении о мировом порядке (Цыганков 2018). Культура отмены, несомненно, стала феноменом «транснациональных политических пространств» вне рамок национальных государств, где «всё больше людей вовлекается в систематические контакты, идущие поверх и помимо национально-государственных границ» (Косолапов, Стрежнева, Федулова 2010: 5).

В качестве основного элемента анализа мы используем понятие «социального факта», авторство которого принадлежит Эмилю Дюркгейму, одному из основателей структурно-функционального подхода. В своей работе «Метод социологии» (1895) Дюркгейм обосновал понятие «социального факта» как методологического приёма, который позволяет выделять такие «способы мышления, деятельности и чувствования», которые существуют «вне индивидуального сознания» и «наделены принудительной силой», заставляющей человека вести себя в соответствии с определённым видом деланья или чувствования (Дюркгейм 1995: 30). Дюркгейм полагал, что «в процессе объяснения социального явления нужно отдельно исследовать порождающую его реальную причину и выполняемую им функцию». Причём он уточнял, что предпочитает «пользоваться словом “функция”, а не “цель” или “намерение” именно потому, что социальные явления обычно не существуют для достижения полезных результатов, к которым они приводят». Нам кажется существенным замечание Э. Дюркгейма о том, что важно посмотреть на «соответствие между рассматриваемым фактом и общими потребностями социального организма, в чём состоит это соответствие, не заботясь о том, чтобы узнать, преднамеренно оно возникло или нет», так как «все вопросы, связанные с намерениями, слишком субъективны, чтобы можно было рассматривать их научно» (Дюркгейм 1995: 112).

Действительно, можно встретить полярные оценки «культуры отмены» как способа коллективного действия в политических кампаниях с точки зрения полезности и правомерности таких действий. Поэтому при анализе культуры от-

мены как социального факта важно определить, является ли поведение тех, кто использует такую форму поведения, *нормой* или *нарушением нормы* (*девиацией*). При анализе культуры отмены можно сформулировать два тезиса, соответствующих полярным взглядам на неё как на социальное явление. Сторонники культуры отмены полагают, что она является реакцией на нарушение норм и ценностей общества, её критики склонны оценивать саму культуру отмены как нарушение норм и ценностей общества (девиацию).

При рассмотрении культуры отмены важно учитывать основные подходы, объясняющие социальный порядок, – структурно-функциональный и теорию конфликта (классический марксизм и неомарксистские теории). С точки зрения структурно-функционального подхода, социальный порядок сохраняется благодаря процессу социализации, когда усвоение норм и ценностей происходит через интернализацию норм в личность. В случае успешной социализации главным инструментом поддержания социального порядка являются сами люди, выполняющие нормы, передающие нормы и контролирующие ненарушение норм другими членами общества.

С точки зрения сторонников теории конфликта, социальный порядок отражает динамическую ситуацию стабильности при постоянной борьбе и достижении компромисса между основными социальными группами. Можно предположить, что оценки правомерности и результативности культуры отмены как коллективного действия соответствуют разным взглядам на природу социального порядка и способов его легитимного изменения. Феномен культуры отмены представляет, на наш взгляд, интересный пример взаимопроникновения культурных практик открытых обществ (Парсонс 2008), усиления этой открытости в условиях существования глобальных социальных сетей и переноса значительного объёма общения в цифровую среду. Таким образом, мы можем сформулировать следующие две гипотезы, выражающие отличные подходы к природе культуры отмены.

Гипотеза 1. *Культура отмены является реакцией на нарушение норм и ценностей данного общества и выполняет функцию социального контроля и сохранения социального порядка, а её коллективная «энергия» направлена на нарушителей норм и ценностей и восстановление справедливости и наказания нарушителей (девиантов).* При таком подходе важно понять, кто именно является нарушителями, какие именно нормы и ценности были нарушены и какие цели преследуют те, кто присоединяется к кампаниям по отмене кого-либо.

Гипотеза 2. *Культура отмены является нарушением социального порядка, норм и ценностей, то есть является девиацией, поэтому необходимо проанализировать причины появления такой девиации и реакцию общества на эту девиацию* (Бойко 2021). Важно учитывать, что современная социология не сводит девиацию к криминальному поведению, а рассматривает комплекс причин, по которым поведение значительной части общества отклоняется от заданного порядка. Среди таких причин Р. Мертон называл несоответствие ценностей обще-

ства средствам достижения этих ценностей, заставляющих людей проявлять различные виды «отклонения» от «конформизма» для достижения «социально одобряемых целей» средствами, которые общество не одобряет (Merton 1938). Если исходить из тезиса, что культура отмены нарушает свободу слова и самовыражения, является своеобразной цензурой, то означает ли это, что культура отмены готовит общество к важным переменам и каким именно?

Выявляя социальные функции, которые выполняет культура отмены, можно экстраполировать тезис Дюркгейма о социальном явлении, полагая, что оно является «социальной реакцией, составляющей наказание», и «вызывается интенсивностью коллективных чувств, оскорбляемых преступлением». При этом, социальная реакция «выполняет полезную функцию поддержания этих чувств в той же степени интенсивности, так как они бы постоянно ослаблялись, если бы за перенесенные ими оскорбления не было наказания» (Дюркгейм 1995: 113). Этот тезис Дюркгейма применим к оценке культуры отмены как средства социального контроля и как девиации в равной степени, учитывая таким образом реакции как сторонников культуры отмены, так и её критиков.

Важно учитывать существенные различия в формах социального контроля, которые реализуются на уровне страны и в международных отношениях. Данная проблема является одной из центральных тем обсуждения в международных отношениях по поводу норм и способов воздействия на их нарушителей. В условиях транснациональных политических пространств и прямого общения представителей разных национальных культур посредством социальных сетей понятие норм и ценностей всё более становится объектом критики и рассматривается как опасность для национально-обусловленных ценностно-нормативных комплексов. Сравним самые известные кейсы использования культуры отмены как инструмента социального контроля на уровне общества, в политике и международных отношениях

Осведомлённость о культуре отмены на уровне общества

Для того чтобы оценить степень приемлемости и применимости культуры отмены как способа внеинституционального социального контроля, стоит уточнить степень знакомства с этой практикой в рассматриваемых странах. Опросы общественного мнения в США показывают рост степени знакомства с культурой отмены – с 40% в 2020 г. до 61% в 2022 г. Наибольшая осведомлённость была выявлена у молодёжи (18–29 лет – 78%) и людей с высшим образованием (77%)¹⁷. Однако эти цифры свидетельствуют скорее об информированности американского общества о культуре отмены, чем о наличии оснований для ши-

¹⁷ A growing share of Americans are familiar with 'cancel culture'. Pew Research Center. 08.06.2022. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/06/09/a-growing-share-of-americans-are-familiar-with-cancel-culture/> (accessed 12.08.2023)

рокого применения данной практики. Согласно опросу, проведённому исследовательским центром YouGov в январе 2021 г., 67% респондентов считали, что культура отмены является «серьёзной проблемой для США сегодня», причём такой точки зрения придерживались около 38% сторонников президента Байдена и 93% президента Трампа. Респонденты отметили, что культура отмены скорее представляет угрозу для консерваторов (44%), чем для либералов (9%)¹⁸.

Результаты опроса в Великобритании в ноябре 2021 г. показали, что 53% респондентов знали значение термина¹⁹, что совпадает с данными на тот же год в США. Однако, данное исследование указывало, что многие британцы опасались попасть в ситуацию «отмены» как формы общественного порицания за свои взгляды или высказывания. Большинство опрошенных (57%) созналось, что хотя бы раз заставляли себя воздержаться от выражения своих политических или общественных взглядов, опасаясь осуждения окружающих, причём чаще это делали женщины (62% против 52% среди мужчин). Около четверти респондентов (27%) признались, что привыкли выражать своё мнение вне зависимости от возможной реакции окружающих²⁰. Взгляды, которые британцы старались скрыть из-за страха осуждения и которые они сами характеризовали как «непрогрессивные» (un-progressive), касались вопросов этнической и гендерной принадлежности, политических взглядов, прошлого Великобритании. То есть включали те вопросы, по которым идёт активная публичная дискуссия и в отношении которых происходит переоценка норм и практик.

ВЦИОМ проводит исследования, посвящённые тому, насколько россияне знакомы с культурой отмены и как они относятся к «отмене России». Результаты опросов показывают, что «культура отмены стала широко обсуждаемым феноменом, а само понятие прочно вошло в публицистический и бытовой обиход»²¹. С апреля по декабрь 2022 г. число россиян, знакомых с этим термином, выросло на 18 п.п. до 43% (уровень осведомлённости). Социологи отмечают, что появилось больше понимания, что собой представляет культура отмены, и если в апреле 2022 г. на открытый вопрос смогли ответить 62% осведомлённых респондентов, то в декабре 2022 г. – 77%. В первую очередь, культура отмены ассоциируется у россиян с исключением личности из социума (24% из числа осведомлённых). Следующая значимая ассоциация – это привязка к России («запрет русской культуры» — 21%, «запрет всего русского» — 9%). Более знакомы с культурой отмены молодые люди (18–24) – 61%; они трактовали её как

¹⁸ https://docs.cdn.yougov.com/fb80i7erkp/tabs_HP_Cancel_Culture_20210127.pdf (accessed 12.08.2023)

¹⁹ Smith M. Cancel culture: what views are Britons afraid to express? *YouGov*. 22.12.2021. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2021/12/22/cancel-culture-what-views-are-britons-afraid-expre> (accessed 12.08.2023)

²⁰ Smith M. Cancel culture: what views are Britons afraid to express? *YouGov*. 22.12.2021. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2021/12/22/cancel-culture-what-views-are-britons-afraid-expre> (accessed 12.08.2023)

²¹ «Отмена» России и как с ней бороться. *ВЦИОМ*. 06.06.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmena-rossii-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 12.08.2023)

способ «исключения из социума» (52%) и значительно реже как запрет русской культуры (10%). В опросе незначительно были представлены оценочные суждения («это глупо/неправильно» – 5%). Большая осведомлённость о культуре отмены была у людей с высшим и неоконченным высшим образованием (53%), москвичей и петербуржцев (56%), активных пользователей интернета (52%). Проявления политики «отмены» в отношении России и россиян отмечали 42% респондентов (апрель 2022 г. – 39%) и 43% – нет (апрель 2022 г. – 47%). На себе почувствовали проявления культуры отмены только 11% респондентов. Интересно, что наибольшее внимание к проявлениям культуры отмены проявляли мужчины (47%), молодые люди (60%) и активные интернет-пользователи (53%). Они же чаще других социально-демографических групп сталкивались с практикой «отмены» на личном опыте (17%, 32% и 21% соответственно)²².

Согласно результатам опроса июня 2022 г., более половины респондентов (53%) выразили обеспокоенность «попытками западных стран изъять российскую культуру из публичного пространства», 37% полагали, что эта ситуация наносит вред российской культуре; треть респондентов (33%) посчитали, что «ничего не изменится», и 23% полагали, что указанная ситуация пойдет на пользу российской культуре. Почти три четверти опрошенных (73%) высказались против введения запретов на западную культуру в России. Более эффективными методами противодействия респонденты назвали привлечение внимания мировой общественности через СМИ (30%), западных лидеров общественного мнения (20%), путём создания объединений в защиту российской культуры (16%) и проведения информационных кампаний (14%)²³. Опрос конца декабря 2022 г. показал, что отношение россиян к проявлениям «отмены России» почти не изменилось, и что проявления «отмены России и российских граждан» фиксировали 42% и 43% – нет, а 62% затруднились назвать конкретные последствия культуры отмены²⁴.

Сравнение показывает, что культура отмены не является общепризнанным и приемлемым инструментом социального контроля во всех странах, и степень её признания различается в США, Великобритании и России. В России культура отмены является наименее понимаемым и одобряемым способом неформального осуждения, в США и Великобритании она вызывает полярные оценки и настороженность пользователей социальных сетей. О культуре отмены лучше осведомлены более молодые, образованные люди и активные пользователи со-

²² И снова об «отмене России». ВЦИОМ. 22.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/i-snova-ob-otmene-rossii> (дата обращения: 12.08.2023)

²³ «Отмена» России и как с ней бороться. ВЦИОМ. 06.06.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmena-rossii-i-kak-s-nej-borotsja> (дата обращения: 12.08.2023)

²⁴ И снова об «отмене России». ВЦИОМ. 22.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/i-snova-ob-otmene-rossii> (дата обращения: 12.08.2023)

циальных сетей. Опросы общественного мнения также показывают, что пользователи социальных сетей становятся более осторожным в выражениях своих мнений, так как боятся быть «отменёнными» за свои высказывания.

Культура отмены как инструмент в политике и социальных движениях

«Культура отмены» стала неотъемлемой частью политической жизни США. Она активно использовалась в рамках движения #MeToo, направленного на борьбу с сексуальным насилием в отношении женщин. История кинопродюсера Харви Вайнштейна является одной из самых показательных. Против Вайнштейна, одного из самых влиятельных современных продюсеров США, была развёрнута кампания неформальных обвинений, затем он был привлечён к уголовному разбирательству в 2017 г. и осуждён в марте 2020 г. на 23 года тюремного заключения²⁵. После оглашения обвинения продолжилось разбирательство по другим случаям, и в декабре 2022 г. состоялся суд, по которому срок тюремного заключения мог быть увеличен²⁶. История Х. Вайнштейна демонстрирует, как культура отмены после неформального воздействия в социальных сетях привела к уголовному преследованию в рамках нормативного регулирования случаев сексуального насилия. Борьба с сексуальными домогательствами является важной темой в политической культуре США на протяжении последних тридцати лет с развитием соответствующего законодательства и неоднократно сопровождалась громкими политическими скандалами.

В России был замечен всплеск интереса к этой теме в социальных сетях летом 2016 г., хотя масштаб движения был значительно меньше, чем в США. Тем не менее в отношении некоторых известных людей (Леонида Слуцкого, Алексея Венедиктова²⁷, Павла Лобкова) были проведены формальные разбирательства, что не привело к серьёзным последствиям для репутации, статуса или доходов фигурантов. Интересно, что на волне дискуссий вокруг движения #MeToo реальные потери понесли знаменитости-женщины – Ксения Собчак и Регина Тодоренко, обе за высказывания, которые можно рассматривать как критические по отношению к этой кампании (Быков, Ахмедова 2021). В обоих случаях массовое осуждение в социальных сетях вызвало реакцию западных компаний, но не российских.

Движение #MeToo в России не привело к массовому движению офлайн и формированию политической повестки, которую бы поддерживали политические партии или органы власти. В России это движение проходило также под хеш-

²⁵ Harvey Weinstein timeline: How the scandal unfolded. BBC. 24.10.2022. URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-41594672> (accessed 12.08.2023)

²⁶ Patterson Ch. Harvey Weinstein Found Guilty of Raping a Woman in Los Angeles, Facing Up to 24 Years in Prison. *People*. 19.12.2022. URL: <https://people.com/movies/harvey-weinstein-found-guilty-of-raping-woman-in-los-angeles/> (accessed 12.08.2023)

²⁷ Минюст включил в список СМИ-иноагентов экс-главреда «Эха Москвы» Алексея Венедиктова.

тегом #янебоюсьсказать и было направлено на борьбу с замалчиванием случаев сексуального насилия в отношении женщин на рабочем месте или в быту. В рамках кампании в социальных сетях возникли группы, где жертвы сексуального насилия могли поделиться своей историей и получить психологическую и моральную поддержку. Такие группы возникли в русскоязычном сегменте международных социальных сетей, хотя их участниками были представительницы России, Украины, Беларуси, Казахстана и Киргизии.

В определённой мере кампания #MeToo оказала влияние на инициирование закона о домашнем насилии в Государственной думе Российской Федерации в сентябре 2016 г., однако закон так и не был принят. Обсуждение законопроекта в Думе и публичном пространстве ярко продемонстрировало особенности политической культуры по вопросам гендерной политики и сексуального насилия в России. Поскольку страна является наследницей политики эмансипации и равенства мужчин и женщин, которые реализовывались в СССР, в постсоветской России проблема равенства полов отражает противоречие между установками советского эгалитаризма и запросом на традиционные семейные ценности.

В Великобритании в рамках движения #MeToo был реализован проект, направленный против насилия в системе образования, имевший не только общественный резонанс, но и повлиявший на репутацию образовательных учреждений. В июне 2020 г. Сома Сара основала сайт под названием «Приглашаю всех» (*Everyone's Invited*), где пользователи могли анонимно разместить свою историю о пережитом в образовательном учреждении насилии после обработки администраторами сайта. К ноябрю 2022 г. на сайте было размещено более 50 тыс. историй, и был подготовлен перечень учебных заведений – от школ до университетов, упомянутых пользователями. Публикация этих данных заставила многие учебные учреждения оправдываться, хотя конкретных имен не было озвучено, и заявления в полицию от жертв чаще всего не поступали.

Другим примером культуры отмены в Великобритании стало осуждение Джоан Роулинг, автора сверхпопулярных книг о Гарри Поттере, за её критические высказывания на гендерные темы²⁸. Под влиянием массового осуждения в июне 2020 г. Роулинг опубликовала на своём официальном сайте эссе, объясняющее её позицию²⁹. Последствия «отмены» Роулинг по некоторым оценкам составили порядка 2 млн долл. упущенной прибыли от продажи её книг³⁰.

²⁸ Aviles G. J.K. Rowling faces backlash after tweeting support for 'transphobic' researcher. *NBC Universal*. 20.12.2019. URL: <https://www.nbcnews.com/feature/nbc-out/j-k-rowling-faces-backlash-after-tweeting-support-transphobic-researcher-n1104971> (accessed 12.08.2023)

²⁹ J.K. Rowling Writes about Her Reasons for Speaking out on Sex and Gender Issues. *J.K. Rowling official web-site*. 10.06.2020. URL: <https://www.jkrowling.com/opinions/j-k-rowling-writes-about-her-reasons-for-speaking-out-on-sex-and-gender-issues/> (accessed 12.08.2023)

³⁰ Vary A.B. J.K. Rowling's Book Sales Lagging Despite Industry Boom in June. *Variety*. 16.07.2020. URL: <https://variety.com/2020/film/news/jk-rowling-book-sales-harry-potter-1234708777/> (accessed 12.08.2023)

Культуру отмены использовало движение «Жизни чёрных имеют значение» в социальных сетях с хештегом #BlackLivesMatter с 2013 г. Движение направлено на борьбу с расовой дискриминацией и насилием полиции против чернокожего населения. Активизация движения в США и во всём мире произошла после убийства полицейскими афроамериканца Джорджа Флойда в мае 2020 г. В США в акциях по разным подсчётам приняли участие до 20 млн человек. Проблема преодоления расизма является специфически американской с точки зрения нормативного регулирования, политического контекста и социальных отношений. Именно поэтому, распространяясь на другие страны, движение часто не было массовым, либо получало другую интерпретацию, нередко вступающую в противоречие с американским контекстом. Именно так прозвучал хештег #AllLivesMatter, который появился в 2016 г. в ответ на хештег #BLM³¹, вызвав бурную дискуссию, в которой принял участие бывший президент США Барак Обама.

В Великобритании акции с осуждением расизма прошли летом 2020 г., что заставило некоторые компании опубликовать заявления о соблюдении равенства и равного представительства меньшинств. В июле 2020 г. была учреждена Комиссия по вопросам расового и этнического неравенства (Commission on Race and Ethnic Disparities) при британском правительстве, которая занималась мониторингом ситуации по вопросам борьбы с дискриминацией по расовому и этническому признаку и составлением рекомендаций³². Однако из-за отсутствия ожидаемого общественного резонанса Комиссия была ликвидирована в 2021 г. Среди возможных объяснений отсутствия широкой общественной реакции в Великобритании отмечается, что в британском законодательстве вопрос защиты от дискриминации (в том числе по этническому и расовому признаку) детально освещён, многие британские компании на протяжении долгого времени ведут политику по соблюдению и расширению представительства меньшинств, а проблема расизма в британском обществе скорее воспринимается как американский феномен³³.

Тем не менее культура отмены в Великобритании активизировала дискуссии об имперском прошлом, усилила антиколониальный дискурс и так называемые войны памяти. Борьба с наследием колониализма проявилась в массовом переименовании улиц и сносе памятников³⁴. Так, были снесены статуи

³¹ Tsikas M. Why is it so offensive to say 'all lives matter'? *The Conversation*. 13.01.2021. URL: <https://theconversation.com/why-is-it-so-offensive-to-say-all-lives-matter-153188> (accessed 12.08.2023)

³² Corporate report. Terms of reference: Commission on Race and Ethnic Disparities. *UK Government*. 16.07.2020. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/terms-of-reference-commission-on-race-and-ethnic-disparities/terms-of-reference-commission-on-race-and-ethnic-disparities> (accessed 12.08.2023)

³³ McGregor N. That black British feeling: Does the UK need Black Lives Matter? *BBC*. 31.10.2016. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/newsbeat-37715090> (accessed 12.08.2023)

³⁴ William Gladstone: Liverpool students rename hall after anti-racism activist. *BBC*. 28.04.2021. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-merseyside-56915021> (accessed 12.08.2023)

Э. Колстона в Бристоле и Р. Миллигана в Лондоне. За снос памятника С. Родсу на территории одного из оксфордских колледжей выступили некоторые студенты, но администрация университета сначала разрешила, а затем остановила снос памятника (Вячислая 2023). Стоит отметить и попытку противодействия подобной активности на примере группы «Спасите наши статуи», которая начала собирать подписи в защиту памятников. Против уничтожения памятников высказались учёные и директора музеев. Таким образом, культура отмены обострила дискуссии в британском обществе по поводу исторических личностей на волне антиколониального дискурса³⁵.

Марго Финн, бывший председатель Королевского исторического общества Великобритании, полагает, что причиной отмены является «поверхностное понимание прошлого» и отрицание роли Британской империи в развитии. По мнению М. Финн, ретроспективное применение культуры отмены приводит к стигматизации отдельных групп и людей, не имеющих возможности оправдаться и осуждаемых в соответствии с актуальными в данное время принципами и нормами (Finn 2021: 2). И если ранее стирание отдельных лиц, групп, классов из истории осуществлялось по инициативе властей, то теперь это может сделать каждый пользователь социальных сетей (Котунова 2022: 98).

Интересно, что в России большую поддержку в социальных сетях получил хештег #AllLivesMatter, хотя массовых офлайн-выступлений в поддержку этого лозунга не было. Тем не менее появились сообщества в социальных сетях под лозунгом «Жизни русских важны» или «Русские жизни важны», и уже это лозунг получил распространение офлайн³⁶.

Самым упоминаемым проявлением культуры отмены в отношении политика является блокировка аккаунтов президента США Дональда Трампа в социальных сетях в январе 2021 г. после его отказа признать поражение на президентских выборах и призыва к своим сторонникам идти на Капитолий, что привело к штурму Конгресса в январе 2021 г.³⁷. По мнению журналиста Дэниела Дейла, хотя Трамп выступал с резкой критикой культуры отмены как левацкой практики³⁸, он сам часто прибегал к этой тактике в отношении людей, с которыми не был согласен, используя различные формы изоляции – блокировку, бойкот и прочее.

³⁵ Mohdin A., Storer R. Tributes to slave traders and colonialists removed across UK. *The Guardian*. 29.01.2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jan/29/tributes-to-slave-traders-and-colonialists-removed-across-uk> (accessed 12.08.2023)

³⁶ См., например, страницу сообщества в VK: <https://vk.com/ruslives>

³⁷ Fischer S., Nather D. Trump. canceled. *Axios*. 09.01.2021. URL: <https://www.axios.com/2021/01/09/trump-cancelled-business-tech-republicans> (accessed 12.08.2023)

³⁸ Dale D. A list of people and things Donald Trump tried to get canceled before he railed against 'cancel culture'. *CNN*. 07.07.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/07/07/politics/fact-check-trump-cancel-culture-boycotts-firings/index.html> (accessed 12.08.2023)

Случай Д. Трампа, однако, не является примером неформальной культуры отмены, но примером формальных санкций со стороны руководства компании за нарушение правил и норм пользования социальными сетями. Для социальных сетей блокировка опасного контента и пользователей является частью ежедневной работы в соответствии с национальным законодательством. Руководство компаний, администрирующих социальные сети, осуществляет постоянный мониторинг и обсуждение того, контент какого именно содержания должен быть заблокирован, причём это происходит при непосредственном сотрудничестве с правоохранительными органами тех стран, где эти социальные сети зарегистрированы и действуют.

В международных отношениях самым масштабным на сегодняшний день случаем являются призывы к «отмене России». В 2022 г. на этом фоне отменялись гастроли российских деятелей культуры, менялись афиши зарубежных театров, исключались из репертуара произведения русских авторов. Наиболее резонансными были случаи отмены концертов с участием дирижёра В. Гергиева и оперной певицы А. Нетребко. В зарубежных СМИ разгорелись дискуссии по поводу того, является ли русская культура частью мировой культуры или «всё русское принадлежит России». Комментаторы отмечали, что противопоставление русской и украинской культуры или переименование произведений музыкантов и писателей из русских в украинские стимулирует вражду³⁹. Особенно активно к отмене России и всего русского призывают украинские сообщества в сети Интернет⁴⁰. «Отмена России» как «культурно-цивилизационного пространства» рассматривается в странах «новой Европы» как возможная «историческая победа» (Энтина 2022). По мнению профессора университета г. Нью-Йорка Н. Хрущевой, кейс России примечателен тем, что отмене подвергается культура целой нации, чего не было в отношении Германии, когда после двух мировых войн, несмотря на формальные санкции и выплату репараций, немецкую классику «отменить» не пытались⁴¹.

В этой связи в мире уменьшилось количество Российских центров науки и культуры (РЦНК). Глава Россотрудничества Е.А. Примаков на пресс-конференции 21 декабря 2022 г. отметил, что в ведомстве осталось 89 представительств в 74 странах мира, хотя ещё в 2020 г. их было 97⁴². Он также высказал

³⁹ Platt K.M.F. The Profound Irony of Canceling Everything Russian. *The New York Times*. 22.04.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/22/opinion/russian-artists-culture-boycotts.html> (accessed 12.08.2023).

⁴⁰ Примером может служить сайт <https://cancelrussia.info>. Апеллируя к антиколониальному дискурсу, его создатели призывают к полной изоляции всего русского и в том числе всех российских организаций, включая оппозиционные, и к полному пересмотру риторики в отношении Российской империи, СССР и РФ. В противовес «отмене России» звучат призывы «поддержать культуру Украины».

⁴¹ Khrushcheva N.L. Don't cancel Russian culture. *Social Europe*. 01.07.2022. URL: <https://www.socialeurope.eu/dont-cancel-russian-culture> (accessed 12.08.2023)

⁴² Итоги работы Россотрудничества в 2022 году: новые условия для гуманитарной политики. *Россия сегодня*. 21.12.2022. URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20221221/953957548.html> (дата обращения: 12.08.2023)

позицию ведомства по вопросу отмены российской культуры за рубежом: «Отменяет русскую культуру, российскую культуру агрессивная, бездумная, глупая толпа. Помогать ей мы не намерены. Мы не будем это делать сами, тем более добровольно. Если они будут закрывать наши представительства это целиком их инициатива и их вина. Напрашиваться, форсировать что-то, возвращать кого-то не будем. Продолжаем работу по переброске, по переносу приоритетов и ресурсов из “недружественных” стран в страны ближнего зарубежья, Африки, Азии, Латинской Америки»⁴³.

В целом, можно отметить, что полной «отмены российской культуры» не произошло и был обозначен водораздел между тем, что отменяется и как. «Отмене» подвержено сотрудничество с официальными инстанциями России, государственными структурами, в том числе связанными с искусством и культурой, что неизбежно привело к сокращению сотрудничества с российскими коллективами. Однако повсеместной отмены спектаклей, запрета на музыку и книги российских авторов или русских классических произведений культуры больше не происходит, хотя именно к этому призывают сторонники кампании «отмены России».

Функции культуры отмены

Таким образом, культура отмены представляет собой либеральный парадокс, где её сторонники и противники ссылаются на либеральные ценности как причину и ограничение её действенности. С одной стороны, культура отмены как практика пользователей социальных сетей представляет собой способ неформального общественного воздействия на нарушителей фиксированных норм и норм-ожиданий людьми, обладающими высоким социальным статусом. В такой интерпретации культура отмены позволяет преодолеть несовершенство формальных институтов социального контроля. С другой стороны, культуру отмены часто критикуют за ограничения либеральных свобод под давлением общественного мнения. Со стороны консерваторов это обвинение звучит как «избыточный либерализм», со стороны либеральных и творческих сообществ – как ограничение свободы слова и творческого самовыражения.

Культуру отмены можно рассматривать как способ борьбы с элитизмом и социальным неравенством, когда к неформальному осуждению, а затем и к формальной ответственности привлекают людей, обладающих высоким социальным статусом и избегающих ответственности за неблагоприятные действия благодаря этому статусу. Культура отмены также является проявлением неформального контроля со стороны людей, которые реагируют на нарушение норм и ценностей личностями, обладающими высоким социальным статусом

⁴³ Русский дом. Telegram. 21.12.2022. URL: <https://t.me/rossotrudnichestvo/9614> (дата обращения: 12.08.2023)

и социальным капиталом. При этом, конкретные случаи, когда неформальный контроль находил продолжение в конкретных действиях компаний и судебных решениях, означает, что действия отменяемых были признаны как нарушающие нормы и правила в соответствии с принятыми законами (формализованным нормами) и получили наказание, то есть социальный порядок был восстановлен. В случаях, когда не было доказано нарушение норм и закона, формальное разбирательство приводило к восстановлению репутации человека, а в перспективе – к восстановлению социального капитала ранее отменённой личности.

Анализ культуры отмены как социального факта позволяет сделать выводы о тех функциях, которые она выполняет в разных политических средах. Культура отмены является средством привлечения внимания к социальным проблемам, которые отражают наличие разрыва между декларируемыми ценностями, нормами (идеальной культурой)⁴⁴ и социальными практиками. С точки зрения функционального подхода, это способ адаптации общества и сохранения социального порядка. С точки зрения неомарксистских теорий, этот конфликт разрешается через манифестацию существующего противоречия и трансформацию социальных практик в соответствии с декларируемыми ценностями. Культура отмены используется как способ мобилизации общества для решения проблем несоответствия заявленных норм и ценностей распространённым практикам, что приводит к изменениям в коллективном сознании и формализации норм через изменение законодательства (примеры движений #MeToo и #BLM).

При этом культура отмены по-разному проявляется и реализуется в разных обществах, что отражает существование отличных нормативных и ценностных систем и культурных практик реагирования на нарушение принятых ценностей и норм.

В политике и международных отношениях культура отмены иногда представляет собой пример действия формальных политических институтов, обладающих властью и действующих в соответствии с определёнными нормами. В этой связи блокировка аккаунта Д. Трампа была сделана по запросу властей США с тем, чтобы избежать дальнейшей мобилизации его сторонников и насильственных действий против органов власти. В случае России произошла «отмена» на двух уровнях: *формальном* – посредством санкций и прямых запретов и *неформальном* – через отказ от сотрудничества с российскими представителями со стороны разных профессиональных сообществ. В обоих случаях страны, которые вводили санкции против России, и профессиональные сообщества, которые разрывали сотрудничество с российскими коллегами, руководствовались своим пониманием нормы и допустимых средств воздействия.

⁴⁴ Здесь мы используем термин «идеальная культура» в социологическом смысле как набор манифестированных ценностей данного общества. «Идеальная культура» может не совпадать полностью с «реальной культурой», то есть с реализуемыми на практике моделями поведения. Для идеальной культуры США характерны эгалитаризм, политические и индивидуальные свободы, свобода слова и самовыражения как высшие ценности, однако на практике эти ценности не всегда и не в полном объеме реализуются.

В политике культура отмены является дополнительным инструментом к формальным санкциям и служит способом воздействия, подрыва авторитета и репутации политика чаще в соответствии с национальным законодательством. В международных отношениях культура отмены также дополняет формальные санкции и направлена на изоляцию страны и разрыв связей с ней в разных сферах взаимодействия, подрыв легитимности международного актора. Проблемой реализации и оценки приемлемости культуры отмены в международных отношениях является её неизбирательный характер и отсутствие единой ценностно-нормативной и институциональной системы, в рамках которой могли бы реализовываться представления о норме и её нарушении.

Об авторах:

Лариса Валериевна Дериглазова – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: dlarisa@inbox.ru

Анастасия Михайловна Погорельская – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: lisbonne@rambler.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет 2030»). Авторы благодарят анонимных рецензентов за критические замечания, которые позволили лучше организовать наши аргументы. Авторы благодарят участников научного исследовательского семинара в ТГУ (В.О. Кривошеину, О.Т. Турдикулова и К.В. Гостева) за полезные обсуждения.

UDC 327:316.7
Received: February 27, 2023
Accepted: July 30, 2023

The Impact of Cancel Culture on Politics and International Relations

L.V. Deriglazova, A.M. Pogorelskaya
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33)

National Research Tomsk State University

Abstract: The article aims to reveal particularities of cancel culture in politics and international relations using methods of sociology and conflict theory. Deriving from previous research of cancel culture, authors define cancel culture as non-institutionalized form of social control that is implemented through mass mobilization in social media. After informal pressure the formal punishment could follow against those who break norms or behavior expectations. As a kind of social control cancel culture could contribute to overcoming gap between manifested values and social practices, preserving social order and fighting elitism and inequality. At the same time cancel culture could be used as instrument of unfair competition, political struggle and suppression of opinions. Comparison of cancel culture cases in the USA, United Kingdom and Russia allows to conclude that the scale and effectiveness of collective actions depend on national context, different systems of norms and values and cultural practices to react on violation of values and norms.

In politics and international relations cancel culture manifests as an addition to actions of formal political institutions, and it aims to undermine authority and reputation of a politician. It is important that in politics and international relations cancel culture is an instrument of informal control, which follows formal sanctions. Conclusions about the nature of cancel culture as an instrument of politics helps to understand better its functions in regard to attempts to “cancel” Russia. Cancel culture adds to formal sanctions and aims to isolate the country, to undermine its legitimacy as international actor. In regard to Russia the efforts are made to “cancel” it on two levels: formal – by sanctions and informal – via rejection to cooperate coming from various professional communities. In both cases countries and respective communities have their own understanding of norms and acceptable means and tools, and thus cancel culture becomes a toll of collective punishment. International relations lack universal understanding of norms and single center of political power, so that causes selective usage of instruments to impact, and thus cancel culture becomes an instrument of political struggle.

Keywords: cancel culture, social control, politics, international relations, Durkheim, Russia, the US, the UK

About the authors:

Larisa V. Deriglazova – Doctor of Sciences in History, Professor, Professor of the World Politics Department, National Research Tomsk State University, 36 Lenina ave., Tomsk, Russia, 634050. E-mail: dlarisa@inbox.ru

Anastasia M. Pogorelskaya – PhD in History, Associate Professor of the World Politics Department, National Research Tomsk State University, 36 Lenina ave., Tomsk, Russia, 634050. E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was supported by the Tomsk State University Development Programme («Priority 2030»). Authors are grateful to two anonymous reviewers for critical comments, that allowed authors to organized our arguments better. Authors thanks participants of research seminar at Tomsk state university (V.O. Krivosheina, O.T. Turdikulov and K.V. Gostev) for helpful discussion.

References:

Dershowitz A. 2020. *Cancel Culture. The Latest Attack on Free Speech and Due Process*. Hot Books. 224 p.

Finn M.C. 2021. Material Turns in British History: IV. Empire in India, Cancel Cultures and the Country House (read 27 November 2020). *Transactions of the Royal Historical Society*. Vol. 31. P. 1-21. DOI: 10.1017/S0080440121000013

Mazierska E. 2022. Roman Polanski (and Others) on Trial. *Studies in Eastern European Cinema*. DOI: 10.1080/2040350X.2022.2088135.

Merton R.K. 1938. Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*. №5. P. 672-682. DOI: 10.2307/2084686.

Mueller T.S. 2021. Blame, then Shame? Psychological Predictors in Cancel Culture Behavior. *The Social Science Journal*. P. 1-14. DOI: 10.1080/03623319.2021.1949552.

Ng E. 2022. *Cancel Culture: A Critical Analysis*. Palgrave Macmillan. 153 p.

Norris P. 2023. Cancel Culture: Myth or Reality? *Political Studies*. 71(1). P. 145-174. DOI: 10.1177/00323217211037023.

Phelan S. 2023. Seven Theses about the So-Called Culture War(S) (or Some Fragmentary Notes on 'Cancel Culture'). *Cultural Studies*. DOI: 10.1080/09502386.2023.2199309

Yumagulova M.R. 2021. Language: a Precious Endowment, a Tool, a Weapon. *Vesti of Institute of Entrepreneurial Activity*. 1(24). P. 95-105.

Akelkina E.A. 2022. Nauchnaya khronika poslednikh mesyatsev sushchestvovaniya omskogo regional'nogo tsentra izucheniya tvorchestva F.M. Dostoyevskogo v strukture OMGU [Scientific Chronicle of the Last Months of the Existence of the Omsk Regional Center for the Study of F.M. Dostoevsky Within Omsk State University]. *Natsional'nye priority Rossii*. 3(46). P. 37-40 (In Russian).

Ananieva E.V. 2021. Znachenie itogov mestnykh vyborov 2021 g. i programmy zakonodatel'nykh mer pravitel'sta Britanii [Implications of Local Elections in the UK]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*. 15 (245). P. 1-6. DOI: 10.15211/analytics152021 (In Russian).

Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. 2002. *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy* [Essays on Theory and Political Analysis of International Relations]. Moscow: Moskovskiy rabochiy. 390 p. (In Russian).

Boiko A.V. 2021. Deviantologicheskii potentsial «kul'tury otmeny» [Deviantological Potential of Cancel Culture]. *Tavricheskie studii. Seriya: Kul'turologiya*. №28. P. 4-8. DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.002 (In Russian).

Boykina E.E. 2022. Sovremennye liki sotsial'nogo ostrakizma: gosting, orbiting, fabbing, kul'tura otmeny [Modern Faces of Social Ostracism: Ghosting, Orbiting, Phubbing, Cancel Culture]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. №2. P. 131-140. DOI: 10.17759/jmfp.2022110212 (In Russian).

Bykov I.A., Ahmedova Iu.D. 2021. Kul'tura otmeny v politicheskom diskurse sovremennoi Rossii [Cancel Culture in the Political Discourse of Modern Russia]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistsika. Obrazovanie. Slovesnost'*. 1(1). P. 14-26. DOI 10.24334/KBSU.2021.1.1.002 (In Russian).

Bylevskiy P.G., Tsatskina E.P. 2022. Fenomenologicheskii analiz yavleniya «kultura otmeny» [Phenomenological Analysis of the Notion "Cancel Culture"]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2(857). P. 162-169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162 (In Russian).

Chugrov S.V. 2022. Kultura otmeny v mirovoy politike: istoriko-filosofskiy korni [Cancel Culture in World Politics: Historical and Philosophical Roots]. *Polis. Political Studies*. №5. P. 88-98. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07 (In Russian).

Demshina A.Yu. 2022. Novaya Chuvstvitel'nost' i Ekonomika Sobytiya [New Sensitivity and the Economy of Event]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. №3. P. 104-109. DOI: 10.53115/19975996_2022_03_104-109 (In Russian).

Diyachenko A.V. 2022. «Ekstremistskaya» tolerantnost': proyavleniya destruktivnoy tolerantnosti v lingvisticheskom prostranstve ["Extremist" Tolerance: Manifestations of Destructive Tolerance in The Linguistic Space]. *Yazyk. Kultura. Perevod: Mezhkulturnaya Kommunikatsiya v Tsifrovuyu Epokhu*. Moscow. P. 113-119 (In Russian).

Durkheim E. 1995. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Object, Method, Designation]. Moscow: Kanon. 352 p. (In Russian).

Dzenish D.K., Levshanova O.Yu., Yaksharova N.E., Goroshevskiy A.N. 2021. Vliyaniye "no-voy etiki" na spetsifiku kommunikatsii v Rossii [The Influence of New Ethics on the Peculiarities of Communication in Russia]. *Sotsial'nye kommunikatsii: nauka, obrazovanie, professiya*. №21. P. 21-26 (In Russian).

Entina E. 2022. Ot «otmenonnoy Rossii» k strane-tsivilizatsii [From "Cancelled Russia" to a Country-Civilization]. *Russia in Global Affairs*. 5(117). P. 98-108. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-10 (In Russian).

Fomenkov A. A. 2022. Kultura otmeny v sovremennoi Rossii: politicheskie aspekty [Culture of Cancellation in Modern Russia: Political Aspects]. *Vestnik Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii*. 2(55). P. 201-205. DOI: 10.47598/2078-9025-2022-2-55-201-205 (In Russian).

Kiseleva A.E., Muromskaya A.V. 2021. Institut reputatsii i kul'tura otmeny v Rossii: faktor razvitiya ili regressii [The Institute of Reputation and the Culture of Cancellation in Russia: a Factor of Development or Regression]. *Paradigma*. №1. P. 136-144. DOI: 10.24412/2367-8658-2021-1-012 (In Russian).

Koktysh K., Renard-Koktysh A. 2021. Kognitivnoye izmereniye bezopasnosti [Cognitive Dimension of Security]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 19(4(67)). P. 26-46. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.3 (In Russian).

Kosolapov N. 2007. Prostranstvenno-organizatsionnyy podkhod k analizu mezhdunarodnykh realiy [Space-Based and Organization-Based Approach in Theory of International Relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 5(3(15)). P. 57-65. (In Russian).

Kosolapov N., Strezhneva M., Fedulova N. 2010. *Transnatsionalnoye politicheskoye prostranstvo: novyye real'nosti mezhdunarodnogo razvitiya* [Transnational Political Space: New Realities of International Development]. Moscow: IMEMO. 266 p. (In Russian).

Kotunova O.V. 2022. Kultura otmeny: eticheskiy analiz [Cancel Culture: Ethical Analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya*. №2. P. 92-106. (In Russian).

Krank E.O. 2021. "Kultura otmeny" i "novaia etika" [Cancel Culture and the New Ethics]. *Kul'tura i iskusstvo: traditsii i sovremennost': materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Cheboksary: Plakat. P. 27-33 (In Russian).

Kravchenko S.A. 2023. Ambivalentnosti tsifrovizatsii: vostrebovanost' yeye natsional'no-kul'turnoy modeli dlya ustoychivogo razvitiya [The Ambivalences of Digitalization: the Demand of Its National-Cultural Model for Sustainable Development]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. №9. P. 29-37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2 (In Russian).

Minyar-Belouchcheva A.P., Sergienko P.I. 2023. Lingvokul'turnyye tsennosti PR-kommunikatsii v epokhu novoy etiki [Linguistic and Cultural Values of PR Communication at the Cancel Culture Time]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. №1. P. 59-69. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-5 (In Russian).

Musieva D. 2022. «Gibridnaya voyna» kollektivnogo Zapada protiv Rossii ["Hybrid War" of the Collective West on Russia]. *Informatsionnye voyny*. 2(62). P. 29-35. (In Russian).

Nikitin A.V., Orlinskaya O.M., Sedaev P.V., Ustinkin S.V., Fomenkov A.A. 2022. Kul'tura otmeny: prichiny trudnosti razvitiya v Rossii [Cancel Culture: Reasons for Development Challenges in Russia]. *Vlast'*. №3. P. 65-69. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9046 (In Russian).

Noskova S.A., Vlavatskaya M.V. 2023. Etnofolizmy kak yedinit'sy ritoriki nenavisti v kontekste proyavleniya "Cancel Culture" [Ethnophaulisms as Lexical Units of Hate Speech within "Cancel Culture" Realization]. *Topical Issues of Philology and Methods of Foreign Language Teaching*. №1. P. 83-90. (In Russian).

Parsons T. 2008. Sotsialnye sistemy [Social Systems]. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 1(2). P. 38-71. (In Russian).

Punina K.A., Fadeev G.A. 2021. #METOO kak tekhnologiya vozdeistviia na politiku [#Me-Too as a Technology for Influencing Politics]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia*. №1. P. 84-95. DOI 10.35634/2587-9030-2021-5-1-84-95 (In Russian).

Shamne N.L., Mayer V.S. 2023. Words of the Year as Linguistic Markers of Cancel Culture. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education]. 1(98). P. 288-290. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-288-290 (In Russian).

Timofeev I.N. 2022. Somnitelnaya jeffektivnost'? Sankcii protiv Rossii do i posle fevralja [Ambiguous Effectiveness? Sanctions Against Russia Before and After February]. *Russia in Global Affairs*. №4. P. 136-152. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152 (In Russian).

Timofeev I.N. 2023. Politika sanktsiy v menyayushchemsya mire: teoreticheskaya refleksiya [Policy of Sanctions in a Changing World: Theoretical Reflection]. *Polis. Political Studies*. №2. 103-119. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.08 (In Russian).

Tsygankov P.A. 2004. *Mezhdunarodnye otnosheniya: teorii, konflikty, organizatsii* [International Relations: Theories, Conflicts, Organizations]. Moscow: Alfa-M. 288 p. (In Russian).

Tsygankov P.A. 2018. Issledovaniya problem miroporyadka: teoreticheskiye trudnosti, raskhozhdeniya traktovok [Studies of World Order: Theoretical Problems and Differences of Interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. №41. P. 194-202. DOI: 10.17223/1998863X/41/21 (In Russian).

Vinogradov V.A. 2023. naliz fenomena "kultura otmeny" kak instrumenta regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy [The Analysis of the "Cancel Culture" Phenomenon as a Tool for Regulating Public Relations]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 27(3). P. 17-30. DOI: 10.12737/jrp.2023.026 (In Russian).

Vyachistaya A.V. 2023. Figura S. Rodsa v kontekste «voyn pamyati» Soyedinonnogo Korolevstva 2020-2021 gg. [The Figure of C. Rhodes in the Context of the "Memory Wars" of the United Kingdom in 2020-2021]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskiye nauki*. 10(1(37)). P. 7-17. DOI: 10.24147/ 2312-1300.2023.10(1).7-17 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Акелькина Е.А. 2022. Научная хроника последних месяцев существования Омского регионального Центра изучения творчества Ф.М. Достоевского в структуре ОМГУ. *Национальные приоритеты России*. 3(46). С. 37-40.

Ананьева Е.В. 2021. Значение итогов местных выборов 2021 г. и программы законодательных мер правительства Британии. *Аналитические записки Института Европы РАН*. 15(245). С. 1-6. DOI: 10.15211/analytics152021.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. 2002. *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. Москва: Московский рабочий. 390 с.

Бойкина Е.Э. 2022. Современные лики социального остракизма: гостинг, орбитинг, фаббинг, культура отмены. *Современная зарубежная психология*. №2. С. 131-140. DOI: 10.17759/jmfp.2022110212.

- Бойко А.В. 2021. Девиантологический потенциал «культуры отмены». *Таврические студии. Серия: Культурология*. №28. С. 4-8. DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.002
- Быков И.А. 2021. Культура отмены как элемент системы коммуникативных агрессий XXI века. *Наука СПбГУ – 2020: Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием, Санкт-Петербург, 24 декабря 2020 года*. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт». С. 791.
- Быков И.А., Ахмедова Ю.Д. 2021. Культура отмены в политическом дискурсе современной России. *Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность*. 1(1). С. 14-26. DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.002
- Былевский П.Г., Цацкина Е.П. 2022. Феноменологический анализ явления «культура отмены». *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2(857). С. 162-169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
- Виноградов В.А. 2023. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений. *Журнал российского права*. 27(3). С. 17-30. DOI: 10.12737/jrp.2023.026.
- Вячислая А.В. 2023. Фигура С. Родса в контексте «войн памяти» Соединённого Королевства 2020–2021 гг. *Вестник Омского университета. Серия Исторические науки*. 10(1(37)). С. 7-17.
- Демшина А.Ю. 2022. Новая чувствительность и экономика события. *Общество. Среды. Развитие*. 3(64). С. 104-109. DOI: 10.53115/19975996_2022_03_104-109
- Дзениш Д.К., Левштанова О.Ю., Якшарова Н.Е., Горошевский А.Н. 2021. Влияние «новой этики» на специфику коммуникации в России. *Социальные коммуникации: наука, образование, профессия*. №21. С. 21-26.
- Дьяченко А.В. 2022. «Экстремистская» толерантность: проявления деструктивной толерантности в лингвистическом пространстве. *Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в цифровую эпоху*. Сборник научных трудов. Т.2. Москва. С. 113-119.
- Дюркгейм Э. 1995. *Социология. Её предмет, метод, предназначение*. Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. Москва: Канон. 352 с.
- Киселёва А.Э., Муромская А.В. 2021. Институт репутации и культура отмены в России: фактор развития или регрессии. *Парадигма*. №1. С. 136-144. DOI: 10.24412/2367-8658-2021-1-012.
- Коктыш К., Ренард-Коктыш А. 2021. Когнитивное измерение безопасности. *Международные процессы*. 19(4(67)). С. 26-46. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.3
- Косолапов Н.А. 2007. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий. *Международные процессы*. 5(3(15)). С. 57-65.
- Косолапов Н.А., Стрежнева М.В., Федулова Н.Г. [и др.] 2010. *Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития*. Отв. редактор М.В. Стрежнева. Москва: ИМЭМО РАН. 266 с.
- Котунова О.В. 2022. Культура отмены: этический анализ. *Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия*. №2. С. 92-106.
- Кравченко С.А. 2022. Амбивалентности цифровизации: востребованность её национально-культурной модели для устойчивого развития. *Социологические исследования*. №9. С. 29-37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2.
- Кранк Э.О. 2021. «Культура отмены» и «новая этика». *Культура и искусство: традиции и современность: материалы IX Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 25 февраля 2021 года*. Чебоксары: Плакат. С. 27-33.

Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. 2023. Лингвокультурные ценности PR-коммуникации в эпоху новой этики. *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. №1. С. 59-69. DOI 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-5.

Мусиева Д.М. 2022. «Гибридная война» коллективного Запада против России. *Информационные войны*. 2(62). С. 29-35.

Никитин А.В., Орлинская О.М., Седаев П.В., Устинкин С.В., Фоменков А.А. 2022. Культура отмены: причины трудностей развития в России. *Власть*. 30(3). С. 65-69. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9046.

Носкова С.А., Влавацкая М.В. 2023. Этнофолизмы как единицы риторики ненависти в контексте проявления «Cancel Culture». *Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков*. 17(1). С. 83-90.

Парсонс Т. 2008. Социальные системы. *Вопросы социальной теории*. II(1(2)). С. 38-71.

Пунина К.А., Фадеев Г.А. 2021. #МЕТОО как технология воздействия на политику. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 5(1). С. 84-95. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-84-95.

Тимофеев И.Н. 2022. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля. *Россия в глобальной политике*. 20(4(116)). С. 136-152. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152.

Тимофеев И.Н. 2023. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия. *Полис. Политические исследования*. №2. С. 103-119. DOI 10.17976/jpps/2023.02.08.

Фоменков А.А. 2022. Культура отмены в современной России: политические аспекты. *Вестник Башкирского института социальных технологий*. 2(55). С. 201-205. DOI: 10.47598/2078-9025-2022-2-55-201-205.

Цыганков П.А. 2004. *Международные отношения: теории, конфликты, организации*. Москва: Альфа-М. 288 с.

Цыганков П.А. 2018. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. №41. С. 194-202. DOI: 10.17223/1998863X/41/21

Чугров С.В. 2022. Культура отмены в мировой политике: историко-культурные корни. *Полис. Политические исследования*. №5. С. 88-98. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07

Шамне Н.Л., Майер В.С. 2023. Слова года как лингвистические маркеры культуры отмены (cancel culture). *Мир науки, культуры, образования*. 1(98). С. 288-290. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-288-290.

Энтина Е.Г. 2022. От «отменённой России» к стране-цивилизации. *Россия в глобальной политике*. 20(5). С. 98-108. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-10

Основы проектирования сетевой модели русских международных школ

В.А. Ясвин¹, Р.И. Котов¹, И.С. Демаков², А.С. Хромых¹

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

² Горчаковский лицей МГИМО МИД России

Образование – один из инструментов внешней политики России, направленный на развитие гуманитарного сотрудничества. В настоящее время основной акцент делается на экспорт высшего профессионального образования, а значение экспорта общего образования недооценивается. Меры государственной поддержки существующих русских зарубежных школ согласно концепции «Русская школа за рубежом» и «Основным направлениям политики России в области международного культурно-гуманитарного сотрудничества» направлены, прежде всего, на русско-говорящих соотечественников и практически не ориентированы на широкие слои населения иностранных государств. В то же время в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом от 5 сентября 2022 г. прямо говорится о необходимости расширении сети русских школ за рубежом. В качестве кейса, который может стать модельным для решения поставленной задачи, в статье рассматривается проект организации сети русских международных школ, ориентированных на иностранных граждан, в формате консорциума. Особое внимание уделяется социально-политическим, методологическим и организационно-педагогическим основам проектирования.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество, экспорт образования, русская международная школа, организационно-педагогическое проектирование, образовательная модель, образовательная сеть

Реализация Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом¹ в части «продвижения российских образовательных услуг на мировом рынке, расширении сети русских школ за рубежом» предполагает разработку методологических и организационно-методических основ проектирования сетевой модели русской международной школы. Цель данной статьи

¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (accessed 02.08.2023)

заключается в разработке таких методологических и организационно-методических основ, а также оценке их эффективности на примере пилотного проекта, осуществляемого Лицеем МГИМО в Узбекистане.

В отечественной научно-методической литературе по экспорту российского образования рассматривается практически исключительно только сфера высшего образования для иностранных студентов и изучение русского языка за рубежом (Борисенков 2017; Должикова 2021; Протасова 2010 и др.)

В зарубежной, преимущественно англоязычной научной литературе, вопросу международного школьного образования как инструмента «мягкой силы» уделено значительно больше внимания. Существуют три основных подхода к роли и функциям международных школ в системе образования отдельных стран.

Первый подход представлен в работах К. Хьюза (Hughes 2020), Я. Хилла (Hill 2007), М. Хайдена (Hayden 2011). Данные учёные во многом разделяют подход французского педагога Мари-Терез Моретт о том, что международные школы должны быть предельно космополитичны. Их цель заключается в воспитании «глобального гражданина» на основе идеалов гуманизма и целей устойчивого развития.

В рамках второго подхода можно выделить работы М. Боле, Ж. Рей (Bolay, Rey 2021), А. Гарднер-МакТаггарт (Gardner-McTaggart 2016), Дж. Сонга (Song 2013), Д. Венинк (Weenink 2008). Они рассматривают международные школы в утилитарном ключе. Во главу угла ставятся не морально-нравственные идеалы космополитизма, а квалификационные запросы транснациональных корпораций. Главной тенденцией развития международных школ, по мнению данных авторов, является универсализация образования согласно запросам родителей, с одной стороны, и стандартам, выдвигаемым международными корпорациями, с другой.

Третий подход к проблеме международной школы представлен трудами учёных, представляющих развивающиеся страны, в которых активно ведут свою деятельность англоязычные международные школы. В статьях В. Хаммада, С. Шаха (Hammad, Shah 2018), С. Суреша Бабу, А. Махаджана (Suresh Babu, Mahajan 2021), А. Пула (Poole 2020) поставлен вопрос о соотношении международной школы со специфическими национальными традициями, сложившимися в системе образования конкретной страны. Международная школа воспринимается здесь как инструмент повышения качества национального образования, а не создания «гражданина мира» или квалифицированного сотрудника транснациональных корпораций.

Существует и достаточно широкий круг работ зарубежных авторов, посвящённый частным вопросам деятельности международных школ. Например, организации горизонтальной системы управления образовательными процессами в международной школе (Muthiah, Adams, Abdullah 2021), специфике

работы и передачи культурного опыта беженцам, прибывшим в США (Bartlett, Mendenhall, Ghaffar-Kucher 2017), универсальному преподаванию естественно-научных предметов (Sagun, Corlu 2014) и другим подобным вопросам.

В данной статье представлены принципы и организационные механизмы, а также проанализированы наиболее успешные примеры международных сетевых образовательных проектов в истории и современности (сеть иезуитских коллегий в XVI–XVII вв., а также международный бакалавриат, ассоциированные школы ЮНЕСКО и институты Конфуция); обобщены основные идеи по формированию стратегического контура проекта «Русская международная школа», высказанные на экспертной сессии в МГИМО МИД России; осмыслен опыт Горчаковского лицея МГИМО по организации русской международной школы в Республике Узбекистан.

Образование как инструмент гуманитарного сотрудничества

В современных условиях важнейшим фактором международного лидерства и престижа страны является её способность «направленно развивать» другие страны (Богатуров 2006). Одним из ключевых механизмов такого «направленного развития», безусловно, является экспорт национальной системы образования (Ковалёва 2014). Данному вопросу посвящён ряд научных публикаций, однако, можно констатировать, что все они касаются только российского высшего образования для иностранных студентов (Амиров 2018; Арефьев 2014; Косевич, Кожина 2016; Торкунов 2012, 2017 и др.), а также изучения русского языка за рубежом (Бреднёва 2020; Запрометова 2020; Зиннатуллина, Попп, Попп 2018 и др.), но совершенно не рассматривают уровень общего и дошкольного российского образования для иностранных граждан.

В то же время в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом² прямо говорится о необходимости «способствовать продвижению российских образовательных услуг на мировом рынке, расширению сети русских школ за рубежом». Создание зарубежной сети русских международных школ также полностью соответствует духу «Основных направлений политики России в области международного культурно-гуманитарного сотрудничества», разработанных Министерством иностранных дел Российской Федерации³ и Концепции «Русская школа за рубежом»⁴, определяющей «приоритетные цели и за-

² Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 02.08.2023).

³ Основные направления политики России в области международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Утверждены Президентом Российской Федерации 18 декабря 2010 г. URL: <https://legalacts.ru/doc/osnovnye-napravleniya-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-sfere/> (дата обращения: 02.08.2023).

⁴ Концепция «Русская школа за рубежом». Утверждена Президентом Российской Федерации 4 ноября 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50643> (дата обращения: 02.08.2023).

дачи государственной политики Российской Федерации в отношении общего образования на русском языке в международном образовательном пространстве, подходы к обеспечению доступа граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства к общему образованию на русском языке за рубежом, а также виды государственной поддержки образовательных организаций, осуществляющих преподавание на русском языке в зарубежных странах».

Особо подчеркнём, что в данных стратегических документах речь идёт о поддержке общего образования на русском языке не только для соотечественников, проживающих или длительно пребывающих за рубежом, но и для граждан других государств. В качестве целей организации русских школ за рубежом рассматриваются, в частности, становление и формирование личности обучающегося на основе российских культурных традиций и моральных ценностей, развитие интересов и способности к социальному самоопределению, формирование уважения к правам и свободам человека и позитивного отношения к современной России.

Согласно Концепции «Русская школа за рубежом» Министерству иностранных дел Российской Федерации поручается «разработка общей стратегии и осуществление координации деятельности в отношении общего образования на русском языке в международном образовательном пространстве и поддержка русских школ за рубежом», которая включает информационные, методические и материально-технические аспекты, а также организацию профессионального образования и дополнительного профессионального образования для сотрудников русских школ за рубежом.

Социально-политический контекст организации русских международных школ за рубежом

При разработке модели и организации русских зарубежных школ следует учитывать усиление русофобии в мире. Наша страна уже сталкивалась со стремлением ведущих государств изолировать вновь образованную в 1918 г. Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику. Несмотря на это, в дальнейшем в Советском Союзе была создана уникальная и эффективная система образования, ставшая примером для многих стран, причём не только развивающихся, но и мировых лидеров.

Так, в 1963 г. в Специальном послании Конгрессу об образовании Джон Кеннеди говорил: «Стоит отметить, что Советский Союз понимает, что образовательные усилия в 1960-х окажут большое влияние на силу, прогресс и статус нации в 1970-х и 1980-х... Увлечение этой нации образованием, безусловно, достаточно, чтобы превзойти достижения любой другой нации или системы»⁵.

5 Специальное послание Конгрессу об образовании 35-го президента США Дж. Кеннеди от 29 января 1963 года. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-education> (accessed 02.08.2023)

Действительно, Советский Союз широко и успешно использовал образование в качестве инструмента геополитики и «идеологического оружия» в условиях блокового противостояния и Холодной войны, ещё задолго до возникновения самого понятия «мягкой силы» (Торкунов 2011). В частности, для подготовки широкого спектра специалистов, прежде всего, для стран Азии, Африки и Латинской Америки, «завоевавших свободу от колониальной зависимости», в 1960 г. в Москве был открыт Университет дружбы народов. Подготовка специалистов для этих стран велась также в десятках советских вузов. Такая образовательная политика, наряду с другими инструментами «мягкой силы», принесла свои плоды, и к 1970-м гг. авторитет СССР в развивающихся странах был, несомненно, высок.

После распада СССР в 1990-х гг. симпатии и интерес мирового сообщества к новой России ещё более возросли, однако доля России на международном рынке образовательных услуг стала неуклонно снижаться. Можно предположить дальнейшее уменьшение привлекательности российского высшего образования для иностранных студентов, обусловленного, в том числе, беспрецедентно жёсткой санкционной политикой коллективного Запада.

Представляется, что в сложившейся международной ситуации целесообразен ребрендинг российской системы образования. «Формирование бренда страны и обретение ею “мягкой силы” – даже при самых благоприятных условиях – это долгий процесс, результаты которого становятся обычно заметными в среднем через два десятилетия (то есть на страну по-новому взглянет уже следующее поколение). Причём это именно процесс, а не жёстко контролируемая процедура. Бренд не строится, а выращивается, “мягкая сила” постепенно набирается, репутация складывается» (Паршин 2013: 30). Если же говорить о психологических и социальных результатах образования для иностранцев, то они ещё более отсрочены во времени, но при этом наиболее устойчивы, поскольку формируют не сиюминутное субъективное отношение к стране на основе тех или иных фрагментарных, позитивно или негативно эмоционально окрашенных впечатлений, а определяют мировоззрение, смыслы, ценности и приоритеты личности.

Примеры международных сетевых образовательных проектов в истории и современности

Образовательная сеть – это совокупность образовательных организаций, добровольно объединяющих педагогический, методический, информационный, материальный и кадровый потенциал, а также координирующих свою деятельность для достижения согласованных целей на основе общих ценностей. Преимущества образовательной сети по сравнению с централизованной иерархической системой в её большей пластичности и мобильности, а также внешней и внутренней устойчивости (Каракозов, Митрофанов 2015; Черников 1996; Щельская 2016 и др.).

Анализируя сущность и специфику образовательных сетей, А.М. Лобок считает «ключевым показателем сетевого развития» положение, когда «"сетевое целое" развивается в той мере, в какой происходит развитие субъектных само-стей участников сети и усложняются процессы сетевых встреч, усложняются процессы завязывания новых сетевых узлов»⁶.

Можно выделить следующие принципы организации сетевого взаимодействия в сфере образования (Захарова 2018):

- Взаимная выгода от участия в сетевом взаимодействии всех организаций.
- Открытость сети, что подразумевает свободное вхождение любого участника в процесс взаимодействия, а также свободный выход из него в случае утраты интереса.
- Контактность, что предполагает формальное и неформальное взаимодействие с целью обмена информационными, методическими, нормативными и иными ресурсами.
- Единство целей, требующее понимания и принятия всеми членами сетевого сообщества конечной цели, но допускающее различные варианты её достижения.
- Субъектная позиция участников взаимодействия предполагает активную роль, связанную с выдвижением идей и предложений.
- Взаимная ответственность участников сетевого взаимодействия за принятые решения.
- Конвивельность – искусство дружбы, взаимности, доверия и творческого взаимодействия, открытость инновациям.

При организации сетевого взаимодействия целесообразно использовать координационную концентрированную модель управления. Суть такой модели заключается в создании регулирующего ресурсного центра, направляющего и координирующего деятельность по достижению той цели, ради которой и стало формироваться сетевое взаимодействие⁷. По сути, речь идёт о формате консорциума, в котором управление сетью осуществляется центром, производящим методические ресурсы.

Выдающийся по масштабам и педагогическому качеству сетевой образовательный проект средневековья был реализован Орденом иезуитов (Общество Иисуса, *Societas Jesu*), которые в 1548 г. основали свою первую коллегию. Через четверть века было организовано уже 125 иезуитских коллегий в различных

⁶ Лобок А.М. 2014. Сетевое взаимодействие: новый формат или модное название? *Журнал руководителя управления образованием*. №7. URL: http://obr.direktor.ru/archive/2014/7/Setevoe_vzaimodeystvie_novyy_format_ili_modnoe_naz (дата обращения: 02.08.2023).

⁷ Золотарева А.В. 2011. *Реализация вариативных моделей сетевого взаимодействия общего, дополнительного и профессионального образования в рамках организации внеурочной деятельности: методические рекомендации*. Под ред. А.В. Золотаревой. Ярославль: ЯГПУ.

странах Европы, а к середине XVII в. их число достигло более 520 (Бемер 1999). «Теоретическим выражением педагогической мысли иезуитов стал “школьный устав” ордена – “План занятий”» (Ratio Studiorum 1599), включавший учебные планы и подробные инструкции для руководителей и преподавателей различных предметов и типов учебных заведений. Система образования иезуитов была чрезвычайно успешной, поскольку делала акцент на формирование духовной элиты во всех слоях общества (Шмонин 2002: 266). Образование в иезуитских коллегиях считалось лучшим во всей Европе. Учебные программы и учебники использовались как в протестантских университетах, так и в православных семинариях и академиях. Сеть иезуитских коллегий достигла также Латинской Америки.

Популярность данной образовательной сети во многом была обусловлена первым в мире образовательным стандартом Ratio Studiorum (Кидрасова 2020; Ходунова 2021), актуальностью содержания образования для всех социальных категорий жителей различных стран, точным соответствием запросам своей эпохи, продуманностью и гибкостью образовательного процесса, что радикально отличало иезуитские коллегии от других образовательных организаций того времени (Шмонин 2002).

Изучение опыта иезуитов по организации широкой и успешной международной сети школ, работающих по единым стандартам, укомплектованных педагогами, прошедшими методическую подготовку по единым программам, может быть весьма актуально при проектировании сети русских международных школ.

Нельзя оставить без внимания и образовательную сеть «Международного бакалавриата» (International Baccalaureate), основанную частным фондом в 1968 г., на основе комплекса образовательных программ для детей от 3 до 19 лет⁸. Программы международного бакалавриата направлены на личностное развитие, развитие ментального, эмоционального и социального интеллекта в процессе освоения традиционных учебных дисциплин (Григорьян 2016; Шнейдер 2005; Шнейдер, Корабельщикова 2006). Эти программы передаются самым различным школам разных стран, прошедшим «авторизацию», удостоверяющую, что школа имеет необходимые условия и обеспечивает соответствующий образовательный стандарт. Выпускники программ международного бакалавриата получают сертификат, который даёт право на дальнейшее обучение или трудоустройство практически в любой стране мира.

В основе содержания обучения и организации образовательного процесса лежит педагогическая модель «Методы обучения для мира» французского педагога Мари-Терез Моретт, которая основала и возглавляла в 30–40-х гг. XX века

⁸ Безукладников К.Э., Крузе Б.А. 2010. *Программы международного бакалавриата: Проектирование системы образования XXI века*. Учебное пособие. Пермь. 135 с.

первую международную школу в Женеве. Основная цель данного педагогического подхода заключалась в воспитании «гражданина мира». Согласно принципу «международной культуры», предполагалось на начальном этапе образовательного процесса формировать у школьников «глобальную картину мира», и лишь затем изучение истории, географии, культуры их родной страны в международном контексте. Преподавание велось на французском и английском языках, что предполагало освоение детьми разных способов мышления, обусловленных этими языками (Morette 1948).

В настоящее время в 150 странах мира насчитывается более пяти тысяч школ, аккредитованных как школы международного бакалавриата. При реализации программы международного бакалавриата в российских школах она совмещается с отечественной образовательной программой, что существенно повышает нагрузку на учащихся. Между тем идеология сети школ международного бакалавриата изначально предусматривала, что школы-участники реализуют исключительно аутентичную образовательную программу.

В качестве ещё одного примера успешного международного сетевого проекта в сфере общего образования могут быть рассмотрены также ассоциированные школы ЮНЕСКО (UNESCO Associated Schools Project Network, ASPnet). Этот проект ЮНЕСКО считается одним из самых продолжительных и успешных. Суть проекта заключалась во включение в национальные образовательные программы вопросов сохранения памятников природы и культурного наследия народов мира, толерантного поведения и сотрудничества на основе общечеловеческих ценностей и прав человека.

В настоящее время насчитывается более десяти тысяч ассоциированных школ ЮНЕСКО из более чем 180 государств. В Советском Союзе первые ассоциированные школы ЮНЕСКО появились в 1957 г. Россию представляют свыше 260 образовательных организаций, включая не только школы, но также колледжи и педагогические вузы.

Ассоциированные школы ЮНЕСКО ориентированы на максимальную интеграцию общего и дополнительного образования, а также социально-культурной деятельности в целях нравственного и духовного воспитания обучающихся. Координаторы секретариата ЮНЕСКО рассылают школам-участницам методические материалы и рекомендации, оказывают консультационную и представительскую поддержку в инициативных школьных проектах, которые всячески приветствуются. Участие школы в сетевых мероприятиях носит добровольный характер. Каждая ассоциированная школа ЮНЕСКО периодически предоставляет в секретариат этой организации соответствующий отчёт. Если школа в течение трёх лет не проявляет активности, не предоставляет в секретариат отчёт, она исключается из сети (Прусс, Беляева 2013).

Важнейший урок для организации сети русских международных школ, вытекающий из примера глобальной сети ассоциированных школ ЮНЕСКО, заключается в целесообразности объединения ресурсов междуна-

родной сети школ с соответствующими международными сетями университетов (UNITWIN/ UNESCO Chairs) и учреждений среднего профессионального образования (UNEVOC Network). Именно на основе такого подхода представляется наиболее эффективным экспорт российского высшего профессионального и общего образования. Сеть ассоциированных школ ЮНЕСКО также демонстрирует успешный опыт социального партнёрства (Балясникова, Бордовский 2017), актуальный для развития не только профессиональных компетенций и обмена опытом педагогов и руководителей русских международных школ, но и формирования социального и эмоционального интеллекта обучающихся.

Масштабным международным образовательным и культурно-просветительским проектом начала XXI в. является создание сети институтов Конфуция. Проект направлен на обучение китайскому языку и популяризацию китайской культуры. Всемирная сеть институтов и классов Конфуция включает совокупность зарубежных культурно-образовательных центров, организованных Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом Министерства образования КНР совместно с зарубежными синологическими центрами.

Первый институт Конфуция был организован в 2004 г. в Сеуле. Через шесть лет было открыто более 300 институтов в 100 странах мира⁹. Число изучающих китайский язык в настоящее время уже превысило 30 млн чел. В развитие проекта для формирования компетентностно-ориентированного образовательного пространства в области изучения китайского языка и культуры при институтах Конфуция открываются классы Конфуция. Проект «Класс Конфуция» призван повысить уровень знания китайского языка и достижений китайской культуры в мире через реализацию образовательных программ по различным отраслям гуманитарных знаний и осуществление культурно-просветительской деятельности¹⁰.

В России существует более 20 институтов и классов Конфуция в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Иркутске, Владивостоке, Улан-Удэ, Благовещенске, Казани и других городах.

Рассмотренные примеры международных образовательных сетей демонстрируют различные концепции, подходы и механизмы их организации и функционирования. Методологический анализ этих и других международных образовательных проектов позволяет, опираясь на опыт их реализации, выявить наиболее эффективные форматы проектирования и реализации сетевой модели русской международной школы.

⁹ Лю Яньдун. 2011. Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция: Программная речь на V съезде Институтов Конфуция. *Институт Конфуция (русско-кит. версия)*. № 1 (январь). С. 10.

¹⁰ *Класс Конфуция как культурно-образовательный международный проект*. 2010. Методическое пособие. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета.

Проектирование модели русской международной школы

В декабре 2021 г. в Горчаковском лицее МГИМО была проведена масштабная экспертная сессия, целью которой было определение стратегического контура проекта «Русская международная школа», в частности, определение целеполагания, миссии, позиционирования, вариативных форм русской международной школы, сегментирование целевой аудитории, выделение критериев отбора стран для открытия школ, прогнозирование возможных рисков, обсуждение перспектив развития проекта¹¹.

Экспертной группой было предложено проектировать модель русской международной школы в логике «конструктора», способного создавать вариативную «витрину русской международной школы» в системе координат «продукт – территория», исходя из конкретных задач того или иного рынка образовательных услуг. Для различных потребителей (стран и сообществ) реализуется в зависимости от их потребностей и «технологической готовности» одна из трёх проектно-организационных стратегий: «ремонтирующая», «модернизирующая» или «опережающая».

Участниками стратегической сессии была сформулирована миссия проекта «Русская международная школа», которая заключается в воспитании национальных и международных лидеров нового формата с глобальной ответственностью за позитивные изменения, а также в обеспечение равного доступа к образованию для всех жителей планеты, независимо от места проживания.

В процессе определения функций, стратегических задач и направлений реализации проекта "Русская международная школа", эксперты выдвинули широкий спектр предложений, который может быть сведён к следующим ключевым идеям:

1. *Инструмент продвижения положительного образа России*: "Русская международная школа" представляется как инструмент "мягкой силы", направленный на создание положительного образа России за рубежом. Она направлена на формирование благосклонного отношения зарубежной аудитории к России и акцентирует внимание на образе России как прогрессивной страны, нацеленной на сотрудничество и мультикультурализм (вместо стереотипа «медведь-балалайка-спутник»).

2. *Полилингвальная личностно-развивающая среда*: школа рассматривается как среда, способствующая развитию личности и открытой для многоязычности, а не просто как образовательная программа.

¹¹ Стратегическая экспертная сессия «Разработка инновационной модели русских международных школ». 20.12.2021, Горчаковский лицей МГИМО.

3. *Коммуникационно-дискуссионная площадка*: задача школы – способствовать культурному и образовательному диалогу, не быть "транслятором и пропагандистом".

4. *Укрепление статуса российского образования*: "Русская международная школа" улучшает репутацию российского образования за границей, привлекая одарённых обучающихся как потенциальных студентов российских вузов.

5. *Вовлечение соотечественников*: планируется привлекать соотечественников, проживающих за границей, в качестве соучредителей, педагогов, руководителей и специалистов для инновационного развития. Возможно создание педагогической магистратуры и специальных программ профессиональной переподготовки.

6. *Качественное образование для детей из русскоязычных семей*: "Русская международная школа" предоставляет возможности для качественного российского образования детям из русскоязычных семей, проживающим за границей.

Участниками экспертной сессии было также отмечено, что проект «Русская международная школа» является эффективным каналом внедрения лучших зарубежных педагогических практик в отечественную систему образования. С другой стороны проект создаёт новый уровень предпрофессиональной подготовки будущих дипломатов как для России, так и для заинтересованных зарубежных стран.

Критериями выбора стран для пилотного этапа организации русских международных школ стали запрос на русскоязычное образование; законодательная база страны и условия организации альтернативного образования в стране, включая кадровый потенциал; толерантность страны к стратегическим целям проекта; общий уровень системы образования в стране; наличие административного ресурса МИД и МГИМО в стране; численность русскоязычной диаспоры.

В качестве инструмента проектирования и организации русской международной школы предполагается использование экспертно-проектной технологии, включающей оригинальный инструментальный арсенал¹², прошедший апробацию в десятках регионов России и образующий комплекс взаимодополняющих методик (Ясвин 2019). Методика векторного моделирования среды развития личности позволяет проектировать школьную среду, обеспечивающую активность личности в освоении образовательных ресурсов. Методика проектирования школьной среды на основе комплекса количественных параметров позволяет содержательно организовывать школьную среду с учётом критериев, характеризующих сложные социальные системы. Методика анализа организа-

¹² Ясвин В.А., Рыбинская С.Н., Белова С.А., Дробнов С.А. Программно-диагностический комплекс для обеспечения процесса экспертно-проектного управления инновационным развитием образовательных учреждений. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013619715. Дата государственной регистрации в Реестре программ для ЭВМ 14.10.2013 г.

ционно-педагогической системы школы позволяет проектировать и организовывать личностно развивающий потенциал образовательной среды школы и обеспечить высокую степень комплементарности школьных образовательной и организационной подсистем. Методика анализа личностно развивающего потенциала образовательной программы школы позволяет проектировать содержание образования в школе, направленное на формирование ключевых компетенций обучающихся. Идея создания методики базировалась на предположении о возможности синтеза культуросообразного и компетентностного подходов в рамках единой модели содержания образования. Методика диагностики субъективного отношения к школе позволяет проводить мониторинг и сравнительный анализ отношения различных членов образовательного сообщества к учащимся, педагогам, образовательному процессу, помещению и оборудованию школы, а также выявлять скрытые психологические проблемы, обусловленные этими субъективными отношениями. Методика анализа взаимоотношений различных категорий членов образовательного сообщества позволяет анализировать направленность этих взаимоотношений на сотрудничество, симпатию, терпимость или агрессию, что представляется особенно важным аспектом для управления школой в условиях зарубежного образовательного сообщества и социального окружения.

В качестве опорной модели для проектирования русской международной школы предложено рассматривать авторскую модель «живой школы актуального образования» (Ясвин 2021), содержание образования и организация образовательного процесса в которой предусматривают, наряду с опорой на традиционную «знаниевую парадигму образования» и «жесткие навыки» (*hard skills* – конкретные проверяемые компетенции, например, владение иностранным языком), также формирование мировоззрения (ценностей и смыслов), системы субъективных отношений личности, эмоционального и социального интеллекта, «мягких навыков» (*soft skills* – комплекса умений общего характера, тесно связанных с личностными качествами: креативность, критичность мышления, коммуникация, кооперация, лидерство, этика, дисциплина, ответственность и т.п.), метапредметных и специальных компетенций, общекультурной эрудиции, в соответствии с мировыми тенденциями современного общего образования (Делор 1996; Сурудина 2018; Фадель, Бялик, Триллинг 2018 и др.).

Таким образом, результаты работы стратегической сессии являются методологической основой и стратегическим ориентиром для разработки концепции контура управленческо-педагогической и финансово-экономической моделей русской международной школы.

По итогам проведённого сравнительно-сопоставительного анализа международных школьных образовательных сетей (см. табл.) можно констатировать, что модель сетевого образовательного проекта «Русская международная школа» соответствует стандартам наиболее успешных аналогичных проектов, более того, обладает рядом организационно-педагогических преимуществ.

Таблица. 1. Сравнительно-сопоставительный анализ модели сетевого образовательного проекта «Русская международная школа» с наиболее успешными моделями международных сетей школьного образования

Table 1. Comparative analysis of the network educational project model «Russian International School» with the most successful models of international school education networks

Аналитический параметр	Русская международная школа	Международный бакалавриат	Ассоциированные школы ЮНЕСКО	Классы Конфуция
Образовательные цели	Развитие личностного потенциала, социальное самоопределение, академические знания, уважение к правам и свободам, к народам других стран	Развитие социальных компетенций, воспитание «человека мира»	Развитие социальных компетенций	Личностное развитие на основе древнекитайской философии
Организационная форма сети	Консорциум на основе координационно-концентрированной модели	Ассоциация аккредитованных школ	Ассоциация независимых школ	Специализированные классы в национальных школах
Образовательная программа	Интеграция российской и национальной программ	Оригинальная программа в дополнение к национальной программе	Включение специальных компонентов в образовательную программу школы-участницы проекта	Оригинальная программа в дополнение к национальной программе
Образовательная модель	Интеграция личностного развития, воспитания, обучения и социализации	Интеграция личностного развития, обучения и социализации	Интеграция обучения и социализации	Интеграция личностного развития и воспитания
Содержание образования	Синтез компетентностного и культуросообразного подходов	Компетентностный подход	Компетентностный подход	Культуросообразный подход
Образовательный процесс	Ступенчатый, структурированный	Ступенчатый, структурированный	Фрагментарный	Фрагментарный
Образовательная среда	Открытая личностно-развивающая	Открытая личностно-развивающая	Открытая социализирующая	Открытая воспитывающая
Кадровое обеспечение	Подготовка и дополнительное профессиональное образование на базе ведущих российских университетов; формирование экспертных сообществ	Повышение квалификации и аккредитация национальных учителей	Повышение квалификации национальных учителей	Дополнительное профессиональное образование на базе китайских университетов

Опыт Лицея МГИМО по организации русской международной школы в Республике Узбекистан

Практическое приложение названных принципов стало возможно в рамках реализации сетевых договоров в Республике Узбекистан. Договоры зафиксировали предмет и направления сотрудничества: реализация общеобразовательных программ в сетевой форме, а также сопровождение и обеспечение Государственной итоговой аттестации (ГИА) для обучающихся Горчаковского лицея, проходящих обучение в Ташкенте.

Первое направление – реализация образовательной программы среднего общего образования (СОО). Ключевой особенностью работы по нему стала необходимость согласования локальной (узбекской) и российской программ.

Было необходимо согласовать систему образовательных результатов, оптимизировать рабочие программы учебных предметов (в том числе на уровне дидактических единиц), выдержать рамку санитарных требований, предъявляемых в обеих национальных образовательных системах к максимальной учебной нагрузке обучающихся. При согласовании системы образовательных результатов обнаружилось, что в части предметных результатов национальные стандарты достаточно близки и требуют только синхронизации содержания учебных курсов (конкретнее – их рабочих программ) между годами обучения. При этом, однако, обнаружилось, что комплекс дидактических единиц и даже целые темы, например, в курсе математики, необходимо дополнительно вводить в рабочие программы по этому предмету для 10–11 классов, поскольку в рамках национальной программы в Узбекистане эти темы и дидактические единицы не изучались на ступени основного общего образования, как в российской программе. Существенное расхождение обнаружилось по предметам социально-гуманитарного цикла. Так, курс литературы в локальном учебном плане построен композиционно и содержательно совершенно иначе, чем в российской, где «центр тяжести» приходится именно на 10–11 класс; в местной национальной программе основные произведения российской классики, необходимые, в частности, как источник литературных аргументов для прохождения ГИА, пройдены раньше ступени СОО, либо вообще не изучаются. Обратное явление наблюдается с учебными курсами родного языка и родной литературы: федеральный стандарт принципиально позволяет зачесть обширные курсы национального языка и литературы, преподающиеся в местной школе. Курсы обществознания и истории России, напротив, необходимо было «вмонтировать» в учебный план, причём по необходимости требовалось предпослать собственно темам 10–11 класса обширный модуль введения, заключающий в себе ключевые дидактические единицы, изученные по российской программе с 6 класса. Учебный курс иностранного языка (английского) обнаружил значительную синхронию.

Для решения этих методических задач была проведена обширная работа по сопоставлению национальных программ. В результате были выявлены дублирующиеся элементы учебных курсов, а также содержательные лакуны национальной программы, для замещения которых были сформулированы темы и комплексы дидактических единиц. Результатом работы стала гармонизация национальных образовательных систем средствами основной части учебного плана и, в особенности, части учебного плана, формируемой участниками образовательных отношений.

Решение вопроса о соблюдении установленных норм недельной аудиторной нагрузки на обучающегося потребовало мобилизации ресурсов дополнительного образования: в ДО, например, вынесены курсы на иностранном языке (элементы билингвального обучения) и специальная тренировка к форматам ГИА.

Таким образом в течение нескольких лет методического поиска и разработки новых педагогических практик, способных согласовать особенности двух образовательных систем, сформировался МГИМО-компонент национальной образовательной программы. В настоящее время он реализуется в двух форматах: очные интенсивные модули (по методу погружения в предмет), которые проводят прибывающие в Ташкент преподаватели Горчаковского лицея МГИМО, а также дистанционные курсы, реализуемые преподавателями Лицея в течение всего учебного года. Оба формата сопровождаются методической работой с педагогами партнёрских школ Ташкента, которые привлекаются, в частности к подготовке и проведению процедуры ГИА.

Проведение ГИА в Ташкенте составляет второе направление работы. В 2020/21 учебном году Горчаковским лицеем впервые была решена задача по организации пункта проведения экзамена (ППЭ) за границей Российской Федерации, сформированного при этом на базе местной образовательной организации.

Весной 2021 г. команда Горчаковского лицея обеспечила полноценное обучение педагогов партнёрских образовательных организаций в Ташкенте, а также обеспечила организационно-педагогические и материально-технические условия для работы ППЭ. В июне-июле в ППЭ были проведены экзамены в формате ГВЭ (государственный выпускной экзамен) по русскому языку и математике, по результатам которых обучающиеся в ташкентских классах МГИМО получили российские аттестаты.

Опыт был признан успешным, и в текущем учебном году МГИМО обеспечивает расширение ППЭ таким образом, чтобы в нем могли быть проведены все виды ГИА в формате Единого государственного экзамена, включая экзамен по иностранному языку в устной форме и КЕГЭ – новую форму экзамена по информатике. Результатом работы по этому направлению стало формирование логически завершённого академического трека русской международной школы в Республике Узбекистан, выстроенного на согласовании национальных учебных планов и завершающегося Государственной итоговой аттестацией.

Опыт сетевого сотрудничества с образовательными учреждениями Республики Узбекистан, таким образом, является апробацией и первой практической реализацией методик и практик, составляющих концепцию «Русской международной школы».

Заключение

Проект «Русская международная школа» развивает относительно новый инструмент внешней политики – общеобразовательную школу. В настоящее время он направлен прежде всего на соотечественников за рубежом. Необходимо расширять охват проекта на всех иностранных граждан, предоставляя им возможность получать начальное образование в русских международных школах. Реализация проекта будет наиболее эффективной в формате образовательной сети, организованной как консорциум, в котором управление сетью осуществляется центром, производящим методические ресурсы.

Об авторах:

Витольд Альбертович Ясвин – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, заведующий межфакультетской кафедрой образовательных систем и педагогических технологий МГИМО МИД России. 143007 Российская Федерация, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3. E-mail: vitalber@yandex.ru

Роман Игоревич Котов – советник ректората МГИМО МИД России, руководитель педагогических программ межфакультетской кафедры образовательных систем и педагогических технологий. 119454 Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76, каб. 3005 E-mail: rkotov@inno.mgimo.ru

Илья Сергеевич Демаков – директор Горчаковского лицея МГИМО МИД России. 143007 Российская Федерация, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3. E-mail: beamte@gmail.com

Александр Станиславович Хромых – кандидат исторических наук, доцент, специалист по учебно-методической работе первой категории межфакультетской кафедрой образовательных систем и педагогических технологий МГИМО МИД России. 143007 Российская Федерация, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3. E-mail: khromikh-alex@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование подготовлено в рамках гранта на реализацию МГИМО МИД России программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

UDC 327.83:371

Received: April 20, 2022

Accepted: December 11, 2022

Designing a Network Model for the Russian International Schools

V.A. Yasvin¹, R.I. Kotov¹, I.S. Demakov², A.S. Khromykh¹[DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-34-55](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-34-55)¹ MGIMO University² MGIMO Lyceum

Abstract: Education is one of Russia's instruments of foreign policy aimed at fostering humanitarian cooperation. Currently, the primary focus is on higher education, while the significance of exporting general education is undervalued. State support measures for existing Russian overseas schools, in accordance with the concepts of "Russian School Abroad" and "Key Directions of Russia's Policy in the Field of International Cultural and Humanitarian Cooperation," are primarily directed toward Russian-speaking compatriots and have little orientation toward broader segments of foreign populations. At the same time, the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad, dated September 5, 2022, explicitly emphasizes the need to expand the network of Russian schools abroad. This article examines a project to establish a network of Russian international schools targeting foreign citizens in a consortium format as a case study that could serve as a model for addressing the stated objective. Particular attention is paid to the socio-political, methodological, and organizational-pedagogical aspects of the project.

Keywords: humanitarian cooperation, export of education, Russian international school, organizational and pedagogical design, educational model, educational network

About the authors:

Vitold A. Yasvin – Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Interdepartmental Chair of Educational Systems and Pedagogical Technologies of MGIMO University. Russia, Odintsovo, Novosportivnaya str., 3. E-mail: vitalber@yandex.ru

Roman I. Kotov – advisor to the rector's office, Head of the Interdepartmental Chair of Educational Systems and Pedagogical Technologies of MGIMO University. Russia, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 1194547. E-mail: rkotov@inno.mgimo.ru

Ilya S. Demakov – director of MGIMO Lyceum. Russia, Moscow region, Odintsovo, Novosportivnaya str., 3. E-mail: beamte@gmail.com

Alexander S. Khromykh – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, specialist in educational and methodological work of the first category of the Interfaculty Department of Educational Systems and Pedagogical Technologies of MGIMO University. 143007 Russian Federation, Odintsovo, Novosportivnaya str., 3. E-mail: khromikh-alex@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was prepared as part of a grant for the implementation of the MGIMO strategic academic leadership program "Priority 2030".

References:

- Bartlett L., Mendenhall M., Ghaffar-Kucher A. 2017. Culture in Acculturation: Refugee Youth's Schooling Experiences in International Schools in New York City. *International Journal of Intercultural Relations*. №60. P. 109-119. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2017.04.005
- Hammad W., Shah S. 2018. Dissonance between the «International» and the Conservative «National»: Challenges Facing School Leaders in International Schools in Saudi Arabia. *Educational Administration Quarterly*. 54(5). P. 747-780. DOI: 10.1177/0013161x18785864
- Hayden M. 2011. Transnational Spaces of Education: The Growth of the International School Sector. *Globalisation, Societies and Education*. 9(2). P. 211-224. DOI: 10.1080/14767724.2011.577203
- Hill I. 2007. International Education as Developed by the International Baccalaureate Organization. Hayden M, Levy J and Thompson J (eds). *The Sage Handbook of Research in International Education*. London: Sage. P. 25-37. DOI: 10.4135/9781848607866.n3
- Hughes C. 2020. International Schools and Global Citizenship Education. *Global Citizenship Education Critical and International Perspectives*. P. 177-191. DOI: 10.1007/978-3-030-44617-8_13
- Morette M.-T. 1948. *Méthodes d'éducation à la paix*. Genève: École internationale de Genève. 22 s.
- Muthiah V., Adams D., Abdullah Z. 2021. Teachers' Organizational Commitment in International Schools: Does Distributed Leadership Make a Difference? *Malaysian Online Journal of Educational Management*. 9(2). P.1-17.
- Poole A. 2020. Constructing International School Teacher Identity from Lived Experience: A Fresh Conceptual Framework. *Journal of Research in International Education*. 19(2). P. 155-171. DOI: 10.1177/1475240920954044
- Sagun S., Corlu M.S. 2014. Resolving the Dilemma of International School Curriculum: The Case of Biology. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 10(2). P. 153-158. DOI: 10.12973/eurasia.2014.1026a
- Song J.J. 2013. For Whom the Bell Tolls: Globalisation, Social Class and South Korea's International Schools. *Globalisation, Societies and Education*. 11(1). P. 136-159. DOI: 10.1080/14767724.2012.750476
- Suresh Babu S., Mahajan A. 2021. Branding an «Inter'national School»: Fusing «Indian Values» with a Global Diploma. *International Studies in Sociology of Education*. 30(3). P. 287-305. DOI: 10.1080/09620214.2020.1853589
- Weenink D. 2008. Cosmopolitanism as a Form of Capital: Parents Preparing Their Children for a Globalizing World. *Sociology*. 42(6). P. 1089-1106. DOI: 10.1177/0038038508096935
- Amirov R.A. 2018. Eksport obrazovatel'nyh uslug kak vazhnejshij faktor povysheniya konkurentosposobnosti i ekonomicheskogo razvitiya strany [Export of Educational Services as the Most Important Factor of Competitiveness and Economic Development of the Country]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 8(116). S. 71-81. (In Russian)
- Aref'ev A.L. 2014. Rossijskaya vysshaya shkola na mezhdunarodnom rynke obrazovaniya [Russian Higher School in the International Education Market]. *SOTIS – social'nye tekhnologii, issledovaniya*. 4(66). P. 30-41. (In Russian)
- Balyasnikova L.A., Bordovskij G.A. 2017. Associirovannye shkoly YUNESKO: social'noe partnyorstvo i vneurochnaya deyatel'nost' [UNESCO Associated Schools: Social Partnership and Extracurricular Activities]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 1(1(35)). P. 130-141. (In Russian)
- Bemer G. Iezuity. Li G.Ch. *Inkviziciya*. 1999. Saint Petersburg: Poligon. 1248 p. (In Russian)

Bogaturov A.D. 2006. Liderstvo i decentralizatsiya v mezhdunarodnoj sisteme [Leadership and Decentralization in the International System]. *Mezhdunarodnye processy*. 4(3(12)). P. 5-15. (In Russian)

Borisenkov V.P. 2017. *Prodvizhenie rossijskogo obrazovaniya za rubezhom* [Promotion of Russian education abroad]. V.P. Borisenkov, O.V. Gukalenko, O.D. Fedotova. Mir nauki. 5(6). P. 1-8. (In Russian)

Chernikov M.V. 1996. Samoorganizuyushchiesya sistemy: metodologicheskie podhody i problemy upravleniya [Self-organizing Systems: Methodological Approaches and Management Problems]. *Obshchestvo i chelovek: puti samoopredeleniya*. Saint Petersburg: Petropolis. P. 72-86. (In Russian)

Delor Zh. 1996. Obrazovanie: sokrytoe sokrovishche [Learning: The Treasure Within]. Osnovnye polozheniya Doklada Mezhdunarodnoj komissii po obrazovaniyu dlya XXI veka. Moscow: Izdatel'stvo YUNESKO. 31 p. (In Russian)

Dolzhikova A.V. 2021. Rossijskie universitety – Russkoj shkole za rubezhom: obzor luchshih praktik [Russian Universities – Russian Schools abroad: a review of best practices]. *Russkaya shkola za rubezhom: sbornik dokladov konferencii*. Berlin, 28–30 oktyabrya 2021 g. Moscow: RUDN. P. 21-24. (In Russian)

Fadel' CH., Byalik M., Trilling B. 2018. *Chetyryohmernoe obrazovanie: Kompetencii, neobhodimye dlya uspekha* [Four-Dimensional Education: Competencies Necessary for Success.]. Mosco: Tochka. 240 p. (In Russian)

Grigor'yan Ya.G. 2016. Trebovaniya k professional'noj kompetentnosti uchitelej mezhdunarodnogo bakalavriata [Requirements for the Professional Competence of the International Baccalaureate Teachers]. *Innovacii v obrazovanii*. №11. P. 29-41. (In Russian)

Hodunova T.N. 2021. Pedagogicheskaya deyatel'nost' ordena iezuitov [Pedagogical Activity of the Jesuit Order]. *Molodyozh' XXI veka: shag v budushchee. Materialy XXII regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Blagoveshchensk. P. 56-57.

Karakozov S.D., Mitrofanov K.G. 2011. Setevaya organizatsiya obrazovaniya: tendencii i perspektivy [Network Organization of Education: Trends and Prospects]. Barnaul: AltGPA. 171 p. (In Russian)

Kidasova A.A. 2020. Organizatsiya raboty uchebnyh zavedenij iezuitov i rol' obrazovaniya v zhizni ordena v XVI-XVII vekah [The Organization of the Work of Jesuit Educational Institutions and the Role of Education in the Life of the Order in the 16-17 Centuries]. *Mir Evrazii: ot drevnosti k sovremennosti. sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. P. 93-98.

Kosevich A.V., Kozhina V.O. 2016. K voprosu povysheniya konkurentosposobnosti Rossii na mirovom rynke obrazovatel'nyh uslug [Features of the Current Stage of Transnationalization of the World Economy]. *Vestnik mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*. 1(22). S. 91-98. (In Russian)

Kovalyova D.M. 2014. «Myagkaya sila» obrazovaniya kak sredstvo ustanovleniya kul'turnyh svyazey i dostizheniya politicheskikh celej. Rossiya i Vostok: kul'turnye svyazi v proshlom i nastoyashchem [“Soft Power” of Education as a Means of Establishing Cultural Ties and Achieving Political Goals. Russia and the East: Cultural Ties in the Past and Present]. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (IX Kolosnicynskie chteniya)*. FGAOU VPO Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina; NOU VPO Gumanitarnyj universitet. Otvetstvennyj redaktor E.I. Rabinovich. Ekaterinburg.

Parshin P.B. 2013. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [The Problems of “Soft Power” in Russia's Foreign Policy]. *Analiticheskie doklady. Institut mezhdunarodnyh issledovanij MGIMO (U) MID Rossii*. 1(36). (In Russian)

Shchebel'skaya E.G. 2016. Tipologiya uslovij upravleniya setevym obrazovatel'nyim vzaimodejstviem v sisteme obrazovaniya [Typology of Conditions for Managing Networking Educational Interaction in the Education System]. *Vestnik TOGIRRO*. 1(33). P. 57–60. (In Russian)

Shmonin D.V. 2002. «Ratio studiorum» i paradoksy iezuitskogo obrazovaniya ["Ratio studiorum" and Paradoxes of Jesuit Education]. *Zapiski Gornogo instituta*. T. 152. P. 266–268. (In Russian)

Shnejder M.Ya. 2005. Ocenka kachestva obrazovaniya v shkolah mezhdunarodnogo bakalavriata [Assessment of the Quality of Education in International Baccalaureate Schools]. *Voprosy obrazovaniya*. №1. P. 199–225. (In Russian)

Shnejder M.Ya., Korabel'shchikova L.A. 2006. Mezhdunarodnyj bakalavriat: model', rabotayushchaya i v Rossii [International Baccalaureate: a Model that Also Works in Russia]. *Ekonomicheskie strategii*. 8(5–6(47–48)). P. 116–123. (In Russian)

Surudina E.A. 2018. Tendencii razvitiya zarubezhnogo obrazovaniya [Trends in the Development of Foreign Education]. Moscow: Centr novyh tekhnologij. 177 p. (In Russian)

Torkunov A.V. 2012. Obrazovanie kak instrument «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [Education as a Soft Power Tool in Russian Foreign Policy]. *MGIMO Review of International Relations*. 4(25). P. 85–93. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93 (In Russian)

Torkunov A.V. 2017. Rossijskie vuzy v processe internacionalizacii [Internationalization of a University as a Challenge]. *Mezhdunarodnye processy*. 15(1(48)). P. 6–12. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.2 (In Russian)

Yasvin V.A. 2019. *Shkol'naya sreda kak predmet izmereniya: ekspertiza, proektirovanie, upravlenie* [The School Environment as a Subject of Measurement: Expertise, Design, Management]. Moscow: Narodnoe obrazovanie. 448 p. (In Russian)

Yasvin V.A. 2021. *Aktual'noe obrazovanie: opyt razrabotki koncepcij i proektov* [Current Education: Experience in Developing Concepts and Projects]. Moscow: Tradiciya. 276 p. (In Russian)

Zaharova M.B. 2018. Tipy i formy setevogo vzaimodejstviya v sisteme obrazovaniya [Types and Forms of Network Cooperation in Education]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. №3. P. 8–13. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10061 (In Russian)

Zaprometova E.S. 2020. Chtenie v obuchenii russkomu yazyku detej-bilingvov, prozhivayushchih za rubezhom [Reading in the Russian Language Teaching of Bi-Lingual Children]. *Russkij yazyk za rubezhom*. 6(283). P. 104–113. DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.015 (In Russian)

Zinnatullina Z.R., Popp I.S., Popp I.A. 2018. Prodvizhenie russkogo yazyka za rubezhom cherez realizaciyu mezhdunarodnyh molodezhnyh proektov: praktiko-orientirovannyj podhod [Promotion of Russian abroad With the Help of International Youth Project: Practice-Focused Approach]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. №12. P. 29–33. DOI: 10.26170/po18-12-05 (In Russian)

Список литературы на русском языке

Амиров Р.А. 2018. Экспорт образовательных услуг как важнейший фактор повышения конкурентоспособности и экономического развития страны. *Управленческое консультирование*. 8(116). С. 71–81.

Арефьев А.Л. 2014. Российская высшая школа на международном рынке образования. *СОТИС – социальные технологии, исследования*. 4(66). С. 30–41.

Балясникова Л.А., Бордовский Г.А. 2017. Ассоциированные школы ЮНЕСКО: социальное партнёрство и внеурочная деятельность. *Отечественная и зарубежная педагогика*. 1(1(35)). С. 130–141.

- Бемер Г. Иезуиты. Ли Г.Ч. *Инквизиция*. 1999. Санкт-Петербург: Полигон. 1248 с.
- Богатуров А.Д. 2006. Лидерство и децентрализация в международной системе. *Международные процессы*. 4(3(12)). С. 5-15.
- Борисенков В.П. 2017. Продвижение российского образования за рубежом. В.П. Борисенков, О.В. Гукаленко, О.Д. Федотова. *Мир науки*. 5(6). С. 1-8.
- Григорьян Я.Г. 2016. Требования к профессиональной компетентности учителей международного бакалавриата. *Инновации в образовании*. № 11. С. 29-41.
- Делор Ж. 1996. *Образование: сокровитное сокровище (Learning: The Treasure Within)*. Основные положения Доклада Международной комиссии по образованию для XXI века. Москва: Издательство ЮНЕСКО. 31 с.
- Должикова А.В. 2021. Российские университеты – Русской школе за рубежом: обзор лучших практик. *Русская школа за рубежом: сборник докладов конференции*. Берлин, 28–30 октября 2021 г. Москва: РУДН. С. 21-24.
- Запрометова Е.С. 2020. Чтение в обучении русскому языку детей-билингвов, проживающих за рубежом. *Русский язык за рубежом*. 6(283). С. 104-113. DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.015
- Захарова М.Б. 2018. Типы и формы сетевого взаимодействия в системе образования. *Ярославский педагогический вестник*. №3. С. 8-13. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10061
- Зиннатулина З.Р., Попп И.С., Попп И.А. 2018. Продвижение русского языка за рубежом через реализацию международных молодежных проектов: практико-ориентированный подход. *Педагогическое образование в России*. №12. С. 29-33. DOI: 10.26170/ro18-12-05
- Каракозов С.Д., Митрофанов К.Г. 2011. *Сетевая организация образования: тенденции и перспективы*. Барнаул: АлтГПА. 171 с.
- Кидрасова А.А. 2020. Организация работы учебных заведений иезуитов и роль образования в жизни ордена в XVI-XVII веках. *Мир Евразии: от древности к современности. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. С. 93-98.
- Ковалёва Д.М. 2014. «Мягкая сила» образования как средство установления культурных связей и достижения политических целей. Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем. *Материалы Международной научной конференции (IX Колосницинские чтения)*. ФГАОУ ВПО Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; НОУ ВПО Гуманитарный университет. Ответственный редактор Е.И. Рабинович. Екатеринбург.
- Косевич А.В., Кожина В.О. 2016. К вопросу повышения конкурентоспособности России на мировом рынке образовательных услуг. *Вестник международного института экономики и права*. 1(22). С. 91-98.
- Паршин П.Б. 2013. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. *Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России*. Выпуск 1(36).
- Сурудина Е.А. 2018. *Тенденции развития зарубежного образования*. Москва: Центр новых технологий. 177 с.
- Торкунов А.В. 2012. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. *Вестник МГИМО-Университета*. 4(25). С. 85-93. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93
- Торкунов А.В. 2017. Российские вузы в процессе интернационализации. *Международные процессы*. 15(1(48)). С. 6-12. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.2

Фадель Ч., Бялик М., Триллинг Б. 2018. Четырёхмерное образование: Компетенции, необходимые для успеха. Москва: Точка. 240 с.

Ходунова Т.Н. 2021. Педагогическая деятельность ордена иезуитов. *Молодёжь XXI века: шаг в будущее. Материалы XXII региональной научно-практической конференции*. Благовещенск. С. 56-57.

Черников М.В. 1996. Самоорганизующиеся системы: методологические подходы и проблемы управления. *Общество и человек: пути самоопределения*. Санкт-Петербург: Петрополис. С. 72-86.

Шмонин Д.В. 2002. «Ratio studiorum» и парадоксы иезуитского образования. *Записки Горного института*. Т. 152. С. 266-268.

Шнейдер М.Я. 2005. Оценка качества образования в школах международного бакалавриата. *Вопросы образования*. №1. С. 199-225.

Шнейдер М.Я., Корабельщикова Л.А. 2006. Международный бакалавриат: модель, работающая и в России. *Экономические стратегии*. 8(5-6(47-48)). С. 116-123.

Щебельская Э.Г. 2016. Типология условий управления сетевым образовательным взаимодействием в системе образования. *Вестник ТОГИРРО*. 1(33). С. 57–60.

Ясвин В.А. 2019. *Школьная среда как предмет измерения: экспертиза, проектирование, управление*. Москва: Народное образование. 448 с.

Ясвин В.А. 2021. *Актуальное образование: опыт разработки концепций и проектов*. Москва: Традиция. 276 с.

Navigating the Aftermath: U.S. Policy in Afghanistan Following Troop Withdrawal

Z. Makoveeva

Jinan University

Abstract: The withdrawal of US troops from Afghanistan in the middle of 2021 has put at stake and turned to shock the world community. The world, which was fighting COVID-19, faced more concerns about the US withdrawal from Afghanistan. It became not only a concern of Middle East countries, but it raised questions in Europe too. While the Middle East countries were anxious about security issues in the region, Europe was anxious about the mass migration of refugees. Russia, the country which is crucially interested in stable peace in the Middle East, and China, which is cooperating with Afghanistan in the economic sector, began negotiations with the Taliban government to stabilize the situation peacefully after the withdrawal of American troops.

The article analyzes the changes in US policy in Afghanistan after the withdrawal of troops in August 2021. The withdrawal of the US military contingent from Afghanistan has changed the balance of power in Central Asia, which, on the one hand, creates new risks to international security, and on the other hand, opens up new opportunities for interested players in the international arena in the region. In the new conditions, the United States is forced to restructure its policy towards Afghanistan and change its security strategy in accordance with the new balance of forces in the region. The findings of the study relate to the actual interests of the United States in the field of security in Afghanistan and in the Central Asian region as a whole.

Keywords: Afghanistan, USA, Taliban, security, Central Asia, geopolitics

One of the most protracted military conflicts in modern history is the Afghan civil war, which commenced in 1978 and underwent several phases. The most recent phase, initiated in 2001, was marked by military operations led by the United States and the International Security Assistance Force (ISAF), formed under U.S. leadership and supported by the Afghan government, against the Taliban, an Islamist organization. The United States, a pivotal participant in this stage of the Afghan armed conflict, conducted two major operations: "Enduring Freedom" (October 7,

UDC 327.8(73:581)
Received: January 8, 2023
Accepted: August 22, 2023

2001 – December 28, 2014) and "Guardian of Freedom" (January 1, 2015 – August 15, 2021). These operations were counter-terrorism campaigns targeting al-Qaeda¹ and ISIS affiliates in Afghanistan. The final U.S. mission was coordinated with NATO's "Resolute Support" mission (January 1, 2015 – August 31, 2021).

Operation Enduring Freedom was launched in response to the terrorist attacks of September 11, 2001. Between 2003 and the end of 2014, the International Security Assistance Force in Afghanistan (ISAF) was under the leadership of NATO forces, acting based on UN Security Council Resolution No. 1386, adopted on December 20, 2001. In July 2011, a decision was made to initiate the gradual withdrawal of coalition troops from Afghanistan. By July 2013, primary responsibilities for ensuring security in Afghanistan had been transferred to local law enforcement agencies, with the international coalition assuming a supporting role.

Starting in 2015, military operations were conducted by U.S. special forces units (as part of Operation Guardian of Freedom) and Afghan security forces, with assistance from advisers from NATO member countries (as part of Operation Resolute Support). The U.S. and NATO's participation in the Afghan conflict concluded on August 31, 2021, coinciding with the withdrawal of alliance troops amid a Taliban offensive. The end of the United States' longest-running armed conflict and the resurgence of the Taliban in Afghanistan inevitably altered the regional power dynamics, necessitating a reassessment of U.S. policy toward Afghanistan. In this new context, the United States' international security strategy also requires recalibration and modernization.

This study will proceed by analyzing the stages of the Afghan armed conflict from 2001 to 2021, up to the U.S. troop withdrawal on August 31, 2021. It will scrutinize changes in U.S. policy toward Afghanistan and the domain of security in the post-war landscape. The investigation will commence with a concise examination of the United States' geopolitical interests and policies in Afghanistan and Central Asia during the 1990s.

Brief history of 1990–2001

In the 1990s, the United States displayed significant interest in Central Asia, driven by energy concerns and geopolitical rivalry with Russia in the region. The U.S. envisioned the construction of the Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan pipeline, aiming to reduce Russia's dominance in the transit and export of energy resources within the region. However, these ambitions were obstructed by the ongoing civil war in Afghanistan between the Taliban and Mujahideen factions.

In September 1996, when the Taliban captured Kabul, the United States initiated diplomatic engagement with the Taliban. This engagement was justified by strategic considerations, primarily the desire to swiftly attain peace in Afghanistan and contain

¹ Al-Qaeda is recognized as a terrorist organization by the Supreme Court of Russia.

Iran (Khlopov, 2021). In 1997, representatives from the Taliban engaged in discussions with the U.S. State Department, and in 1998, the U.S. Ambassador to the United Nations visited Afghanistan.

Nonetheless, by 1997, tensions had begun to rise between the Taliban and the United States, ultimately leading to a breakdown in bilateral relations and escalating conflict. The Taliban anticipated formal recognition by the United States as Afghanistan's legitimate authority and non-interference in the nation's internal affairs. Conversely, the United States insisted on a rapid cessation of the civil war, viewing it as the primary impediment to the pipeline project through Afghanistan. A second requirement was an end to discriminatory policies against women and civilians within Afghanistan, driven by influential interest groups in the United States. Lastly, the U.S. demanded the extradition of Osama bin Laden, whom they considered a threat to national security.

Osama bin Laden, the leader of Al-Qaeda, took residence in Afghanistan in 1998 and declared it a "religious duty" for all Muslims to target Americans and their allies. On August 7, 1998, terrorist attacks were perpetrated against U.S. embassies in Nairobi (Kenya) and Dar es Salaam (Tanzania). Al-Qaeda claimed responsibility for these attacks, which were the most significant acts of terrorism against the United States before September 11, 2001. The U.S. insisted on the Taliban surrendering bin Laden, but this request was disregarded. Consequently, relations between the parties deteriorated sharply, although some level of contact persisted.

Subsequently, the United States imposed sanctions on the Taliban, intensified support for the Northern Alliance, a group opposing the Taliban, and initiated missile strikes against the Taliban. The definitive rupture in relations between the United States and the Taliban occurred following the terrorist attacks on September 11, 2001. On October 7, 2001, Operation Enduring Freedom commenced, marking the beginning of a two-decade-long U.S. military presence in Afghanistan².

Operation Enduring Freedom (2001 - 2014)

In the initial phase of the operation, the United States, in conjunction with the United Kingdom, initially confined their actions to missile and aerial strikes targeting Taliban military assets. These strikes were aimed at providing air support to the Northern Alliance's armed groups, which were striving to overthrow the Taliban regime. After a month of sustained airstrikes, the Taliban's positions weakened significantly, culminating in a major offensive operation by the Northern Alliance. Subsequently, the Taliban relinquished control of all major cities except Kandahar. Toward the end of November, the United States deployed a substantial military force, comprising ap-

2 UN Security Council Resolution No. 1386 of December 20, 2001. *Official website of the United Nations*. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/708/57/PDF/N0170857.pdf?OpenElement> (accessed 16.08.2023)

proximately 1,000 Marines. In December, the siege of Kandahar concluded, signifying the conclusion of the initial phase of hostilities and the downfall of the Taliban regime.

Following this, the U.S. military redirected their focus toward the mountainous Tora Bora region in southeastern Afghanistan. Intelligence indicated that Osama bin Laden was harbored within an extensive cave complex in this area. After the Northern Alliance, aided by U.S. air support, secured the region, it was discovered that bin Laden had already managed to escape. Nevertheless, the primary objective of ousting the Taliban from power was achieved over the preceding two and a half months. The Taliban had been considerably debilitated and had suffered substantial combat losses. In accordance with a UN Security Council resolution passed on December 20, 2001, a NATO military mission known as ISAF (International Security Assistance Force) was deployed to maintain security in Afghanistan. In 2002, as a result of Operation Anaconda, the Taliban were pushed back into the country's mountainous hinterlands.

While the United States referred to the ongoing military operations as the "war against terror," in official reports and documents, the Taliban movement was not explicitly designated as a terrorist organization. In many instances, the Taliban were referred to as "insurgents." This nomenclature may have been chosen to allow for flexibility and the possibility of future engagement with the movement. The Bonn Conference of 2001 marked the commencement of a new political phase in Afghanistan. During this conference, an interim Government was established, a new Constitution was adopted, and Hamid Karzai assumed the role of Head of State (Omar, 2014).

During their two-year presence in Afghanistan, the United States expended over \$25 billion. However, the Taliban's resistance was not fully subdued. During a period of relative tranquility following Operation Anaconda, the Taliban gradually regrouped and exploited the uncontrolled "tribal zone" on the Afghanistan-Pakistan border. By 2003, having amassed sufficient forces, the Taliban initiated combat operations in the country's south and escalated terrorist activities in major Afghan urban centers (Nojumi, 2003). The initiation of the second stage of the armed conflict is characterized as a "guerrilla war," considering the tactics employed by the Taliban during this period. Consequently, NATO opted to augment its military presence, and in October 2003, the UN Security Council extended ISAF's area of responsibility beyond the capital city³.

Simultaneously, a new Constitution for Afghanistan was ratified in 2004, and the country witnessed its inaugural presidential elections—a significant milestone in its history. Hamid Karzai emerged as the victor. The nation was thus actively engaged in processes of economic and political reconstruction⁴. Through the Afghan government,

³ UN Security Council Resolution No. 1510 of October 13, 2003. *Official website of the United Nations*. URL: [https://undocs.org/Home/Loader?FinalSymbol=m%3DS%2FRES%2F1510\(2003\)&Language=R&DeviceType=Desktop&LangRequested=True](https://undocs.org/Home/Loader?FinalSymbol=m%3DS%2FRES%2F1510(2003)&Language=R&DeviceType=Desktop&LangRequested=True) (accessed 16.08.2023)

⁴ Elliot A. Political Party Development in Afghanistan: Challenges and Opportunities "Policy Options for State Building in Afghanistan". SAIS Spring, 2009 URL: <http://www.saisjhu.edu/academics/regionalstudies/southasia/pdf/Afghanistan%20Political%20Parties%204ELLIOTpdf> (accessed 16.08.2023)

the United States persistently endeavored to negotiate with the Taliban. However, these efforts proved fruitless as the Taliban insisted on the complete withdrawal of foreign troops and the retention of their weaponry—conditions that the United States found unacceptable.

The covert operations of the Taliban inflicted substantial harm on the American military contingent, resulting in a marked increase in terrorist incidents. The situation was further destabilized by the populace's negative perception of foreign military presence and a lack of confidence in the incumbent Afghan government. Meanwhile, the Berlin Conference convened in March–April 2004 to address concerns related to the burgeoning drug trade in Afghanistan and to chart the nation's continued development (Tutkov, 2004).

The year 2005 witnessed a notable upsurge in armed confrontations within Afghanistan. In 2006, ISAF and NATO forces expanded their operational scope across different regions of Afghanistan. Successful operations were executed against the Taliban in the southern part of the country, and in 2007, a major offensive was undertaken by coalition forces in the northern territories. In 2008, the Taliban initiated a counter-offensive along the border with Pakistan, resulting in damage to NATO supply routes. Concurrently, the Taliban's actions retained a predominantly insurgent character.

By 2009, the United States had expended over \$320 billion in its military campaign against the Taliban and had deployed more than 30,000 troops in Afghanistan, with casualties numbering approximately 1,500 soldiers. Against this backdrop, Western public opinion and media outlets grew increasingly critical of the ongoing military engagement. Upon assuming the presidency, Barack Obama announced a reassessment of the regional strategy and a phased increase in troop levels to over 100,000 soldiers. Simultaneously, plans were unveiled to commence the withdrawal of American forces from Afghanistan by mid-2011 (Gasaniev, 2020). The primary divergence in Barack Obama's approach to Afghanistan compared to his predecessor, President George Bush, was the recognition and acceptance of the inability to defeat the Taliban solely through military means.

Consequently, in November 2010, representatives from the United States and Afghanistan convened in Germany, with U.S. Secretary of State Hillary Clinton formally declaring in 2011 the United States' readiness to engage in peace negotiations with the Taliban. Regrettably, these talks ultimately collapsed, partly due to the actions of the Afghan government of the time. Consequently, military operations persisted as before, while the Taliban effectively controlled several provinces within the country. The pivotal occurrence in 2011 was the elimination of Al-Qaeda leader Osama bin Laden. Subsequently, the U.S. President announced intentions to fully transfer security responsibilities in the country to Afghan authorities by 2014 (Masyakina & Slinko, 2021).

In 2013, a decision was made to withdraw half of the American troops from Afghanistan by the beginning of 2014. Concurrently, a security agreement was formalized between the United States and Afghanistan, substantiating the presence of U.S.

and NATO forces within the nation until 2016. On December 28, 2014, Operation Enduring Freedom, led by the United States, was officially concluded. Despite the substantial financial resources invested in the operation, it fell short of achieving its primary objectives throughout the military campaign. The Taliban and Al-Qaeda remained active and resilient, maintaining control over certain Afghan provinces. External financial and material support to the Taliban persisted, contributing to continued instability within the country⁵. A positive development, however, was the initiation of a phased transfer of security responsibilities to Afghan governmental authorities and the withdrawal of a significant portion of the foreign military contingent.

Operation Resolute Support (2015–2021)

Following the conclusion of Operation Enduring Freedom, which spanned 13 years, a new mission titled Resolute Support was launched. This operation, undertaken by NATO and its allies, aimed to train and provide assistance to the Afghan government forces. Resolute Support commenced on January 1, 2015, and continued until the final withdrawal of NATO troops on August 31, 2021. Preceding this operation, a bilateral agreement titled "On Cooperation in the Field of Defense and Security" was signed between the United States and Afghanistan, delineating the presence of American troops in the country until 2024. Support for this new operation from the international community was solidified through UN Security Council Resolution No. 2189, passed on December 12, 2014⁶.

The period following the conclusion of armed hostilities in late 2014, up until the withdrawal of foreign troops, witnessed heightened diplomatic endeavors to secure peace in Afghanistan. This shift emerged due to the recognition of the impracticality of resolving the conflict through military means, coupled with mounting global discontent over a protracted military campaign that yielded limited visible results⁷. Despite these dynamics, initial attempts to forge a peaceful dialogue between warring factions in 2015–2016 yielded minimal success. Upon assuming office in 2017, the new U.S. President, Donald Trump, made substantial efforts to exert pressure on the Taliban, albeit without significant success. Consequently, in July 2018, President Trump asserted the necessity of employing all diplomatic, economic, and military means to end the conflict in a manner commensurate with the sacrifices made by the United States during its more than fifteen-year military presence in Afghanistan (Khlopov, 2021). This

⁵ Sufizada Hanif. The Taliban are megarich – here's where they get the money they use to wage war in Afghanistan. December 8, 2020. URL: <https://theconversation.com/the-taliban-are-megarich-heres-where-they-get-themoney-they-use-to-wage-war-in-afghanistan-147411> (accessed 18.08.2023)

⁶ UN Security Council Resolution No. 2189 of December 12, 2014. *Official website of the United Nations*. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/691/63/PDF/N1469163.pdf?OpenElement> (accessed 18.08.2023)

⁷ Clayton T. 2019. Afghanistan: Background and U.S. Policy. *Congressional Research Service*. Washington. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45818> (accessed 18.08.2023)

decision did not align with the preferences of President Ashraf Ghani, who opposed official negotiations with the Taliban. Consequently, the timeline for the withdrawal of U.S. forces began to directly hinge on the evolving situation within the country.

In an effort to invigorate the peace process, Afghan President Ashraf Ghani initiated a series of peace overtures amid growing weariness among the Afghan populace due to the protracted conflict. These initiatives included the Afghan government's willingness to engage in peace negotiations. In 2018, the American diplomat Zalmay Khalilzad was appointed by President Trump as a special representative for Afghanistan, tasked with advancing negotiations with the Taliban and achieving a peace agreement. In total, nine rounds of negotiations were conducted, during which numerous points of contention between the parties surfaced⁸. While a draft peace agreement was crafted by August 2019, subsequent negotiations were suspended by the United States following a terrorist attack in Kabul.

The negotiation process resumed in December 2019, and on February 29, 2020, in Doha, Qatar, the United States and the Taliban inked the "Agreement on Restoring Peace in Afghanistan," commonly referred to as the "Doha Agreement" (Machitidze, 2020). This agreement entailed the complete withdrawal of foreign troops within 14 months, the easing of economic sanctions against the Taliban, the exchange of prisoners, and various other provisions. Although negotiations between the Taliban and the Afghan government were scheduled to commence in March of the same year, full-fledged intra-Afghan talks were delayed until September due to disputes regarding the prisoner exchange issue.

However, the negotiation process and the signing of the Doha Agreement did not lead to a decrease in military activity; on the contrary, they triggered a new round of escalation. In the months following the treaty's signing, the number of Taliban attacks surged by 70%. Both the Taliban and government forces initiated major offensive operations, and the negotiation process failed to yield significant results or halt armed clashes. On April 14, 2021, the new U.S. President, Joe Biden, announced the commencement of the withdrawal of American troops from Afghanistan, starting from May 1 (Yashlavsky, 2021). President Biden contended that the United States had fulfilled its objectives, and support for the intra-Afghan negotiation process would continue.

As the withdrawal of American troops began on May 1, the Taliban launched a significant offensive against the Afghan government, effectively terminating the negotiation process. The Taliban leadership seized this opportunity to regain control of the country. The offensive progressed swiftly, culminating in the Taliban's occupation of Kabul on August 15. Afghan President Ashraf Ghani resigned and left the country.

⁸ Nazar Z. U.S. Envoy Declares "A Lot of Progress" In Taliban Peace Talks. Radio Free Europe. *Afghan Online Press*. 2019.08.07. URL: <http://www.aopnews.com/taliban/u-s-envoy-declares-a-lot-of-progress-in-taliban-peace-talks/> (accessed 18.08.2023)

The remnants of government forces began to concentrate in the remaining areas under their control, organizing resistance against the Taliban. During the night of August 30 to 31, the last American military personnel left Afghanistan, marking the conclusion of Operation Resolute Support and the twenty-year presence of foreign troops in the country.

Post-war US Policy in Afghanistan

The successful offensive and the rapid withdrawal of American troops allowed the Taliban to reassert power in Afghanistan, accompanied by the seizure of a substantial cache of weapons left behind by American forces. According to experts, the operation to withdraw American troops from Afghanistan was deemed a failure, with the overall outcome of the twenty-year foreign troop presence in the country failing to yield results in terms of both peaceful conflict resolution and international security. The Inspector General of the US Government for Reconstruction in Afghanistan attributed some of the operation's shortcomings to the excessive "belief at the time that the US could transform a country in ruins in 2001 into one with a robust central government" (Amini, 2021).

The United States' strategy did not account for the social nuances of Afghan society, longstanding ethnic conflicts, and territorial disputes. Moreover, the effectiveness of Afghanistan's official authorities was questionable, as they lacked the necessary influence over individual tribal factions and field commanders. Many actors operated independently without coordination with the central government in Kabul. Furthermore, the Afghan government itself resulted from a fragile balance of interests among major ethnic groups: the president garnered support mainly from Pashtun-majority regions, while the prime minister received backing from ethnic minorities (Tajiks, Hazaras, Uzbeks, and others) (Chernavin and Feruz, 2021). High levels of corruption within the government exacerbated these challenges.

Currently, the new Taliban regime is undergoing formalization and consolidation. New political institutions are being established, and the legal system is undergoing changes. However, the Taliban has yet to achieve complete control over provinces such as Panjsher, Baghlan, Takhar, and Badakhshan, where the National Resistance Front of Afghanistan continues to resist the Taliban regime.

The new Taliban regime differs significantly from the one overthrown with the assistance of the United States in the 1990s. It exhibits greater control over the country's territory, improved logistical capabilities, a relatively intact infrastructure, painstakingly rebuilt by the United States over the past two decades, and, most notably, a desire to attain international recognition and legitimacy in the eyes of the global community. The new Taliban regime has conveyed its commitment to values such as freedom, human rights, equality, the elimination of discrimination, the protection of women's rights, and the fight against drug trafficking, although instances of the new authorities deviating from these promises have been observed, much like during the previous

Taliban regime. The United States, along with other nations, must take into account this new power dynamic in Afghanistan, which will undoubtedly influence their policies toward the nation.

As of the end of 2021 and the beginning of 2022, Afghanistan remains one of the most unstable countries globally and continues to be a paramount foreign policy concern for the United States. Numerous think tanks believe that U.S. policy in Afghanistan following the troop withdrawal is characterized by a desire to remain engaged in the country and support the Afghan people while refraining from legitimizing the Taliban regime⁹.

One of the primary focal points of U.S. policy in Afghanistan post-troop withdrawal is the humanitarian sphere. The United States aims to avert a potential humanitarian catastrophe and assist Afghan citizens in meeting their essential needs, including food and healthcare. International humanitarian aid, which constituted a significant portion of Afghanistan's economy, is now largely unavailable to the country. The United States is committed to ensuring Afghanistan's food security, and by mid-January 2022, it had already dispatched humanitarian aid worth more than \$780 million to Afghanistan and Afghan refugees¹⁰. However, the aid provided thus far is insufficient to address the humanitarian challenges and stabilize the Afghan economy. Consequently, the United States is collaborating closely with the United Nations and other organizations to establish an effective mechanism for providing humanitarian assistance to the Afghan populace.

Another critical area of U.S. interest in Afghanistan pertains to human rights, particularly women's rights. Upon assuming power, the Taliban pledged to respect women's rights and allow their participation in public life. However, within a few months of Taliban rule, it became evident that the new government was backtracking on its initial promises. Women were gradually excluded from public life, including education, and reports of abductions and killings of women protesting against the Taliban's policies began to emerge. Furthermore, the Taliban reneged on their promise to grant amnesty to former government officials. Reports of former officials, police officers, human rights advocates, civil society leaders, and journalists being killed by the Taliban have become distressingly common.

To maintain its policy of non-recognition of the Taliban government, the United States has declined to unfreeze the Afghan government's accounts and the foreign exchange reserves of the Central Bank of Afghanistan. Estimates of the amount frozen vary from \$7 to \$9 billion. Taliban Foreign Minister A.H. Muttaki has requested that the United States unfreeze these accounts, as the freeze exacerbates the country's

⁹ Curtis L. Dealing with a Taliban-Controlled Afghanistan. *Center for a New American Security (CNAS)*. URL: <https://www.cnas.org/press/press-release/new-report-addresses-dealing-with-a-taliban-controlled-afghanistan> (accessed 18.08.2023).

¹⁰ The United States will provide more than \$300 million in humanitarian aid to Afghanistan. *Interfax*. URL: <https://www.interfax.ru/world/814791> (accessed 18.08.2023).

economic crisis, adversely affecting trade, business, and the delivery of humanitarian aid¹¹. Nevertheless, the United States does not view the frozen reserves as the cause of the crisis and maintains its policy of non-recognition of the Taliban regime. The United States aims to prevent any substantial financial resources from falling into the hands of the Taliban.

One of the reasons for refusing to grant the Taliban access to Afghanistan's international accounts is the presence of individuals in the Taliban government who are subject to sanctions by the UN Security Council. This linkage underscores the denial of access to Afghan reserves with increasing risks and threats to U.S. national security while continuing negotiations with the Taliban. While transferring Afghan reserves to the new regime might contribute to economic stabilization, it also presents the risk that these funds could be used to sustain the Taliban regime. Given the Taliban's past disregard for international law, there are no guarantees that unblocking Afghan assets will not pose a threat to the national security of the United States and other countries.

Addressing the continued presence of internationally recognized terrorists within the Taliban government, it is imperative to acknowledge the potential coordination between select Taliban members and other terrorist organizations, notably Al-Qaeda, as well as the prospect of attracting militants from various nations to Afghanistan through their influence. Particularly noteworthy in this context is the Haqqani family, whose members occupy key positions in the Taliban government and have been reported by the United Nations to be involved in maintaining the Taliban's connections with other terrorist groups (Shashok, 2021). The persistent ties between the Taliban government and other terrorist entities, particularly Al-Qaeda, render the lifting of sanctions against Taliban government members and any moves towards recognizing Afghanistan's new government implausible.

According to the United States, the Taliban currently exhibits no intent to sever its ties with other terrorist groups. Consequently, Afghanistan remains a country characterized by a significant terrorist threat and serves as a potential sanctuary for terrorists from various nations. The withdrawal of troops and the absence of allies within Afghanistan do not curtail the United States' capacity to conduct intelligence operations in the country, yet it also remains insufficient to combat Al-Qaeda effectively. While the United States could potentially collaborate with the Taliban in countering ISIS, the Taliban's ties to Al-Qaeda and its rejection of U.S. assistance, coupled with the U.S.'s reluctance to legitimize the Taliban regime, render this collaboration unfeasible (Yakovlev & Malik, 2022). Informally, the United States expresses support for the Taliban's efforts against ISIS.

American authorities acknowledge the necessity of having partners in Afghanistan to counteract the terrorist threat. Even before the troop withdrawal, President Biden emphasized the "metastases" that Al-Qaeda had spread throughout Afghanistan. The Taliban's assumption of power potentially provides Al-Qaeda with a secure base for planning attacks against the United States. Against the backdrop of diminishing operational opportunities within Afghanistan itself, U.S. interest in Central Asian

states has seen a sharp increase, as these nations are equally invested in mitigating the terrorist threat emanating from Afghanistan and may emerge as vital U.S. partners in this regard. Nevertheless, geopolitical differences impede constructive anti-terrorism cooperation between the United States and other major international actors in the region, such as Russia, China, and Iran, despite these countries sharing a strong interest in curtailing the proliferation of terrorist influence and addressing humanitarian concerns in Afghanistan.

Pakistan has served as a longstanding U.S. intelligence partner in Afghanistan. However, Pakistan pursues its own objectives in Afghanistan and maintains certain contacts with the Taliban, even engaging with them. This may compromise the objectivity of the intelligence data obtained, prompting the United States to reduce its reliance on Pakistan in this context. Kazakhstan, Tajikistan, and Uzbekistan are emerging as potential new partners for the United States in the fight against terrorism in the region. Kazakhstan and Uzbekistan actively provide humanitarian aid to Afghanistan, while Tajikistan has offered sanctuary to the forces of the National Resistance Front of Afghanistan on its territory, which intends to persist in resisting the Taliban (Ivanova, 2021). Each of these countries perceives distinct security risks stemming from developments in Afghanistan, forming the basis upon which the United States aims to foster cooperation with Central Asian nations, primarily in the realm of intelligence sharing.

Concurrently, as part of its ongoing Afghan policy framework, the United States continues to maintain communication channels with the Taliban, particularly concerning counter-terrorism initiatives. President Biden does not preclude the potential recognition of the Taliban government in the future; however, he underscored that such recognition remains a distant prospect¹². The new Afghan authorities must, first and foremost, address a plethora of issues that significantly impact U.S. interests and national security. These include human rights matters (women's rights, minority rights, access to education, etc.); the establishment of an inclusive and democratic government free from individuals involved in terrorist activities; the commencement of genuine counter-terrorism efforts; and the severance of ties between the Taliban and Al-Qaeda.

Conclusion

Based on the study, several conclusions can be drawn regarding U.S. policy in Afghanistan after the withdrawal of troops.

¹¹ Savage C. Spurning Demand by the Taliban, Biden Moves to Split \$7 Billion in Frozen Afghan Funds. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/11/us/politics/taliban-afghanistan-911-families-frozenfunds.html?referringSource=articleShare> (accessed 18.08.2023)

¹² Biden said that US recognition of Taliban power in Afghanistan is still very far away. *TASS*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12316567> (accessed 18.08.2023)

The process of political settlement of the Afghan conflict, with the participation of the United States, began during the Taliban's initial tenure in power but was interrupted due to the Taliban's refusal to extradite bin Laden. During the military campaign, which commenced in 2001, the United States focused on establishing a democratic government in Afghanistan and stabilizing the country economically. By 2018, the imperative for a peaceful resolution of the conflict and the necessity to withdraw American troops led to negotiations with the Taliban. However, the resulting agreement did not lead to a conflict resolution as anticipated by the United States and the Afghan authorities of that time. In 2021, the Taliban rapidly seized power, culminating in the swift withdrawal of foreign troops remaining in Afghanistan.

U.S. policy in Afghanistan after the withdrawal of troops is centered on efforts to influence the situation within the country and the broader region, all while refraining from officially recognizing the Taliban government. This approach is manifested, firstly, in the provision of humanitarian assistance to the Afghan people through various organizations and companies. Currently, the United States has allocated more humanitarian aid than any other nation (\$1.1 billion)¹³. The United States is keen on averting a humanitarian catastrophe in Afghanistan, as it could further destabilize both the country and Central Asia as a whole.

One of the mechanisms employed to exert influence on Afghanistan involves freezing accounts and foreign exchange reserves, a tactic also used in U.S. dealings with other nations. This measure aims to curtail the financial resources available to the Taliban. The rationale behind this action is to prevent the Taliban government from accessing substantial funds. As highlighted by Laurel Miller, following the Taliban's takeover, banks faced a cash shortage, and even Afghan citizens with savings found themselves unable to access their funds, as \$9.5 billion in Afghan assets had been frozen by global powers striving to keep financial resources away from the Taliban government¹⁴. This move seeks to thwart any potential terrorist efforts to receive government support under the Taliban. Additionally, it is imperative that the Taliban distance itself from Al-Qaeda, a paramount goal of the entire American military campaign in Afghanistan. This requirement extends to any form of support for other terrorist groups within Afghanistan.

At a juncture where the United States has limited means to influence the situation in Afghanistan, except through economic levers, American policy is shifting its focus towards collaborating with other interested countries in the region. Besides Pakistan, potential partners in this endeavor encompass Tajikistan and Uzbekistan. Collabora-

¹³ "This additional funding brings U.S. support for Afghanistan to more than \$1.1 billion in humanitarian assistance since August 2021, including nearly \$812 million from USAID and nearly \$320 million from the State Department. *USAID*. URL: <https://www.usaid.gov/news-information/press-releases/sep-23-2022-united-states-provided-more-11-billion-humanitarian-assistance-afghanistan> (accessed 18.08.2023)

¹⁴ Laurel Miller. Engaging with Afghanistan to Prevent a Humanitarian Disaster. *Quincy Institute for Responsible Statecraft*. URL: <https://quincyinst.org/event/engaging-with-afghanistan-to-prevent-a-humanitarian-disaster/> (accessed 18.08.2023)

tion with these nations aims to address humanitarian concerns, gather intelligence, and support the U.S. Federal Tax Service, which may counter the Taliban's control in the region. The United States should also remain mindful of the interests of other major regional powers (Russia, China, Iran), which may seek to pursue their own agendas in Afghanistan, potentially conflicting with U.S. interests.

President Biden acknowledges the possibility of recognizing the Taliban government. However, this is contingent on the new Afghan authorities meeting certain conditions that largely align with U.S. expectations for the Taliban during their initial rule in the 1990s. These conditions encompass safeguarding human rights, excluding individuals believed to be involved in terrorist activities from the government, and severing ties with Al-Qaeda. Fulfilling these criteria would diminish the threat to U.S. national security posed by the Taliban. Consequently, it could pave the way for comprehensive dialogue, encompassing not only the release of Afghanistan's international assets but also the full recognition of the Taliban government.

About the author:

Zalina Makoveeva – PhD in Political Science, Jinan University, Department of International Relations, 601 Huangpu Blvd W, Tianhe District, Guangzhou, Guangdong Province, China, 510632
E-mail: za2128az@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

УДК 327.8(73:581)

Поступила в редакцию: 08.01.2023

Принята к публикации: 22.08.2023

Афганистан: послевоенное управление, безопасность и политика США

З. Маковева

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-56-71](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-56-71)

Цзинаньский университет

Двадцатилетнее военное стратегическое присутствие США в Афганистане закончилось тем, что поддерживаемому Соединёнными Штатами афганскому правительству не удалось удержать власть в стране, а афганским силам безопасности – противостоять набирающим силу боевым подразделениям движения «Талибан». После захвата «Талибаном»

власти в стране и одновременного вывода всех иностранных войск мир столкнулся с множеством неопределённостей во внутренней и внешней политике возглавляемого талибами Афганистана. Ряд вопросов безопасности с новыми властями Афганистана начал обсуждать Китай, который активизировал инвестирование промышленности Афганистана в рамках проекта «Путь и Пояс». Россия в настоящее время не проявляет сильной обеспокоенности по поводу ситуации в Афганистане. К тому же многолетний опыт пребывания в этой стране советских войск помог России найти «точки соприкосновения» с новым правительством, возглавляемым талибами. В целом в условиях, когда основной фокус внимания мирового сообщества, включая США и европейские страны, переключился на события, происходящие на Украине, значительный интерес к взаимодействию с Афганистаном сохраняется в основном только у его стран-соседей, готовых развивать дипломатические отношения с государством, возглавляемым «Талибаном». Вывод американских и других иностранных войск из Афганистана ознаменовал собой завершение миссии по противостоянию транснациональному терроризму в Афганистане. Этот период открывает огромные перспективы странам региона во внешней политике с Афганистаном и в экономическом взаимодействии со страной. Талибы заинтересованы в сотрудничестве с иностранными компаниями и для этого готовы сохранять мир и стабильность в стране, что подтверждается встречами с главами соседних государств. Однако с учётом динамично меняющейся ситуации в регионе пока сложно делать какие-либо долгосрочные прогнозы по Афганистану. Следует внимательно отслеживать соответствующие значимые изменения как в политике руководимого талибами Афганистана, так и в политике США в этой стране.

В статье проанализированы изменения курса США в отношении Афганистана после вывода войск в августе 2021 г. Вывод военного контингента США из Афганистана изменил баланс сил в Центральной Азии, что, с одной стороны, создаёт новые риски международной безопасности, а с другой стороны, открывает новые возможности для заинтересованных игроков на международной арене в регионе. В новых условиях США вынуждены перестраивать свою политику в отношении Афганистана и менять свою стратегию безопасности в соответствии с новым соотношением сил в регионе. В этой связи исследованы интересы США в сфере безопасности в Афганистане и в Центральноазиатском регионе в целом.

Ключевые слова: Афганистан, США, талибы, безопасность, Центральная Азия, геополитика

Об авторе:

Залина Данияльевна Маковеева – кандидат политических наук Университета Дзинан, факультет международных отношений, Китай, Гуанджоу. ул. Хуанпу 601, Тианхы дистрикт. 510632. E-mail: za2128az@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

References:

Amini A.R. 2021. *Reasons for the failure of the US + NATO mission in Afghanistan and the forecast of the situation in the country under the "new regime"*. PolitBook. №3. P. 99-110.

Nojumi N. 2003. *The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Religion*. New York: Palgrave. P. 517-519.

Chernavin Yu.A., Feruz Sh.M. 2021. Tochka geopoliticheskogo kipeniya: problema ustanovleniya grazhdanskogo mira v Islamskoi Respublike Afganistan. [Geopolitical Boiling Point: The Problem of Establishing Civil Peace in the Islamic Republic of Afghanistan]. *Voenno-Akademicheskii zhurnal*. 3(31). P. 132-138. (In Russian).

Gasaniev Z.G. 2020. Voennaya operatsiya SSHA V Afganistane s 2001–2014 godah i ego posledstviya [US Military Operation in Afghanistan in 2001–2014 and its Consequences]. *Cimvol nauki: mezhdunarodnii nauchnii zhurnal*. №2. P. 20-23. (In Russian).

Ivanova E.P. 2021. Strany Centralnoi Azii v usloviyakh afganskogo krizisa [Central Asian Countries in the Context of the Afghan Crisis]. *Rossiya i novie gosudarstva Evrazii*. 2021. 3(52). P. 78-92. (In Russian). DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-78-92

Khlopov O.A. 2021. Politika SSHA v Afganistane: ot voini k mirnomu soglasheniyu i razresheniyu konfliktov [US policy in Afghanistan: from war to peace agreement and conflict resolution]. *Gumanitarnii nauchnii vestnik*. №4. P. 83-93. (In Russian).

Machitidze G.G. 2020. SSHA – Taliban: sravnitelnyi analiz etapov peregovorov [USA–Taliban: a Comparative Analysis of the Stages of Negotiations]. *Sravnitel'naya Politika*. 11(). P. 65-74. (In Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10005

Masyakina A.O., Slinko A.A. 2021. Operatsiya “Nesokrushimaya svoboda” [Operation Enduring Freedom]. Aspirantkie tetrady. Sbornik nauchnih statei. Voronezhskii filial rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosydarstvennoi sluzhbi pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii. Voronezh. P. 134-137. (In Russian).

Omar N. 2014. “Bonskaya model” i Politicheskii Procecc v Afganistane v 2001–2004 [“Bonn model” and the Political Process in Afghanistan in 2001–2004]. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*. 2014. 7(1). P. 5-14. (In Russian).

Shashok L.A. 2021. Deyatelnost terroristicheskoi gruppirovki seti «Hakkani» v Afganistane i za ego predelami [The Activities of the Haqqani Network Terrorist Group in Afghanistan and beyond]. *Informacionnie voini*. 1(57). P. 77-84. (In Russian).

Tutkov Yu.A. 2004. Po itogam Berlinskoi konferentsii po Afganistanu [Based on the Results of the Berlin Conference on Afghanistan]. *Sovremennii islamiskii Vostok i Zapad*. P. 112-117. (In Russian)

Yakovlev V., Malik E.N. 2022. Razvitie voenno-politicheskoi obstanovki v Afganistane v period smeni rezhima [Development of the Military-Political Situation in Afghanistan during Regime Change]. *Matrica nouchnih znaniy*. 1(1). P. 203-207. (In Russian).

Yashlavsky A.E. 2021. Vivod voisk SSHA iz Afganiatana i problemi bezopasnosti v Centralnoi Asii [Withdrawal of US Troops from Afghanistan and Security Problems in Central Asia]. *Rossiya i novie gosudarstva Evrazii*. 3(52). P. 93-109. (In Russian). DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-93-109

Список литературы на русском языке:

Гасаниев З.Г. 2020. Военная операция США в Афганистане в 2001–2014 гг. и его последствия. *Символ науки: международный научный журнал*. №2. С. 20-23.

Ионова Е.П. 2021. Страны Центральной Азии в условиях афганского кризиса. Россия и новые государства Евразии. 3(52). С. 78-92. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-78-92

Масякина А.О., Слинько А.А. 2021. Операция «Несокрушимая свобода». Аспирантские тетради. Сборник научных статей. Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Воронеж. С. 134-137.

Мачитидзе Г.Г. 2020. США – «Талибан»: сравнительный анализ этапов переговоров. *Сравнительная политика*. 11(1). С. 65-74. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10005

Тутков Ю.А. 2004. По итогам Берлинской конференции по Афганистану. *Современный исламский Восток и Запад*. С. 112-117.

Хлопов О.А. 2021. Политика США в Афганистане: от войны к мирному соглашению и разрешению конфликтов. *Гуманитарный научный вестник*. №4. С. 83-93.

Чернавин Ю.А., Феруз Ш.М. 2021. Точка геополитического кипения: проблема установления гражданского мира в Исламской Республике Афганистан. *Военно-академический журнал*. 3(31). С. 132-138.

Шашок Л.А. 2021. Деятельность террористической группировки сети «Хаккани» в Афганистане и за его пределами. *Информационные войны*. 1(57). С. 77-84.

Яковлев В., Малик Е.Н. 2022. Развитие военно-политической обстановки в Афганистане в период смены режима. *Матрица научных знаний*. 1(1). С. 203-207.

Яшлавский А.Е. 2021. Вывод войск США из Афганистана и проблемы безопасности в Центральной Азии. Россия и новые государства Евразии. 3(52). С. 93-109. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-93-109

Внешнеполитические предпочтения Казахстана после 2022 г.

М.Ю. Кучеров¹, И.В. Вохминцев², И.Д. Кравчук³, В.Ю. Андрюхин⁴,
М.А. Федотов⁵, А.А. Токарев⁶

^{1, 6} МГИМО МИД России

² Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

^{4, 5} МГУ имени М.В. Ломоносова

Прошедший в марте 2019 г. транзит власти от Н. Назарбаева к К.-Ж. Токаеву воспринимался как продолжение политики первого президента Казахстана. Однако политический кризис в январе 2022 г. обнулил такие оценки, что вызвало интерес к внешнеполитической ориентации Казахстана в период президентства К.-Ж. Токаева. На какие страны ориентируется Астана под руководством нынешнего президента – исследовательский вопрос текущей работы. Авторы использовали методы контент- и сравнительного анализа. Хронологические рамки исследования ограничены периодом 20 марта 2019 г. – 31 декабря 2022 г., с момента наделения К.-Ж. Токаева полномочиями президента и датой окончания сбора данных. Источниками исследования стали публичные речи президента и доктринальные документы Казахстана. База данных цитат К.-Ж. Токаева сформирована по следующим источникам: официальный сайт президента Казахстана, его персональные страницы в социальных сетях и СМИ. Анализ базы данных включал подсчёт общего числа упоминаний названий стран и имён их глав, а также международных организаций на трёх языках (русский, казахский и английский) К.-Ж. Токаевым за выбранный период. Частота упоминаний тех же слов оценивалась на базе следующих доктринальных документов Казахстана: Военная доктрина 2017 г., Концепции внешней политики на 2014–2020 гг. и 2020–2030 гг. Ключевые результаты исследования: а) в официальных речах за выбранный период Токаев чаще всего упоминает Россию и Китай (223 и 95 упоминаний соответственно); б) среди международных организаций наибольшее количество упоминаний приходится на ООН и ЕАЭС (178 и 102 упоминания соответственно); в) по вопросам внешней политики Токаев преимущественно высказывается на русском языке; г) публичный дискурс главы Казахстана и положения доктринальных документов в целом совпадают. Однако имеются отклонения: согласно Концепции внешней политики, Казахстан рассчитывает на дальнейшее расширение стратегического партнёрства с США, но количество упоминаний Токаевым страны говорит

УДК 327.8(574)

Поступила в редакцию: 04.11.2022

Принята к публикации: 20.03.2023

об обратном — лишь 33 упоминания с марта 2019 г. Несмотря на значимые изменения во внутри- и внешнеполитической среде Казахстана, а также ориентацию К.-Ж. Токаева на многовекторную модель внешней политики, Россия сохраняет ведущую роль в его внешнеполитическом дискурсе.

Ключевые слова: внешнеполитическая ориентация, постсоветское пространство, Казахстан, Токаев, Россия, ОДКБ, ЕАЭС, контент-анализ, сравнительный анализ, протесты

19 марта 2019 г. Н. Назарбаев объявил об уходе с поста главы Казахстана, и новым президентом стал К.-Ж. Токаев. Первый президент Республики сохранил за собой статус лидера нации — «Елбасы» — и пост главы Совета Безопасности. Транзит власти воспринимался экспертами и учёными как формальность: Назарбаев сохранил значительные полномочия, а Токаев оказался «под прищотом Елбасы» (Ионова 2020; Кармазин 2020). Однако январские протесты 2022 г. из-за повышения цен на газомоторное топливо перевернули политическую «шахматную доску»: Назарбаев потерял пост главы Совета Безопасности, а правительство отправилось в отставку. Резкое изменение политического ландшафта Казахстана обнулило прежние политические оценки, внимание учёных и экспертов направилось на оценку внешнеполитической ориентации Астаны и самого Токаева.

Данное исследование отвечает на вопрос, на какие государства и международные организации ориентирована внешняя политика Казахстана под руководством Токаева. Изучение внешнеполитической ориентации Казахстана остаётся актуальным. В научной литературе внешнюю политику Казахстана принято характеризовать как многовекторную, направленную на равное развитие отношений с Россией, Китаем, США и ЕС. Исходя из характеристики политического режима Казахстана как делегативной демократии (Сейдуманов 2022), мы предположили, что публичные выступления президента должны вполне описывать внешнеполитическую позицию государства, поэтому предметом исследования стали речи президента и доктринальные документы Казахстана. Мы использовали метод контент-анализа, позволяющий оценить частоту упоминания стран и их лидеров, а также международных объединений в выступлениях Токаева за период с марта 2019 г. по декабрь 2022 г.

В ходе исследования нами проверены следующие гипотезы:

1. В рамках проведения многовекторной внешней политики президент Казахстана в публичном дискурсе в равной мере упоминает государства и международные организации.
2. В начале президентского срока Токаев апеллировал к Назарбаеву для усиления собственных позиций.
3. Публичный дискурс Токаева на русском, казахском и английском языках не идентичен.

Мы выбрали вышеперечисленные гипотезы по ряду причин. Как покажет обзор литературы ниже, распространённой характеристикой внешней политики Казахстана является многовекторность. Мы проверим данную гипотезу посредством контент-анализа. Предположение о взаимосвязях между содержанием дискурса и языка его трансляции возникло во время сбора данных. Мы заметили, что президент К.-Ж. Токаев в своих выступлениях использует русский, казахский и английский языки. Мы также рассмотрели частоту упоминаний Н. Назарбаева в выступлениях президента Токаева.

Обзор литературы

Внешней политике современного Казахстана посвящено множество исследований. Литературу о внешнеполитической ориентации страны можно разделить на несколько блоков. Первая группа работ посвящена многовекторной политике Астаны: внимание уделено основным государствам-партнёрам Казахстана и наднациональным объединениям. Второй корпус исследований сосредоточен на изучении двусторонних контактов страны с конкретными государствами. В третьем блоке научных трудов сравнивается внешнеполитический курс К.-Ж. Токаева и его предшественника Н. Назарбаева.

Учёные традиционно называют внешнеполитический курс Казахстана «многовекторным» (Дроздов и др. 2022; Жасекенова 2014; Александров 2021). Р. Вандерхилл, С. Жуарман и Р. Тулепбаева объясняют это тем, что Казахстан «зажат» между могущественными соседями — Китаем и Россией (Vanderhill et al. 2020). На «многовекторность» Астаны влияет и отсутствие выхода к морю (Idan, Shaffer 2011). По мнению А. Идана и Б. Шаффера, Казахстан балансирует между Россией, США, Китаем, Ираном, Турцией, СНГ, ОДКБ и НАТО. Но в последние годы усиливается зависимость страны от Китая (Drozdov et al. 2022). С. Кушкумбаев и З. Ауелбаев подчёркивают особую роль Центральноазиатского региона во внешней политике президента Казахстана (Kushkumbaev, Auelbaev 2021).

Специалисты-международники изучают связи Казахстана с отдельными странами или группами стран. В частности, статья П. Рангсимапорна посвящена отношениям Казахстана с АСЕАН и тем сферам, где страны и блок сотрудничают сейчас и могут взаимодействовать в будущем (Rangsimaporn 2020). Ж. Кембаев анализирует стадии развития казахстано-китайских отношений и выделяет факторы сближения двух государств (Kembayev 2020). Сотрудничество Москвы и Астаны в экономике, безопасности, энергетике исследовали М. Лаумулин и М. Шакен, прогнозируя развитие двустороннего сотрудничества с учётом геополитических трендов (Laumulin, Shaken 2008).

Исследователи обращают внимание на сходства и различия внешней политики Назарбаева и Токаева. Р. Айзекс и М. Тлеуберди считают, что Токаев продолжает курс многовекторности первого президента Казахстана, балансируя между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Инициативой пояса

и пути (ИПП) (Isaacs 2020; Tleuberdi 2021). Р. Айзекс представляет президента Токаева как мало харизматичного и зависимого политика, который не будет радикально менять внешнеполитические приоритеты страны.

Однако Ю. Кулинцев считает, что казахстанский лидер стремится выйти из роли пассивного игрока и активно менять внешнюю политику страны (Kulintsev et al. 2022). Токаев — самостоятельный лидер, использующий преимущества многовекторной внешней политики для реализации целей развития, заложенных в концепте «Нового Казахстана» (Кидирали 2022). Б. Султанов считает, что внешняя политика Токаева отличается чётким определением характера отношений с Россией как «союзнических». По его мнению, союз Казахстана с Россией размывает принцип многовекторности. Исследователь также подчёркивает активную вовлечённость президента в процесс укрепления ЕАЭС (Sultanov 2020). Ю. Пойта полагает, что Токаев следует логике Назарбаева: экономический и политический суверенитет выше укрепления ЕАЭС (Пойта 2020). З. Шаукенова согласна с Ю. Пойтой и называет президента Токаева прагматичным лидером, для которого интересы Казахстана на мировой арене превыше всего (Shaukenova 2021).

Использование количественного контент-анализа в сфере международных отношений восходит к 1948 г., когда Г. Лассуэлл применил его для исследования пропагандистских материалов времён Второй мировой войны (Лассуэлл 1948). Развитие компьютерных технологий позволило обрабатывать большие объёмы текста с меньшими трудозатратами, что сделало метод статистического анализа текста более распространённым¹. Он позволяет определять авторство (Мостлер, Валлас 1963) и жанр текста (Моретти 2011). Внешнеполитические документы стран стали объектом исследований, проводимых с помощью количественного контент-анализа (Шубенкова 2014). Преимуществом метода является то, что влияние личных политических предпочтений исследователя сведено к минимуму: есть жёсткие критерии и шкалы, за которые он не может выйти. Метод легко масштабируется и позволяет проводить сравнительный анализ стратегических документов сразу нескольких стран (Дегтерев, Василюк, Баум 2018). У него есть ещё одно преимущество: сравнение нескольких акторов происходит согласно единым для всех критериям, что исключает субъективизм исследователя. Это позволяет чётко выявлять различия между объектами по единому шаблону. Но, как справедливо замечают сами авторы, методика показывает только наличие упоминаний той или иной страны в документах, но не позволяет выявить характеристику этого упоминания — положительную, либо отрицательную (Дегтерев 2018). То есть исследователи составили таблицы частотности без упоминания контекста. Это ограничение преодолимо через вычисление данных

¹ Террас М. и др. 2017. *Цифровые гуманитарные науки Хрестоматия/Digital humanities: in search of definitions*.

характеристик в массиве текстов: например, через коэффициент Яниса (Боришполец 2020). Такой подход позволяет количественно оценить объём положительного и отрицательного контекста по отношению к выбранному субъекту анализа. Для более нюансированного контекста в политологии применяется методика составления конкорданса выбранного слова (Зюбина, Матвеева 2017). В этом случае исследователь получает все версии, в которых употреблено выбранное им слово или выражение. Учёный видит сразу весь контекст употребления, а значит, переходит на более глубокий уровень исследования массива текста, что было бы невозможно сделать качественными методами. Этот подход пришёл из лингвистики, но зарекомендовал себя и в политических исследованиях для анализа больших массивов текста, например, выступлений политиков. Безусловно, корпус текстов выступлений политика даёт больший простор в сравнении с анализом документов (Аватков, Сбитнева 2022). При таком методологическом подходе исследователь не ограничен несколькими выбранными выступлениями, как это бывает с качественным подходом — автор работает с контекстом всего массива сказанного политиком, а не с выбранными по собственному предпочтению или по другим критериям речами (Озаж 2023). Это означает, что выводы более обоснованы, так как влияние ярких, но единичных тезисов в отдельных выступлениях минимально по отношению к остальному объёму информации. Так повышается ценность полученных знаний — подход позволяет увидеть, что в речах политика буднично, а что выбивается из общей канвы, а значит, достойно внимания в будущих исследованиях. Контент-анализ зарекомендовал себя в гуманитарных науках в качестве простого, масштабируемого и гибкого метода.

Метод контент-анализа ранее применялся при рассмотрении речей президентов Казахстана. Например, К. Смагулов провёл количественный контент-анализ выборочных слов во всех посланиях президента Казахстана с 1998 г. по 2011 г. (Smagulov 2012). Также проанализированы тенденции изменений в сплочённости государства Казахстан за период с 1994 г. по 2013 г. (Hyunjoong 2017). Рассмотрены концепты в публичных выступлениях американских и казахстанских политиков (Kurmanova et al. 2021). Однако опора на фрагментарные данные может привести к неверным выводам в понимании нынешнего Казахстана. Прогнозирование внешнеполитических шагов Казахстана возможно, если использовать систематизированные данные из разных источников.

Методология и база данных

Для исследования внешнеполитических стратегий Казахстана авторы собрали базу данных из 2 109 823 символов за 45 месяцев президентства К.-Ж. Токаева. База данных начинается с марта 2019 г., начала президентства То-

каева, и оканчивается декабрём 2022 г., датой окончания сбора данных. Авторов интересовали только прямые цитаты президента Казахстана — косвенная речь К.-Ж. Токаева, переданная СМИ, не попала в фокус внимания исследователей.

Первый этап сбора данных — определение источников. Сначала с официального сайта президента Казахстана выгружались все послания и выступления лидера страны. Затем авторы проанализировали социальные сети президента Токаева — Facebook, Instagram², YouTube и Twitter. В пул источников включены крупнейшие СМИ страны — *vlast.kz* и «365.инфо».

Второй этап — составление списка поисковых объектов. Всего было выбрано 43 поисковых объекта: названия соседних стран и архитекторов полицен-тричного мира, их лидеры и столицы, а также наднациональные организации и их лидеры.

Третий этап — очистка базы данных от повторений: копировались первые предложения цитаты и с помощью сквозного поиска выявлялись повторения в общем полотне цитат.

Полученные данные анализировались в программе «Voyant tools». Упоми-нания стран или международных организаций авторы искали при помощи со-ставления поискового объекта, который создавался на основе следующих прин-ципов:

— поиск по основам. К примеру, авторы хотели найти все упоминания Рос-сии. Поиск только по объекту «Россия» недостаточен, так как машина упускает такие формы слова, как «России», «российскому», «российский». Поэтому ис-пользовалась основа поискового объекта — «росс». Далее все вариации упоми-наний складывались под общим названием «Россия». Такую процедуру авторы провели со всеми поисковыми объектами.

— расшифровка аббревиатуры. Например, исследователи хотели узнать ча-стоту упоминания ОДКБ в январе 2022 г. Помимо поиска по самому названию, авторы вводили основы по отдельности: «организац», «договор», «коллектив», «безопас». Такой принцип поиска позволял найти косвенные и прямые упоми-нания организации.

Авторы не утверждают, что собрали все цитаты президента Токаева — сте-нограммы переговоров или закрытых встреч недоступны, но нашли подавляю-щее большинство всех публичных выступлений главы Казахстана.

При составлении базы данных были выбраны следующие поисковые объ-екты:

— первый президент Казахстана Н. Назарбаев: «Елбасы», «Назарбаев», «Нурсултан»;

² Соцсети Facebook и Instagram признаны экстремистскими и запрещены в России.

— ключевые игроки мировой политики, великие державы и государственные объединения, а также их главы государств и столицы: «Россия», «РФ», «Китай», «КНР», «ЕС», «США», «Америка», «СССР», «Советский Союз», «Москва», «Кремль», «Пекин», «Брюссель», «Вашингтон», «Путин», «Владимир Владимирович», «Си Цзиньпин», «Мишель», «Трамп», «Байден»;

— соседи Казахстана, стратегические партнёры и главы государств: «Узбекистан», «Мирзиёев», «Таджикистан», «Рахмон», «Киргизия», «Кыргызстан», «Жээнбеков», «Жапаров», «Туркменистан», «Бердымухамедов», «Турция», «Эрдоган»;

— международные организации: «НАТО», «СНГ», «ОДКБ», «ШОС», «ООН», «ЕАЭС».

Частота упоминания стран в публичных выступлениях К.-Ж. Токаева

Президент Казахстана в публичных выступлениях упоминает Россию чаще других стран — 223 раза (рис. 1). Следующие по частоте упоминаний страны: Китай — 95, Узбекистан — 41, США — 33, Киргизия — 30, Турция — 27, Туркменистан — 26 и Таджикистан — 17 (рис. 1). Топ стран не меняется, если добавить упоминания глав государств: Россия — 282, Китай — 99, Узбекистан — 47, Киргизия — 37, США — 35, Туркменистан — 32, Турция — 32 и Таджикистан — 17. К.-Ж. Токаев упоминает президента России В. Путина 59 раз, что почти в два раза больше, чем общее число упоминаний глав остальных государств.

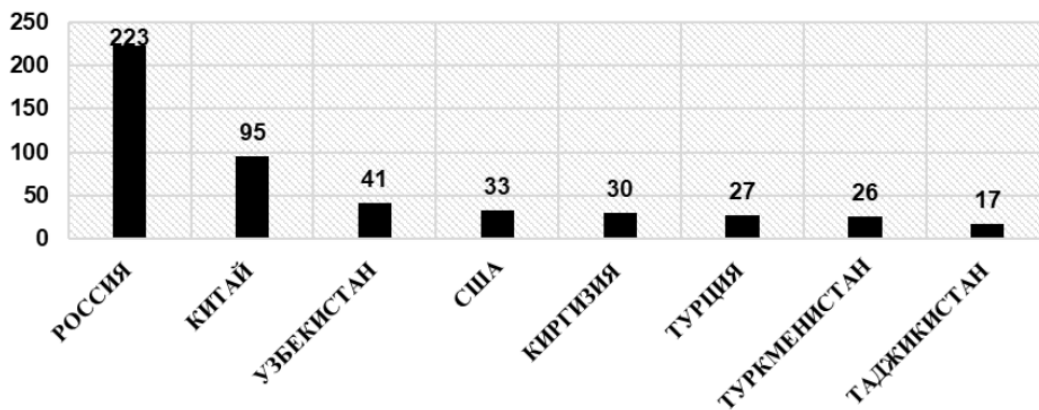

Рисунок. 1. Частота упоминания стран
Figure. 1. Frequency of mentioning countries

Россия и Китай доминируют в публичном дискурсе казахстанского лидера. Резкий рост упоминаний двух стран приходился на июнь 2019 г., когда проходили выборы президента Казахстана — 38 и 16 упоминаний соответственно (рис. 2). Тогда Токаев напоминал о неразрывных связях с Россией, корни которых уходят в историю.

Рисунок 2. Динамика упоминания распространённых в речах Токаева стран

Figure 2. Dynamics of mentioning countries common in Tokayev's speeches

С июля 2019 г. России в дискурсивном поле становится всё меньше: октябрь 2019 г. — 13 раз, август 2020 г. — 10, сентябрь 2021 г. — пять (рис. 2). До и во время выборов число упоминаний России возросло в несколько раз, а после упало. Эта тенденция распространяется и на Китай. Стремительный рост упоминаний России объясняется проходившими мероприятиями: в октябре 2019 г. Токаев участвовал в заседании клуба «Валдай» и назвал Россию стратегическим партнёром, в августе 2020 г. казахстанский лидер поблагодарил Россию за оказание гуманитарной помощи во время борьбы с COVID-19. Говоря об отношениях с Москвой в прошлом и настоящем, Токаев в основном высказывается на русском.

В 2022 г. больше всего упоминаний России приходится на февраль и ноябрь — 30 и 31 раз соответственно. В начале года Токаев утверждал, что Казахстан настроен на поддержание деловых, активных и тесных рабочих контактов с Россией, и отдельно подчёркивал сотрудничество с Татарстаном. Пик упоминаний приходится на ноябрьскую встречу Токаева с Путиным в Москве, на которой была подписана Декларация по случаю 30-летия установления дипломатических отношений. Поездка в Россию — это первый зарубежный визит Токаева после его переизбрания на пост главы республики. На протяжении 2022 г. президент Казахстана подчёркивал, что страна будет продолжать активное сотрудничество с Россией. По мнению Токаева, Россия «хорошо действует в экстремальных ситуациях» и выступает надёжным торгово-экономическим партнёром.

Частота упоминания международных организаций в публичных выступлениях К.-Ж. Токаева

Среди международных организаций, которые упоминал К.-Ж. Токаев в период с марта 2019 г. по декабрь 2022 г., наибольшее количество упоминаний приходится на ООН и ЕАЭС (рис. 3). Только в пяти из 45 месяцев нет хотя бы одного упоминания этих международных организаций. В 38 месяцах из 45 исследованных ООН и ЕАЭС упоминаются больше, чем остальные международные организации. Наибольшее количество упоминаний ООН приходится на сентябрь 2019 г. — 17, август и сентябрь 2020 г. — 17 и 20 соответственно, сентябрь 2021 г. — 20 и сентябрь 2022 — 15. Резкое увеличение упоминаний ООН президентом Казахстана каждый сентябрь связано с участием Токаева в сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. ЕАЭС больше всего упоминался в октябре 2019 г. — семь, мае 2020 г. — 13, а также в январе и декабре 2022 г., по 17 раз в каждом из месяцев.

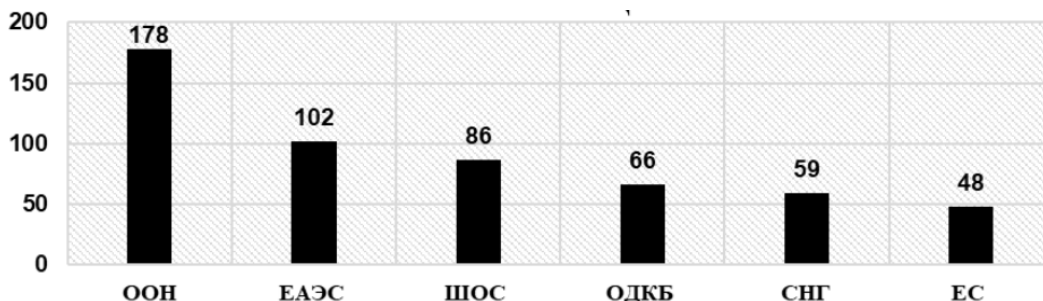

Рисунок 3. Частота упоминания международных организаций
Figure 3. Frequency of mentioning international organizations

Отправка миротворцев ОДКБ в январе 2022 г. во время беспорядков в Казахстане — причина резкого роста упоминаний организации (рис. 4). До «январских событий» Токаев говорил об организации только в октябре и ноябре 2019 г., сентябре 2021 г., во время учений «Нерушимое братство – 2019» и «Рубеж – 2021» — пять и шесть раз соответственно.

В публичном дискурсе казахстанского лидера отсутствует упоминание другого военно-политического блока — НАТО. Хотя с 1994 г. Казахстан участвует в программе Альянса «Партнёрство во имя мира», а вывод войск НАТО из Афганистана в 2021 г. стал важнейшим поворотным моментом для безопасности стран Центральной Азии.

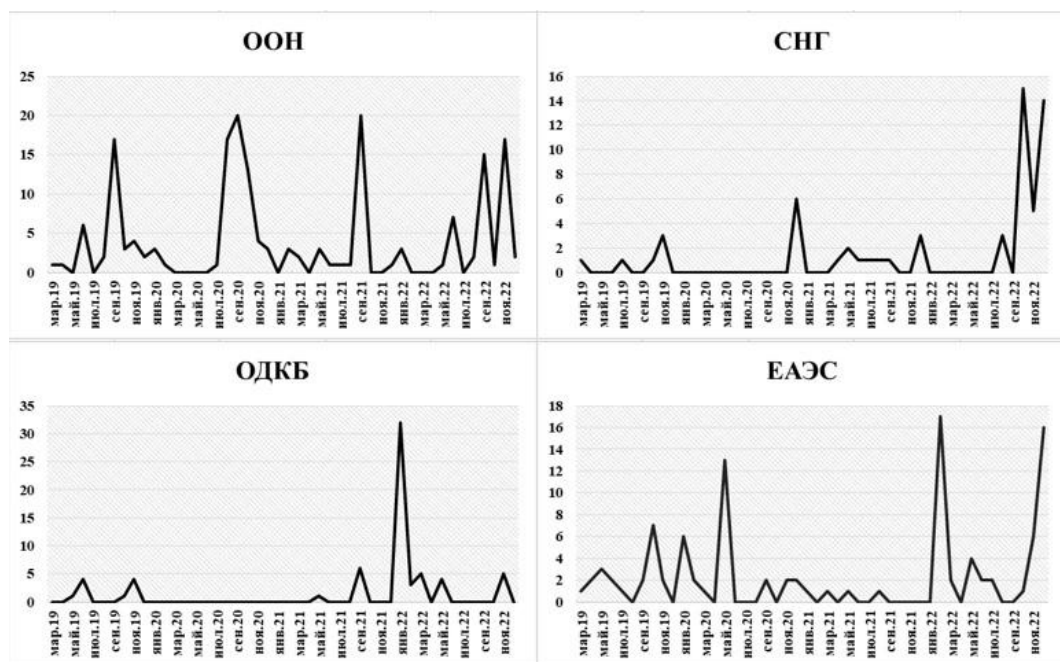

Рисунок. 4. Динамика упоминания международных организаций
 Figure. 4. Dynamics of the mention of international organizations

Частота упоминания Н. Назарбаева в публичных выступлениях К.-Ж. Токаева

Пик упоминаний фиксируется в марте и апреле 2019 г. 62 и 26 раз, соответственно (рис. 5). Затем начался резкий спад частоты упоминаний первого президента, хотя и наблюдались пики в сентябре 2019 г. и декабре 2021 г. — 12 и 26 упоминаний соответственно. После январских протестов Токаев говорил о предшественнике ещё реже: максимум четыре раза за месяц. После августа 2022 г. он ни разу не упомянул Н. Назарбаева. При оценке общего числа упоминаний авторы суммировали результаты по всем отобранным словам и их транскрипциям. При этом К.-Ж. Токаев в своих выступлениях чаще всего апеллировал не к имени Н. Назарбаева, а к его формальному титулу «Елбасы». По результатам контент-анализа мы подтверждаем изначальную гипотезу: Токаев снижал частоту упоминания своего предшественника в выступлениях.

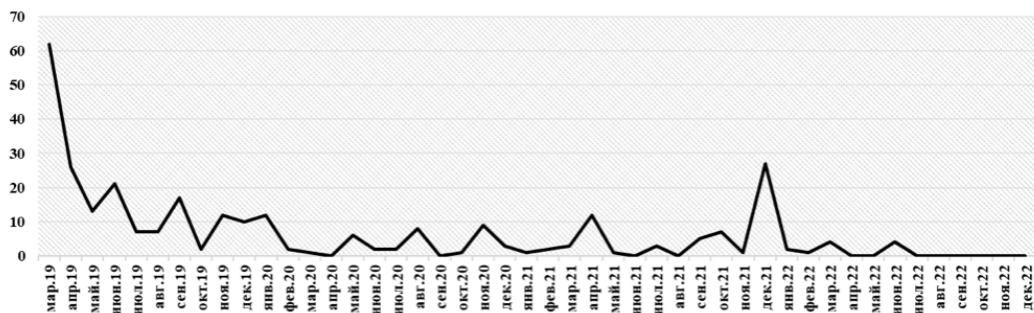

Рисунок 5. Частота встречаемости «Елбасы» во времени

Figure 5. Frequency of «Elbasy» over time

Частота использования русского, английского и казахского языков в публичных выступлениях К.-Ж. Токаева

К.-Ж. Токаев в публичных обращениях использует русский, казахский и английский языки. Механизм сбора базы данных позволяет проанализировать публичный дискурс на всех трёх языках. Результаты сравнительного анализа показаны ниже (рис. 6 и 7). Из них следует, что гипотеза частично подтвердилась: публичные дискурсы президента по странам различаются, хотя и незначительно (см. рис. 6). Среди упоминаний организаций на казахском языке первое место по количеству употреблений занимает СНГ, ЕАЭС — на втором месте, ООН — на третьем месте, ОДКБ — на четвёртом и ШОС — на пятом. Но суммарное упоминание СНГ существенно уступает остальным (см. рис. 7). Диаметрально противоположная картина с упоминаниями на русском языке: первое место с большим отрывом занимает ООН, в то время как СНГ занимает последнюю позицию. Президент Казахстана Токаев по вопросам внешней политики преимущественно высказывается на русском языке (рис. 6 и 7).

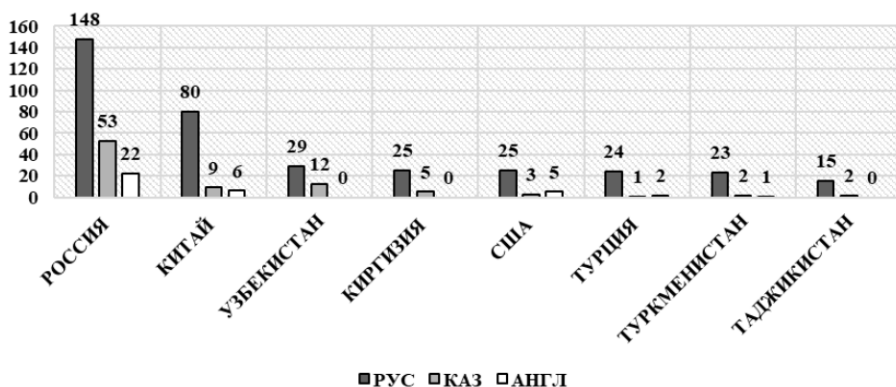

Рисунок 6. Частота встречаемости стран на разных языках

Figure 6. Top countries in different languages

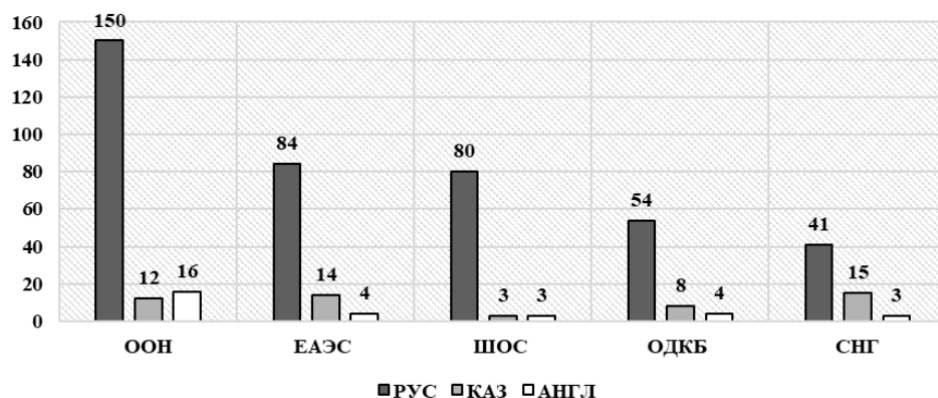

Рисунок 7. Частота встречаемости международных организаций на разных языках
 Figure 7. International organizations in different languages

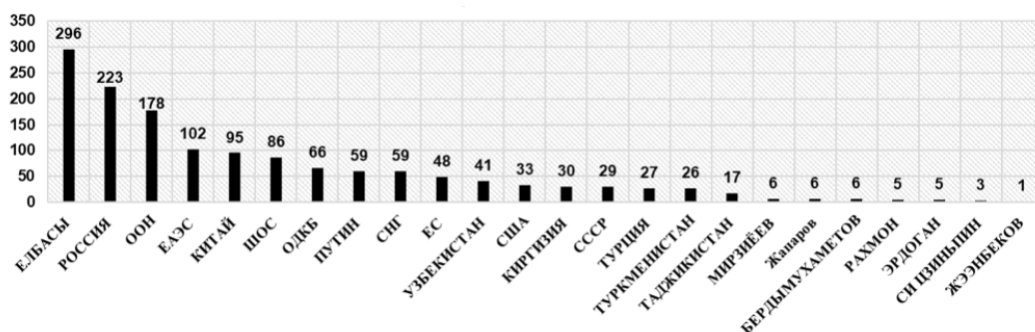

Рисунок 8. Общий рейтинг упоминаний
 Figure 8. Overall rating of mentions

Сравнение доктринального и публичного дискурсов Казахстана

Чтобы выявить доктринальный дискурс, мы проанализировали Военную доктрину 2017 г.³ и Концепции внешней политики на 2014–2020 гг.⁴ и 2020–2030 гг.⁵ (табл. 1). Ранжирование стран и международных организаций осуществлялось с помощью двух переменных: суммы и первенства упоминаний в доку-

³ Военная доктрина Республики Казахстан. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 29.09.2017. URL: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/voennuyu-doktrinu-respubliki-kazakhstan (дата обращения: 15.08.2023).

⁴ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. 21.01.2014. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 15.08.2023).

⁵ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 09.03.2020 URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 15.08.2023).

ментах. В доктринальном дискурсе Россия доминирует по обоим переменным. Второе и третье место в иерархии внешнеполитических приоритетов занимают Китай и США. Вместо упоминания конкретных государств Центральной Азии в доктринальных документах семь раз фигурирует название региона.

Среди международных организаций ООН сохраняет лидирующие позиции по сумме и первенству упоминаний в большинстве доктринальных документов. Исключение составляет Концепция внешней политики на 2020–2030 гг., где ведущее место по числу упоминаний занимает ЕС, хотя в речах Токаева европейское объединение упоминается редко.

Таблица 1. Сравнение публичного и доктринального дискурса Казахстана
Table 1. Comparison of public and doctrinal discourse of Kazakhstan

	Количество упоминаний				Первенство упоминаний			
	В данном исследовании	КВП (2014 – 2020)	КВП (2020 – 2030)	ВД (2017)	В данном исследовании	КВП (2014 – 2020)	КВП (2020 – 2030)	ВД (2017)
Россия	223	1	2	1	1	1	1	1
Китай	95	1	1	0	2	2	2	0
Узбекистан	41	1	0	0	3	6	0	0
США	33	1	1	0	4	7	3	0
Киргизия	30	1	0	0	5	3	0	0
Таджикистан	17	1	0	0	7	4	0	0
Туркменистан	26	1	0	0	6	5	0	0
ООН	178	10	3	5	1	1	2	1
ШОС	86	1	0	2	3	5	0	2
ЕАЭС	102	1	1	0	2	2	3	0
ОДКБ	66	1	0	2	4	4	0	3
СНГ	59	1	0	0	5	3	0	0
ЕС	48	2	4	0	6	6	1	

Заключение

Главный вывод исследования: доктринальный и публичный дискурсы в основном совпадают. Токаев 223 раза упоминает Россию, что больше суммарного упоминания Китая, США и Узбекистана. В доктринальных документах Россия — союзник, который упоминается раньше и чаще всех. Хотя мы и не имеем доступа к закрытым для публики многосторонним встречам в официальных форматах и «без галстуков», проведённый анализ публичного дискурса показывает, что Казахстан проводит многовекторную внешнюю политику с уклоном в сторону России. Начало СВО на Украине не отменило лидерства России в публичном дискурсе Токаева.

Второе место в иерархии внешней политики занимает Китай. Казахстан нацелен на «всестороннее стратегическое партнёрство с Китайской Народной Республикой». Токаев упоминает Китай 95 раз — это самая упоминаемая страна после России.

В Концепции внешней политики Казахстана подчёркивается, что Астана рассчитывает на «дальнейшее расширение стратегического партнёрства с Соединёнными Штатами Америки», но в публичном дискурсе Токаева США занимают четвёртое место, 33 упоминания. Место Америки занял Узбекистан — 41 упоминание. Хотя в доктрине упоминаются лишь «государства Центральной Азии», с которыми Казахстан развивает «стратегические взаимоотношения», Узбекистан — ключевая страна этого региона, о чём неоднократно заявлял президент Токаев.

Сам Токаев — самостоятельная фигура, которая не апеллирует к Назарбаеву для легитимации собственной политики. Число упоминаний Назарбаева снижалось с 2019 г. — авторы оспаривают тезис о «внезапности» ухода Назарбаева в январе 2022 г. Однако, несмотря на вышеперечисленные факты, в актуальной редакции Концепции внешней политики провозглашена преемственность внешнеполитического курса Токаева.

Среди международных организаций Токаев выделяет ООН и ЕАЭС. Первую организацию Токаев упоминает 178 раз, а в Концепции внешней политики ООН фигурирует уже на первых страницах. Для Казахстана важны институты многосторонней дипломатии, Токаев — сторонник усиления роли ООН в мире, о чём говорит его постоянное участие в сессиях Генеральной Ассамблеи. Не стоит забывать и о работе казахстанского президента на посту заместителя генерального секретаря ООН в Женеве с 2011 по 2013 г.

ЕАЭС — вторая по количеству упоминаний организация. Токаев упомянул её 102 раза. Союзу посвящён отдельный параграф 4.3 — это говорит об особой роли организации для Казахстана. Помимо прагматических целей развития экономики, активное участие Астаны в ЕАЭС носит имиджевый характер, так как идею о создании организации выдвинул Назарбаев. Упоминание ЕС — скорее дань многовекторности, нежели отражение реальных политических связей, о чём говорят результаты анализа публичного и доктринального дискурса. Третье место занимает ШОС с результатом в 86 упоминаний. Эта организация в концепции упоминается только в параграфе 4.8, то есть уже в конце главы. ОДКБ с результатом в 66 занимает четвёртое место в рейтинге, но в тексте концепции она упоминается в параграфе 4.7, то есть раньше ШОС.

Об авторах:

Михаил Юрьевич Кучеров — аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: kucherov.m.yu@yandex.ru

Игорь Вадимович Вохминцев — выпускник-бакалавр Исторического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва. 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34. E-mail: igor.nk.ru@gmail.com

Иван Дмитриевич Кравчук — стажёр-исследователь Центра политических исследований, магистрант Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. 125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, 49. E-mail: kravchukid19@gmail.com

Владислав Юрьевич Андриухин — аспирант Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. E-mail: vlad.andriukhin@gmail.com

Марк Александрович Федотов — магистрант Факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект 27, корп. 4. E-mail: fedotoff.mark@yandex.ru

Алексей Александрович Токарев — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Авторский коллектив статьи выражает благодарность Елизавете Дмитриевне Полюшко, Елизавете Викторовне Мишишине и Руслану Валерьевичу Млынскому за участие в данном исследовании.

UDC 327.8(574)

Received: November 04, 2022

Accepted: March 20, 2023

Foreign Policy Preferences of Kazakhstan after 2022

M.Y. Kuchеров¹, I.V. Vokhmintsev², I.D. Kravchuk³, V.Y. Andriukhin⁴,M.A. Fedotov⁵, A.A. Tokarev⁶[DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-72-90](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-72-90)^{1, 6} MGIMO-University² Samara National Research University³ Financial University under the Government of the Russian Federation^{4, 5} Lomonosov Moscow State University

Abstract: The January 2022 protests in Kazakhstan drew global attention to the country's foreign policy orientations. This research investigates the focal states and international organizations prioritized by Kazakhstan during Kassym-Jomart Tokayev's presidency, spanning from March 20, 2019, when Tokayev assumed office, to December 31, 2022, marking the end

of data collection. Employing content analysis and discourse analysis as primary methods, this study examines data from diverse sources, including the official website of Kazakhstan's President, his social media profiles, and relevant media outlets. The analysis encompasses mentions of countries, their leaders, and international organizations across three languages: Russian, Kazakh, and English.

Key findings include Tokayev's frequent references to Russia (223 mentions) and China (95 mentions), while the United Nations (UN) and the Eurasian Economic Union (EAEU) receive the highest number of mentions among international organizations (178 and 102, respectively). Remarkably, Tokayev predominantly communicates in Russian when addressing foreign policy matters.

In general, public discourse aligns closely with Kazakhstan's doctrinal discourse. However, notable discrepancies arise. Despite the Foreign Policy Concept's indication of Kazakhstan's intent to strengthen its strategic partnership with the United States, Tokayev's limited mentions of the United States (33 in total) suggest a distinct trend.

Keywords: Foreign policy orientation, post-Soviet space, Kazakhstan, Tokayev, Russia, CSTO, EAEU, content analysis, discourse analysis, protests

About the authors:

Mikhail Yu. Kucherov — Postgraduate student of the Department of Comparative Political Science of MGIMO-University. Vernadsky Pr., 76, Moscow, 119454.

E-mail: kucherov.m.yu@yandex.ru

Igor V. Vokhmintsev — Graduate-bachelor of the History Faculty of Samara National Research University. Moskovskoe shosse, 34, Samara, 443086. E-mail: igor.nk.ru@gmail.com

Ivan D. Kravchuk – Trainee researcher at the Center for Political Studies, a master's student at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Leningradsky Pr., 49, GSP-3, Moscow, 125993. E-mail: kravchukid19@gmail.com

Vladislav Yu. Andriukhin — Postgraduate student at the Faculty of World Politics of Lomonosov Moscow State University. Leninskie gory, 1, building 51, Moscow, 119991.

E-mail: vlad.andriukhin@gmail.com

Mark A. Fedotov – Master's student at the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University. Lomonosovsky Pr., 27, building 4, Moscow, 119192.

E-mail: fedotoff.mark@yandex.ru

Alexey A. Tokarev — Doctor of Political Sciences, a leading researcher at the MGIMO-University. Vernadsky Pr., 76, Moscow, 119454. E-mail: a.tokarev@innomgimo.ru

Conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

Authors express gratitude to Elizaveta Dmitrievna Polyushko, Elizaveta Viktorovna Mishchishina and Ruslan Valerievich Mlinsky for their participation in this project.

References:

Idan A., Shaffer B. 2011. The Foreign Policies of Post-Soviet Landlocked States. *Post-Soviet Affairs*. 27(3). P. 241-268. DOI: 10.2747/1060-586X.27.3.241

Isaacs R. 2020. Russia–Kazakhstan Relations and the Tokayev–Nazarbayev Tandem. *Russian analytical digest*. №248. P. 2-5. DOI: 10.3929/ethz-b-000401980.

Kembayev Z. 2020. Development of China-Kazakhstan Cooperation. *Problems of Post-Communism*. 67(3). P. 204–216. DOI: 10.1080/10758216.2018.1545590.

Kulintsev Y.V., Mukambaev A.A., Rakhimov K.K., Zuenko I.Y. 2020. Sinophobia in the Post-Soviet Space. *Russia in Global Affairs*. 18(3). P. 128–151. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-3-128-151

Kurmanova A., Sarsikeyeva G., Utegulova G. 2021. Political Linguistics: Public Speech of American and Kazakh Politicians. *International Journal of Society. Culture & Language*. 9(2). P. 212–221.

Rangsimaporn P. 2020. Kazakhstan and ASEAN: the Unexplored Vector in Kazakhstan's Foreign Policy. *Asian Affairs*. 51(1). P. 126–145. DOI: 10.1080/03068374.2019.1706342

Vanderhill R., Joireman S.F., Tulepbayeva R. 2020. Between the Bear and the Dragon: Multivectorism in Kazakhstan as a Model Strategy for Secondary Powers. *International Affairs*. 96(4). P. 975–993. DOI: 10.1093/ia/iiaa061

Avatkov V.A., Sbitneva A.I. 2022. Transformaciya antiterroristicheskoy politiki Turcii v period pravleniya Partii spravedlivosti i razvitiya [Transformation of Turkey's Anti-Terrorism Policy under the AKP]. *MGIMO Review of International Relations*. 15(3). P. 143–174. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174. (In Russian).

Borishpolec K.P. 2010. *Metody politicheskikh issledovanij* [Methods of Political Research]. Moscow: Aspekt press. P. 7–31. (In Russian).

Degterev D.A., Vasilyuk I.P., Baum V.V. 2018. Parametry mnogovektornosti vneshnej politiki stran SNG: prikladnoy analiz [Parameters of Multi-Vector Foreign Policy of the CIS Countries: Applied Analysis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. (62)1. C. 63–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75. (In Russian).

Drozov I.A., Popov D.D., Rakhman Khashimi M.M., Fedorov A.A. and Sharagina A.D. 2022. Kazakhstan v novykh ekonomicheskikh realiyah: prognozy dlya respublikanskoj multivektornoj politiki posle nachala rossijskoj special'noj voennoj operacii na Ukraine [Kazakhstan in the New Economic Reality: Prospects for the Republic's Multi-Vector Policy after the Start of Russia's Special Military Operation in Ukraine]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 11(125). P. 1–7. DOI: 10.23670/IRJ.2022.125.69. (In Russian).

Zhasekenova G.Zh. 2014. Osobennosti mnogovektornoj politiki Respubliki Kazakhstan: problemy i perspektivy [Features of the Multi-Vector Policy of the Republic of Kazakhstan: Problems and Prospects.]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. №3-2. P. 370–373. (In Russian).

Zyubina I.A., Matveeva G.G. 2017. Predvybornyj politicheskij diskurs D. Trampa i H. Klinton (pragmalingvisticheskij aspekt) [The Pre-Election Political Discourse of D. Trump and H. Clinton (Pragmalinguistic Aspect)]. *25 let vneshnej politike Rossii: sb. materialov H Konventa RAMI* (Moskva, 8-9 dekabrya 2016 g.). v 5 t. T. 5. P. 171. (In Russian).

Ionova E.P. 2020. Kazakhstan v period tranzita vlasti [Kazakhstan during the Transit of Power]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 1(46). P. 82–97. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-1-82-97 (In Russian).

Kushkumbaev S., Auelbaev B. 2021. Czentral'noaziatskij vektor vneshnej politiki Kazakhstana [Central Asian Vector of Kazakhstan's Foreign Policy: Achievements, Challenges, Prospects]. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). P. 81–94. (In Russian).

Pojta Y. 2020. Krizis evrazijskih mehdunarodnyh organizacij: prichiny i posledstviya vzaimosvyazannosti [The Crisis of Eurasian International Organizations: Causes and Consequences. Eurasian Network of Regional Initiatives and Organizations: Elements of Interconnectedness]. *Evrazijskaya set' regional'nyh iniciativ i organizacij: elementy* P. 19-24.

Laumulin M., Shaken M. 2008. Kazakhstanosko-rossijskie otnosheniya [Kazakhstan-Russia relations]. *Czentral'naya Aziya i Kavkaz*. №1. P. 130-144. (In Russian).

Sejdumanov A.S. 2022. Osobennosti kazakhstanskoj modeli demokratcheskogo tranzita: kontseptualno-metodologicheskij analiz [Features of Kazakhstan's Democratic Transit Model: Conceptual and Methodological Analysis]. *Problemy postsovetского prostranstva*. 9(4). P. 423-436. DOI: 10.24975/2313-8920-2022-9-4-423-436. (In Russian).

Smagulov K.E. 2012. Kontent-analiz poslanij Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Content Analysis of the Republic of Kazakhstan President's Addresses]. *Socziologicheskie issledovaniya*. №6. P. 54-61. (In Russian).

Sultanov B. 2020. Kazakhstano-rossijskie otnosheniya vo vneshnej politike Prezidenta K.-Zh. Tokaeva [Kazakh-Russian Relations in the Foreign Policy of the President K.-Zh. Tokaev]. *Rossiya i novyye gosudarstva Evrazii*. 2(47). P. 58-68. (In Russian).

Tleuberdi M. 2021. Vstupitel'noe slovo k izdaniyu [Introduction to the Publication]. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). P. 5-9. (In Russian).

Shaukenova Z. 2021. Vstupitel'noe slovo k izdaniyu [Introduction to the Publication]. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). P. 10-12. (In Russian).

Shubenkova A.Yu. 2014. Programmno-strategicheskie dokumenty v gosudarstvennoy politike RF: institucional'nyy analiz: dis. kand. polit. Nauk [Program and Strategic Documents in the State Policy of the Russian Federation: Institutional Analysis: dis. cand. polit. sciences]. Moscow. 201 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Аватков В.А., Сбитнева А.И. 2022. Трансформация антитеррористической политики Турции в период правления Партии справедливости и развития. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(3). С. 143–174. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174.

Боришполец К.П. 2010. *Методы политических исследований*. Москва: Аспект пресс. С. 7–31.

Дегтерев Д.А., Василюк И.П., Баум В.В. 2018. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ. *Мировая экономика и международные отношения*. (62)1. С. 63-75. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75

Дроздов И.А., Попов Д.Д., Рахман Хашими М.М., Федоров А.В. Шарагина А.Д. 2022. Казахстан в новых экономических реалиях: прогнозы для республиканской мультивекторной политики после начала российской специальной военной операции на Украине. *Международный научно-исследовательский журнал*. 11(125). С. 1-7. DOI: 10.23670/IRJ.2022.125.69.

Жасекенова Г.Ж. 2014. Особенности многовекторной политики Республики Казахстан: проблемы и перспективы. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. №3-2. С. 370-373.

Зюбина И.А., Матвеева Г.Г. 2017. Предвыборный политический дискурс Д. Трампа и Х. Клинтон (прагматический аспект). *25 лет внешней политике России*. Сб. материалов Х Конвента РАМИ (Москва, 8-9 декабря 2016 г.): в 5 т. Т. 5. С. 171.

Ионова Е.П. 2020. Казахстан в период транзита власти. *Россия и новые государства Евразии*. 1(46). С. 82-97. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-1-82-97.

Кушкумбаев С., Ауелбаев Б. 2021. Центральноазиатский вектор внешней политики Казахстана: достижения, вызовы, перспективы. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). С. 81-94.

Пойта Ю. 2020. Кризис евразийских международных организаций: причины и последствия. *Евразийская сеть региональных инициатив и организаций: элементы взаимосвязанности*. С. 19-24

Лаумулин М., Шакен М. 2008. Казахстанско-российские отношения. *Центральная Азия и Кавказ*. №1. 130-144.

Сейдуманов А.С. 2022. Особенности казахстанской модели демократического транзита: концептуально-методологический анализ. *Проблемы постсоветского пространства*. 9(4). С. 423-436. DOI: 10.24975/2313-8920-2022-9-4-423-436.

Смагулов К.Е. 2012. Контент-анализ посланий Президента Республики Казахстан. *Социологические исследования*. №6. С. 54-61.

Султанов Б.К. 2020. Казахстано-российские отношения во внешней политике президента К.-Ж. Токаева. *Россия и новые государства Евразии*. 2(47). С. 58-68. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-2-58-68.

Тлеуберди М. 2021. Вступительное слово к изданию. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). С. 5-9.

Шаукенова З. 2021. Вступительное слово к изданию. *Kazakhstan Journal of Foreign Affairs*. 1(2). С. 10-12.

Шубенкова А.Ю. 2014. *Программно-стратегические документы в государственной политике РФ: институциональный анализ*. Дис. канд. полит. наук. Москва. 201 с.

Разведывательный и ситуационный центр Европейского союза в архитектуре внешней политики и политики безопасности ЕС

А.И. Пожаров¹, С.А. Карюкин²

¹ Московский государственный лингвистический университет

² Институт проблем безопасности СНГ

В статье рассматривается проблематика становления и развития разведывательной структуры Европейского союза – Разведывательного и ситуационного центра ЕС (РСЦ ЕС). На основе историографического анализа отечественной литературы и зарубежных источников авторы обобщили взгляды российских и зарубежных учёных на генезис разведки в объединённой Европе и её структурные особенности, приняли попытку дать оценку состоянию и перспективам развития разведывательной деятельности ЕС в функциональном и институциональном аспектах. Проблема формирования и деятельности европейской разведки рассматривается в контексте единой политической линии государств-членов европейского сообщества. Авторы небезосновательно делают вывод о том, что отсутствие мониторинга деятельности РСЦ ЕС со стороны российских компетентных органов чревато негативными последствиями для эффективного функционирования системы обеспечения безопасности России, поскольку неизученный противник представляет из себя серьёзную угрозу в противоборстве на внешнеполитической арене в сложных геополитических условиях.

Ключевые слова: Разведывательный и ситуационный центр ЕС, Европейский союз, общая внешняя политика и политика безопасности Евросоюза, национальные разведки государств-членов ЕС и НАТО, система предупреждения о гибридных угрозах

Проведение вооружёнными силами Российской Федерации специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, защите населения Луганской и Донецкой народных республик, введение в этой связи Соединёнными Штатами Америки и их союзниками и партнёрами новых жёстких антироссийских санкций свело к минимуму, а в ряде случаев (например, Чехия, Греция) – к нулевому уровню политических, экономических и гуманитарных связей с Россией со стороны стран коллективного Запада, прежде всего, стран-членов НАТО и ЕС¹. В теории разведки свертывание контактов с разведываемой страной, в частности сокращение персонала дипломатических и консульских миссий, прекращение деятельности различных внешних неправительственных (НПО) и коммерческих организаций, отказ от программ по научному, культурному и студенческому обмену неизбежно ведёт к существенной потере возможностей для осуществления разведывательной деятельности в её традиционных формах, прежде всего, в форме агентурной разведки на территории разведываемого государства. Таким образом, в практике разведки сокращаются прикрытия для кадровых сотрудников и агентов специальных служб.

Разведка, являясь по своей природе исключительно динамичным родом деятельности, всегда чутко реагирует на изменение внешнеполитической среды, меняя тактику и перераспределяя соответственно специальные силы и средства². Следовательно, сужение одних разведывательных возможностей порождает необходимость расширения других, на которых концентрируются разведывательные усилия. Как показывает анализ зарубежных источников, особенно стремительно в складывающихся условиях возрастает роль технической разведки, в частности радиоэлектронной, телекоммуникационной и геопространственной, включая воздушную и космическую, позволяющих, не пересекая физически границ разведываемого государства, добывать ценную, в том числе защищаемую информацию³. Использование новейших технологий в национальных и наднациональных средствах массовой информации (радиовещание, спутниковое телевидение, глобальная информационно-коммуникационная сеть Интернет) многократно повышает возможности деструктивного разведывательного воздействия, направленного на расшатывание конституционного строя разведываемого государства по сценарию «цветных революций», а также прямого материального подрыва путём кибератак на служебные

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. Об утверждении Перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия. URL: <http://static.government.ru/media/files/wj1HD7RqdPSxAmDlaisyG-2zugWdz8Vc1.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).

² Здесь и далее под термином «разведка» понимается как разведывательная деятельность, так и организации, осуществляющие разведывательную деятельность.

³ См., например, Signals intelligence (SIGINT): What it is and why you should care. URL: <https://prepperdavesonline.com/2022/01/09/signals-intelligence-sigint-what-it-is-and-why-you-should-care>. Prepper Daves Online. (accessed 01.08.2023).

ИТ-коммуникации органов государственного управления и объекты критической инфраструктуры. «Именно США и их союзники применяют ИКТ (информационно-коммуникационные технологии, *прим. авторов*) в наступательных целях. Признаются в том, что создали “ИТ-армию Украины” для атак на российскую инфраструктуру», – заявил в ООН заместитель министра иностранных дел Российской Федерации О.В. Сыромолотов⁴.

Одновременно мировые разведывательные центры, в первую очередь в лице ведущих разведсообществ США и Великобритании, стремятся расширить свои разведывательные позиции путём включения в орбиту своих действий потенциалов разведывательных организаций третьих стран, в том числе имевших ранее статус неприсоединившихся, как это происходит сейчас с подавшими заявку на вступление в НАТО Швецией, а также с Финляндией, имеющей протяжённую, более 1 200 км., границу с Российской Федерацией.

В связи с расширением субъектов разведывательной деятельности, направленной на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации, перед российскими органами безопасности отчётливо встаёт задача более тщательного изучения реальных разведывательных потенциалов таких субъектов и определения их роли и места в консолидированной деятельности западного разведсообщества. Ещё в Древнем Китае считалось, что «нет беды тяжелее, чем недооценивать противника» (Лао-цзы, VI — V вв. до н.э) (Лао-цзы 1972).

К таким субъектам, в частности, следует отнести Разведывательный и ситуационный центр ЕС (англ. EU Intelligence and Situational Centre, сокр. EU INTCEN; далее – РСЦ ЕС), который в российском научно-популярном обороте иногда, видимо, по аналогии с наднациональной системой разведки «Эшелон», именуют «объединённой разведкой Евросоюза»⁵. Периодически вопрос о статусе Разведывательного и ситуационного центра ЕС затрагивается отдельными российскими авторами, но такие публикации являются немногочисленными и содержат, как правило, противоречивые оценки. Некоторые авторы, например, Л.О. Бабынина, Ю.А. Борко (Бабынина, Борко 2015), З.К. Авдеева, П.Ю. Барышников (Авдеева, Барышников 2017), А.А. Варфоломеев, О.П. Иванов и др. (Варфоломеев, Иванов и др. 2020), утверждают, что РСЦ ЕС является разветвлённой организацией и выступает основным органом внешней разведки Евросоюза, которая объединяет все спецслужбы стран ЕС. М.В. Стрежнева, Д.Э. Руденкова

⁴ См., например, Интервью заместителя министра иностранных дел Российской Федерации О.В. Сыромолотова для МИА «Россия сегодня» от 03.08.2022 г. *Официальный сайт Министерства иностранных дел России*. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1824845/ (дата обращения: 01.08.2023).

⁵ «Эшелон» (англ. ECHELON) также «Пять глаз» (англ. Five Eyes) – созданная после Второй мировой войны Соединёнными Штатами Америки, Канадой, Великобританией, Австралией и Новой Зеландией глобальная система радиоэлектронной разведки, контролирующая потоки информации, циркулирующие в трансокеанических подводных кабельных сетях. EUR-Lex. Document 51998IP0803. *Resolution on transatlantic relations/ECHELON system*. Official Journal C 313, 12/10/1998 P. 0098.

(Стрежнева, Руденкова 2016) дополняют эту формулировку тем, что подчёркивают осуществление РСЦ ЕС информационной функции в русле координации деятельности ситуационных центров в государствах-членах ЕС и в некоторых третьих странах. О.Н. Новикова (Новикова 2021) и А.А. Ломова (Ломова 2017) акцентируют внимание на деятельность РСЦ ЕС на уровне наднационального европейского сотрудничества по прогнозированию террористических угроз и разработке политики в области борьбы с терроризмом, сбору и обмену разведывательными данными среди национальных полицейских сил, в том числе об организованной преступности в европейских городах.

А.П. Бинев⁶ считает, что главная обязанность РСЦ ЕС лежит в области контрразведки с оперативным использованием разведвозможностей национальных спецслужб стран ЕС. А.В. Кондратьев (Кондратьев 2009), касаясь проблемы создания единой системы разведки Евросоюза, только вскользь упоминает о существовании РСЦ ЕС. В целом представленные к настоящему времени в сегменте публикаций на русском языке немногочисленные материалы по данной теме в основном в формате статей в периодических изданиях (более объёмные научно-исследовательские труды формата монографических и диссертационных работ затрагивают РСЦ ЕС только фрагментарно) содержат большей частью устаревшие сведения, а также неточности и ошибки. Отсутствие интереса к проблеме со стороны российского профессионального научного сообщества и, следовательно, отсутствие научной полемики или дискуссии, в определённой мере можно объяснить весьма узкой эмпирической базой, необходимой для серьёзного исследования.

Недостаточное и неточное исследовательское освещение данной проблематики, с одной стороны, и повышение её значимости в свете указанных выше военно-политических событий, с другой стороны, обусловили обращение к тематике с целью восполнения существующих пробелов в знании и внесения некоторой определённости в понимание феномена объединённого разведывательного органа Евросоюза.

Целью разработки темы представляется получение ответов на вопросы о реальности существования объединённого разведывательного органа ЕС, его генезисе, правовом статусе и предназначении, месте и роли в иностранных разведывательных сообществах, о степени вовлечённости в разведывательную и иную деятельность, направленную на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации.

В ходе изучения научной и публицистической литературы, представленной в российском научном обороте, поиска актуальных источников, в том числе, нормативно-правовых и распорядительных документов на иностранных язы-

⁶ Бинев А.П. 2018. Умная школа. Против кого будут работать европейские разведчики. *Канал 360*. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/umnaja-shkola-protiv-kogo-budut-rabotat-evropejskie-razvedchiki/> (дата обращения: 01.08.2023).

ках, не вводившихся ранее в российский научный оборот, авторы попытались обобщить изученный информационный пласт, сформулировать выводы и в практической плоскости дать некоторые рекомендации компетентным органам безопасности.

В соответствии с Договором «О внесении изменений в Договор о Европейском союзе и в Договор об учреждении Европейского сообщества», известным как Лиссабонский договор, компетенции, которые были не отнесены к Евросоюзу, остались за государствами-участниками, в том числе поддержание правопорядка и обеспечение национальной безопасности. Это означает, что ведение разведки, являющейся элементом системы обеспечения национальной безопасности, в буквальном смысле также относится к исключительной прерогативе стран-участников Европейского союза⁷. В этой связи не приходится говорить о РСЦ ЕС как о какой-либо объединённой или транснациональной европейской разведке, а тем более – о контрразведке. Следовательно, нельзя согласиться с теми авторами, которые придерживаются этого мнения (Авдеева, Барышников, Варфоломеев, Иванов, Бинев и др.). Не является корректным также утверждение, что РСЦ ЕС выступает наднациональным европейским центром по прогнозированию террористических угроз и разработке политики в области борьбы с терроризмом. Верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности Ж. Боррель⁸ в феврале 2022 г. в ответе Европейской комиссии относительно РСЦ ЕС заявил: «Обнаружение террористических атак является компетенцией и ответственностью соответствующих национальных служб разведки и безопасности государств-членов ЕС; EU INTCEN не имеет мандата в этом отношении»⁹.

Именуемая официально Разведывательным и ситуационным центром ЕС организация, в реальности представляет собой гражданскую службу в структуре Европейской службы внешних действий (англ. The European External Action Service)¹⁰. По своему актуальному статусу РСЦ ЕС занимается анализом и оценкой информации о внешних угрозах, формируемых глобальными и региональными проблемами безопасности, и информированием о них лиц, принимаю-

⁷ *Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community*. Signed at Lisbon, 13 December 2007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (accessed 01.08.2023).

⁸ Боррель-и-Фонтельес Жозеп (Josep Borrell i Fontelles, 1947) – испанский политический деятель, в 2004–2007 гг. председатель Европейского парламента, с декабря 2019 г. – Верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности / вице-президент Еврокомиссии, лично курирует деятельность РСЦ ЕС.

⁹ Answer given by High Representative / Vice-President Borrell on behalf of the European Commission 14.02.2022. *Insight EU Monitoring*. URL: https://portal.ieu-monitoring.com/editorial/assessment-of-sitcen-and-rapid-detection-of-potential-terrorist-attacks-eu-commission-answer?utm_source=ieu&utm_medium=web&utm_campaign=portal (accessed 01.08.2023).

¹⁰ В различных источниках эта структура упоминается под разными названиями: Европейская служба действий, Европейская служба внешних связей, Европейская дипломатическая служба и др. Нам представляется наиболее правильным вариант перевода с английского языка на русский – Европейская служба внешних действий.

щих решения в высших инстанциях Евросоюза (Nomikos 2005). Выпускаемые РСЦ ЕС аналитические продукты основываются большей частью на информации, инициативно и добровольно предоставляемой специальными службами государств-членов ЕС, в то время как оперативный уровень разведки остаётся, как мы отмечали выше, их исключительной прерогативой. РСЦ ЕС не имеет полномочий или специальных средств для ведения собственной разведывательной деятельности в её традиционном понимании.

Создание РСЦ ЕС – результат решения Кёльнского саммита Совета Евросоюза, состоявшегося в июне 1999 г., который провозгласил переход к практической реализации общей Европейской политики безопасности и обороны (англ. European security and defence policy, сокр. ESDP), декларированной ещё в 1993 г. в Маастрихтском «Договоре о Европейском союзе». В этом контексте и предусматривалось создание соответствующей инфраструктуры. В принятой на саммите Декларации было отражено, в частности, что «Евросоюз должен обладать потенциалом для осуществления автономных действий при поддержке боеспособных вооружённых сил, средствами принятия решений по их применению и готовностью их применять для реагирования на международные кризисы»¹¹.

Практическое выполнение этой задачи было в декабре 1999 г. вынесено на обсуждение очередного саммита Совета Евросоюза в Хельсинки, в ходе которого была сформулирована т.н. «головная цель» – создание европейских сил быстрого реагирования, обладающих потенциалом для размещения в течение 60 дней в кризисном регионе мира и поддержанию на протяжении одного года военных сил численностью до 60 000 чел.¹².

По экспертным оценкам, развертывание в рамках реализации «Головной цели» гражданских и военных миссий ЕС в нестабильных регионах мира, в том числе в составе международных сил по урегулированию конфликта в Косово КФОР (англ. Kosovo Force, англ. сокр. KFOR), а также события 11 сентября 2001 г. в США, и в целом растущие угрозы международного терроризма ещё раз отчётливо показали руководству Евросоюза потребность в создании собственной организационной структуры, которая могла бы, не полагаясь целиком на информацию разведсообщества США (Nomikos 2005: 202) обеспечить, лиц, принимающих решения в Евросоюзе, аналитическими разведывательными материалами для выработки общей политики и принятия стратегических решений.

В этой связи в 2001 г. в составе Генерального секретариата Совета Евросоюза был образован Ситуационный центр ЕС (англ. EU Situation Centre, сокр. EU SITCEN), имевший свою предысторию в качестве структуры, занимавшей-

¹¹ *European Council Declaration on Strengthening the Common European Policy on Security and Defence*. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2003/6/6/ee393bf3-d96f-46b8-8897-15546a0e1c0d/publishable_en.pdf (accessed 01.08.2023).

¹² Helsinki European Council 10 and 11 December 1999. Presidency conclusions. *European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/summits/hel1_en.htm (accessed 01.08.2023).

ся анализом исключительно открытых источников в составе Западноевропейского союза – предшественника Европейского союза. При этом в некоторых зарубежных источниках утверждается, что создание Ситуационного центра ЕС произошло не по документально оформленному решению Совета Евросоюза, а по воле генерального секретаря Совета Евросоюза Хавьера Соланы, лично курировавшего эту структуру. В том же 2002 г. к штату Ситуационного центра ЕС были прикомандированы представители разведок семи государств-членов ЕС: Великобритании, Германии, Франции, Италии, Нидерландов, Испании и Швеции, а в 2005 г. – группа специалистов по антитеррору из национальных специальных служб.

В 2007 г. Ситуационный центр ЕС установил по горизонтали отношения сотрудничества с Управлением разведки Военного штаба ЕС (англ. European Union Military Staff Intelligence Directorate, сокр. INT EUMS), отвечающим за систему раннего предупреждения о военной опасности и планирование кризисного реагирования. Сотрудничество между Ситуационным центром ЕС и Управлением разведки было оформлено соглашением, известным под названием «Единый разведывательный аналитический потенциал» (англ. Single Intelligence Analysis Capacity, сокр. SIAC), предусматривающим объединение аналитических возможностей гражданской (Ситуационный центр ЕС) и военной (Управление разведки Военного штаба ЕС) разведок для совместной оценки разведывательной информации из всех возможных источников. Таким образом, аналитическая разведывательная информация, подготавливаемая для верховного руководства Евросоюза, постепенно трансформировалась в совместный продукт в рамках «Единого разведывательного аналитического потенциала».

С вступлением в силу в декабре 2009 г. Лиссабонского договора «О внесении изменений в Договор о Европейском союзе и в Договор об учреждении Европейского сообщества» ранее именовавшаяся Европейской политикой безопасности и обороны стратегия стала официально называться Общей внешней политикой и политикой безопасности (англ. Common Foreign and Security Policy, сокр. CFSP), а в 2010 г. РСЦ ЕС (в то время – Ситуационный центр ЕС) был на этот раз официально включён во вновь созданную структуру Европейской службы внешних действий (англ. European External Action Service, англ. EEAS)¹³ с прямым подчинением всё тому же Хавьеру Солане, назначенному на должность вице-президента Европейской комиссии / верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности.

¹³ Council decision of 26 July 2010 № 2010/427/EU on establishing the organization and functioning of the European External Action Service (рус. Решение Совета от 26 июля 2010 года № 2010/427/EU об учреждении структуры и функций Европейской службы внешних действий). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32010D0427&from=EN> (accessed 01.08.2023).

В 2012 г. Ситуационный центр ЕС был переименован в Центр анализа разведки Европейского союза (англ. European Union Intelligence Analysis Centre, англ. сокр. EU INTSEN), а в 2015 г. получил своё современное название.

Как следует из публичного заявления РСЦ ЕС, его предназначением является предоставление разведывательных аналитических материалов, ранних предупреждений о потенциальных угрозах и оценок текущей ситуации президенту Европейского совета, президенту Европейской комиссии, верховному представителю ЕС по внешней политике и политике безопасности, в Европейскую службу внешних действий (англ. European External Action Service, сокр. англ. EEAS), а также в другие специализированные структуры ЕС по внешней политике и политике безопасности¹⁴. К последним, в частности, относятся: Военный комитет Европейского союза (англ. European Union Military Committee, англ. сокр. EUMC), Военный штаб Европейского союза (англ. European Union Military Staff, англ. сокр. EUMS), Институт по изучению вопросов безопасности ЕС (англ. European Union Institute for Security Studies, англ. сокр. EUISS), Спутниковый центр Европейского союза (англ. European Union Satellite Centre, англ. сокр. SatCen)¹⁵, полицейская организация ЕС Европол (англ. Europol) и Служба пограничная и береговой охраны ЕС Фронтекс (англ. Frontex). Информационные материалы направляются также соответствующим разведывательным и специальным службам государств-участников ЕС (Müller-Wille 2004).

РСЦ ЕС подготавливает свои аналитические материалы на основе информации как из закрытых, так и открытых источников. В качестве последних выступают массмедиа, сайты и блоги в информационно-коммуникационной сети Интернет, доклады дипломатических миссий ЕС из 136 государств мира, отчёты гражданских и военных миссий ЕС за рубежом, материалы Спутникового центра ЕС, информация международных и национальных неправительственных организаций. РСЦ ЕС является также единым центром Евросоюза, в который поступает секретная информация, представляемая инициативно и добровольно национальными специальными службами государств-членов ЕС. Последнее означает, что какая-либо унифицированная форма предоставляемой информации в виде опросника или обязательных критериев официально не установлена.

Выпускаемые РСЦ ЕС аналитические материалы имеют различные форматы. В частности, с разной периодичностью выпускаются: стратегические оценки на долгосрочную перспективу, специальные сообщения о каких-либо кризисных явлениях или событиях, тематические выпуски по конкретным актуальным проблемам, разведывательные сводки по текущим важным событиям с кратким

¹⁴ Fact Sheet 05/02/2015. EU INTSEN. URL: <https://statewatch.org/media/documents/news/2016/may/eu-intcen-factsheet.pdf> (accessed 01.08.2023).

¹⁵ Спутниковый центр ЕС осуществляет геопространственную разведку с использованием изображений поверхности земли, фиксируемых из космоса. Штаб-квартира находится в окрестностях Мадрида, Испания.

анализом, оценки рисков для безопасности персонала миссий ЕС в различных странах. Как правило, материалам присваивается одна из принятых в документообороте ЕС категория секретности: «для ограниченного пользования», «конфиденциально» или «секретно», реже «совершенно секретно». Среднее количество выпускаемых документов по некоторым данным – около 150 в год¹⁶.

РСЦ ЕС не является единственной платформой по анализу и обмену разведывательной информацией в рамках Евросоюза и Западной Европы в целом (Walsh 2006). К таким платформам можно отнести, например, не являющуюся предметом настоящей публикации Разведывательную коллегия Европы (англ. Intelligence College of Europe, англ. сокр. ICE)¹⁷ или Бернский клуб (фр. Club de Berne)¹⁸, но в отличие от них РСЦ ЕС имеет организационную структуру, штаб-квартиру, постоянный штат сотрудников, иерархическую подчиненность и прямое финансирование со стороны Европейской службы внешних действий.

В иерархической структуре Европейской службы внешних действий РСЦ ЕС занимает место в ряду немногих подразделений, которые прямо подчинены нынешнему главе ведомства – Верховному представителю ЕС по внешней политике и политике безопасности Ж. Боррелю (рис.1). В нынешнем состоянии РСЦ ЕС имеет в своём составе два подразделения: INTCEN.1 – подразделение разведывательного анализа и информирования и INTCEN.2 – подразделение исследований открытых источников. В свою очередь INTCEN.1 также имеет два направления, разделённых по предмету анализа: региональное и проблемное. Региональное направление имеет предметом анализа среду безопасности в непосредственном окружении Евросоюза и различные регионы мира с нестабильной военно-политической обстановкой. Проблемное направление – угрозы международной и национальной безопасности.

Штат РСЦ ЕС насчитывает в настоящее время по данным из разных источников около 70-80 чел. – 55-60 сотрудников в INTCEN. 1 и 15-20 в INTCEN. 2 (для сравнения: штат Европола насчитывает порядка 630 сотрудников, из которых 120 командированы государствами-членами ЕС). Вместе с тем численность штата Разведывательного и ситуационного центра ЕС за последнее десятилетие увеличилась более чем в 4-5 раз (в 2010 г. сообщалось о численности в полтора десятка сотрудников).

¹⁶ См., например, *Secrecy reigns at the EU's Intelligence Analysis Centre*. URL: <https://www.statewatch.org/media/documents/analyses/no-223-eu-intcen.pdf> (accessed 01.08.2023).

¹⁷ Разведывательная коллегия Европы – проект, учреждённый в марте 2019 г. государствами-членами ЕС, Великобританией и Норвегией, предусматривающий проведение три раза в год конференций и семинаров с участием сотрудников спецслужб, правительственных чиновников, политиков, экспертов и учёных. *The Intelligence College in Europe*. URL: <https://www.intelligence-college-europe.org/> (accessed 01.08.2023).

¹⁸ Бернский клуб – существующий с 1971 г. неофициальный форум сотрудников спецслужб ныне 27 государств-членов ЕС, Норвегии и Швейцарии. Форум не имеет секретариата и не принимает никаких решений, обязательных для исполнения спецслужбами входящих в него государств.

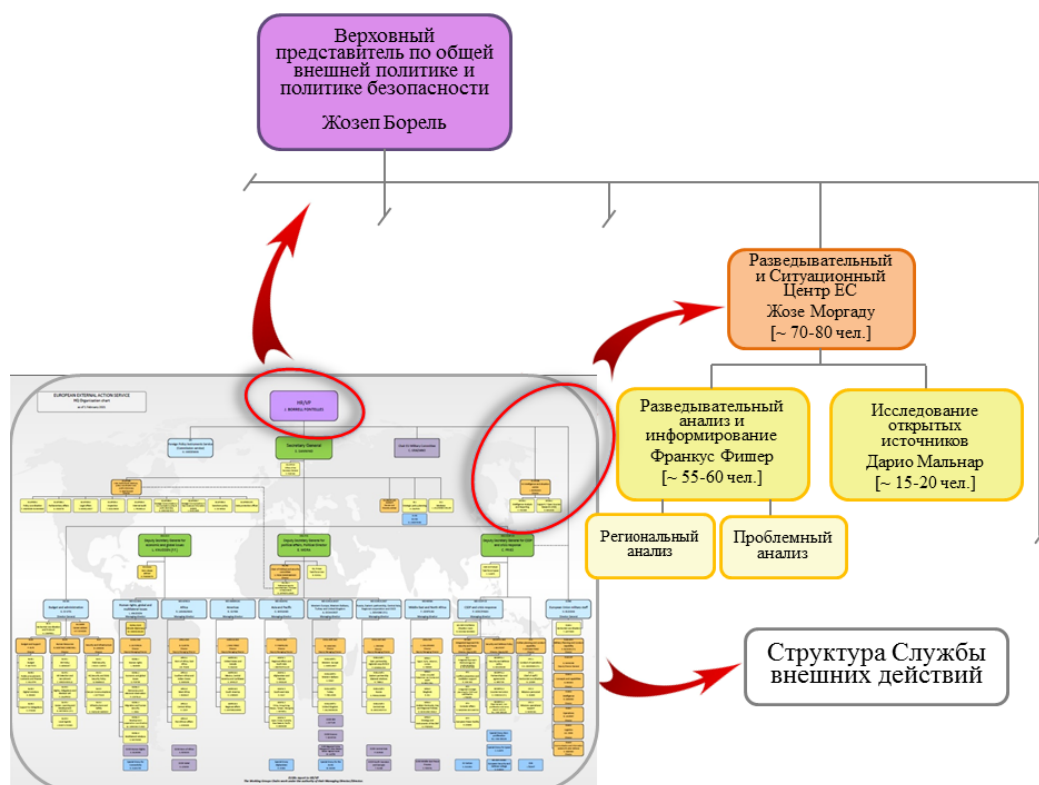

Рис. 1. Структура РСЦ ЕС в составе Службы внешних действий ЕС по состоянию на 1 февраля 2021 г.¹⁹

Fig. 1. The structure of the EU Intelligence and Situational Centre as a part of the The European External Action Service as of February 1, 2021.

В своё время РСЦ ЕС, функционировавший под разными наименованиями, поочерёдно возглавляли высокопоставленные представители национальных специальных служб: Великобритании – Уильям Шапкотт (2002–2010), Финляндии – Илкка Салми (2011–2015), Германии – Герхард Конрад (2015–2019), Португалии – Жозе Моргаду (2019 – н/вр).

До текущего момента у государств-членов ЕС не было единого мнения относительно создания на основе РСЦ ЕС полноценной наднациональной разведки и наделения её правом оперативной деятельности. Определённым препятствием этому являлась позиция некоторых государств-членов ЕС, выступающих против такой идеи. Формальным аргументом этих стран, имеющих развёрну-

¹⁹ Инфографика составлена авторами на основе, в том числе, изображений, заимствованных из открытых источников.

тый собственный разведывательный потенциал, например, Германия, является дефицит оперативной совместимости национальных разведок в силу различий в уровне профессиональной подготовки сотрудников, неформальным – нежелание делиться имеющимися разведывательными позициями, не в последнюю очередь прямыми двусторонними связями, установленными с разведсообществом США. В Великобритании, которая уже не является членом ЕС, но входит в учрежденную недавно Разведывательную коллегию Европы, бытует поговорка: «есть дружественные страны, но нет дружественных разведок». За создание объединённой европейской разведки выступают государства-члены Евросоюза, не имеющие собственных ресурсов для содержания полноформатных национальных разведывательных служб, например, Румыния.

Тем не менее определённый шаг в направлении изменения статуса РСЦ ЕС в плане объединения усилий и координации деятельности национальных разведок уже сделан. Так, в декабре 2020 г. Советом Евросоюза была принята «Стратегия ЕС по кибербезопасности на предстоящее цифровое десятилетие», в которой прямо предусматривалось создание в структуре РСЦ ЕС с участием государств-членов рабочей группы по киберразведке: «Верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности будет способствовать созданию и функционированию в Разведывательном и ситуационном центре ЕС **рабочей группы по кибернетической разведке с представительством государств-участников ЕС** (выделено в тексте оригинала, *прим. авторов*), для стратегического развития сотрудничества в разведывательной деятельности в отношении угроз и иных действий в киберпространстве. Такая деятельность в дальнейшем будет поддерживать ситуационную оценку и принятие решений Евросоюзом по согласованному внешнему реагированию»²⁰. Исполнение указанных функций возложено на структурное подразделение РСЦ ЕС – Группу по анализу гибридных угроз (англ. EU Hybrid Fusion Cell), созданную ранее (Синдеев 2016) по рекомендации Варшавского саммита НАТО в 2016 г., на котором целью такого органа называлось раннее обнаружение гибридных угроз и обмен информацией с аналогичным подразделением НАТО²¹.

Данное подразделение и отделение анализа гибридных угроз НАТО (англ. NATO Hybrid Analysis Branch) находятся в постоянном контакте и поддерживают тесные связи на рабочем уровне, обмениваясь информацией и ситуационными оценками по обстановке в регионах, представляющими интерес для

²⁰ The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade (рус. Стратегия ЕС по кибербезопасности на предстоящее цифровое десятилетие). URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-> (accessed 01.08.2023).

²¹ Joint communication to the European parliament and the Council on countering hybrid threats (рус. Совместное обращение к Европейскому парламенту и Совету по вопросу противодействия гибридным угрозам). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0018&from=EN> (accessed 01.08.2023).

структур «Единого разведывательного аналитического потенциала ЕС» и Объединённого отдела разведки и безопасности НАТО (англ. NATO's Joint Intelligence and Security Division)²².

Исходя из изложенного, и принимая в расчёт допустимый формат публикации, можно сделать краткий вывод о том, что в рамках осуществления общей внешней политики и политики безопасности ЕС в структуре Службы внешних действий реально существует орган, официально именуемый «Разведывательный и ситуационный центр ЕС». Несмотря на название, РСЦ ЕС не является разведывательной службой в традиционном её понимании, поскольку по своему актуальному статусу не наделён полномочиями в области оперативной деятельности и не имеет специальных средств и возможностей по её осуществлению. Наиболее подходящим определением формата РСЦ ЕС является широко применяемый в международной практике термин «think tank», в буквальном переводе с английского – «резервуар мыслей», понимаемый как «исследовательский центр», «аналитический центр», «экспертно-аналитический центр» и т.п. Таких центров в различных странах мира на современном этапе насчитывается не один десяток. В ряде случаев ключевыми темами их исследований становятся вопросы внешней политики и национальной безопасности. В России примером такого центра может служить Центр стратегических разработок (ЦСР), готовящий аналитические материалы для администрации Президента Российской Федерации.

Тем не менее в случае с РСЦ ЕС это скорее гибридный вариант сочетания формата «think tank», имеющимся в составе любой специальной службы, поскольку он использует, в том числе, закрытую разведывательную информацию и выпускает материалы с той или иной степенью секретности.

Делать однозначный вывод о перспективе общей (объединённой) разведки ЕС пока рано. В свете событий на Украине в Европарламенте вновь инициируется вопрос об улучшении обмена разведывательной информацией между государствами-участниками и введении системы автоматического и непрерывного потока разведывательной информации в ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности, а также укрепления РСЦ ЕС путём расширения его ресурсов и возможностей²³.

²² *Third progress report on the implementation of the common set of proposals endorsed by EU and NATO Councils on 6 December 2016 and 5 December 2017*. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_06/20180608_180608-3rd-Joint-progress-report-EU-NATO-eng.pdf (accessed 01.08.2023).

²³ *Draft report on a European Parliament recommendation to the Council and the Vice-President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy ... after the Russian invasion of Ukraine 2022/2039INI. European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/AFET-PR-730096_EN.pdf (accessed 01.08.2023).

Нельзя сбрасывать со счетов вероятность того, что в условиях беспрецедентного давления на Россию и свертывания политических и экономических контактов, традиционно используемых как прикрытие для разведывательной деятельности, США и их союзники по НАТО в поисках новых разведывательных позиций могут обратить внимание на использование РСЦ ЕС в качестве элемента упоминавшейся выше глобальной системы киберразведки «Эшелон» или «Пять глаз», с включением в него разведывательного потенциала национальных разведок не только государств-членов НАТО, но и всех членов Евросоюза, в том числе разведок Швеции и Финляндии (имеющей с Российской Федерацией протяжённую государственную границу), подавших заявки на вступление в Североатлантический альянс. Или сами страны-члены ЕС, посчитав, что угроза Евросоюзу, якобы исходящая от России, достигла критических масштабов, решат отказаться от принципа национального суверенитета в области безопасности и обороны, наделят РСЦ ЕС функциями наднациональной или транснациональной европейской разведки с правом, специальными силами и средствами ведения полномасштабной оперативной деятельности²⁴.

В этом случае мы рискуем получить нового, неизученного противника – консолидированную наднациональную разведывательную службу Европейского союза, вероятно с участием США и Великобритании, в лице Разведывательного и ситуационного центра ЕС.

Об авторах:

Алексей Иванович Пожаров – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доцент. 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1. E-mail: pozharov_ai@mail.ru.

Сергей Александрович Карюкин – эксперт Научно-исследовательского Института проблем безопасности СНГ (НИИПБ СНГ). 129090, Россия, Москва, Проспект Мира, д. 22.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

²⁴ Лисицына М. Боррель заявил о необходимости создания вооруженных сил ЕС. *RBC*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2022/628acc169a794796d0493acb> (дата обращения: 01.08.2023).

UDC 327.84:061.1EU

Received: December 04, 2022

Accepted: July 18, 2023

Institutional Study of the European Union Intelligence and Situation Centre (EU INTCEN)

A.I. Pozharov¹, S.A. Karyukin²[DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-91-106](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-91-106)¹ Moscow State Linguistic University² Institute of Security Problems of the CIS

Abstract: This article delves into the intricate domain of the European Union's intelligence apparatus, notably, the European Union Intelligence and Situation Centre (EU INTCEN). Employing a historiographical analysis of both domestic and international literature, the authors synthesize insights from Russian and foreign scholars concerning the genesis of intelligence operations in a unified Europe, focusing on their structural attributes. Furthermore, this study seeks to evaluate the contemporary state and potential directions of the EU's intelligence activities, considering both their functional and institutional dimensions.

Keywords: EU Intelligence and Situational Centre, European Union, common Foreign and security policy of the European Union, national intelligence of EU and NATO member states, hybrid threat warning system

About the authors:

Alexey I. Pozharov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign Regional Studies at the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences of the Moscow State Linguistic University, Associate Professor. Russia, Moscow, Ostozhenka str., 38, p. 1. E-mail: pozharov_ai@mail.ru

Sergey A. Karyukin – Expert, Institute of Security Problems of the CIS. 129090, Russia, Moscow, Prospekt Mira, 22.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- van Buuren J. 2009. *Secret Truth. The EU Joint Situation Centre*. Amsterdam: Eurowatch.
- Cross M.K.D. 2013. A European Transgovernmental Intelligence Network and the Role of IntCen. *European Politics and Society*. №14. P. 388-402. DOI: 10.1080/15705854.2013.817805.
- Nomikos J.M. European Union Intelligence Service for Confronting Terrorism. *International Journal of Intelligence and Counterintelligence*. 18(2). P. 191-203. DOI: 10.1080/08850600590911936
- Müller-Wille B. 2004. For your eyes only? Shaping an intelligence community within the EU. *Occasional Papers*. №50. Paris: ISS

Oberson F. 1998. Intelligence cooperation in Europe: the WEU Intelligence Section and Situation Centre. A. Politi (ed). *Towards a European intelligence policy*. Paris: ISS.

Walsh J.I. 2006. Intelligence-Sharing in the European Union: Institutions Are Not Enough. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 44(3). P. 625-643. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2006.00638.x

Avdeeva Z.K., Baryshnikov P.Yu. et al. 2017. *Sociogumanitarnye aspekty situacionnykh centrov razvitiya* [Socio-humanitarian Aspects of Situational Development Centers]. Pod red. V.E. Lepskogo, A.N. Rajkova. Moscow: Kogito-Centr. 416 p. (In Russian)

Babynina L.O., Borko YU.A. et al. 2015. *Evropejskij soyuz v poiske global'noj roli: politika, ekonomika, bezopasnost'* [The European Union in Search of a Global Role: Politics, Economy, Security]. Monografiya pod obshch. red. A.I.A. Gromyko, M.G. Nosova. Moscow: Ves' Mir. 592 p. (In Russian)

Kondrat'ev A.V. 2009. Sozdanie edinoj sistemy razvedki Evropejskogo soyuza [Creation of a Unified Intelligence System of the European Union]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. №8. P. 15-19. (In Russian)

Lao-tzu. 1972. *Kniga o puti i dostoinstve* [The Book about the Path and Dignity]. (V perevode s kitajskogo YAn Hin-shuna). «Drevnekitajskaya filosofiya». Moscow: Mysl'. (In Russian)

Lomova A.A. 2017. Fenomen gumanitarnoj bezopasnosti v politike Evropejskogo soyuza [The Phenomenon of Humanitarian Security in the Policy of the European Union]. *Politika i obshchestvo*. №12. P. 35-45. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.12.25032 (In Russian)

Novikova O.N. 2021. Protivodejstvie terrorizmu v Evrope i SSHA: problemy i resheniya [Countering Terrorism in Europe and the USA: Problems and Solutions]. *Aktual'nye problemy Evropy*. Moscow: INION RAN. 4(112). P. 2-27. DOI: 10.31249/ape/2021.04.01 (In Russian)

Popov A.S. 2020. *Istoriya deyatel'nosti gosudarstvennykh uchrezhdenij Francii v oblasti protivodejstviya terrorizmu* [The History of the Activities of French State Institutions in the Field of Counter-Terrorism]. Dis. kand. ist. nauk: 07.00.03. Nizhniy Novgorod. 188 p. (In Russian)

Sindeev A.A. 2016. Obshchaya politika bezopasnosti i oborony ES: podhod Avstrii [The Common Security and Defence Policy of the EU: Austria's Approach]. *Obshchestvo, politika, ekonomika, pravo*. №8. P. 9-13. (In Russian)

Strezhneva M.V., Rudenkova D.E. 2016. Evropejskij soyuz: arhitektura vneshnej politiki [The European Union: The Architecture of Foreign Policy]. Moscow: IMEMO RAN. 135 p. (In Russian)

Varfolomeev A.A., Ivanov O.P., Surma I.V., Trefilova Yu.A. 2020. Rossijskaya sistema vneshneekonomicheskoy ekspertizy [Russian System of Foreign Policy Expertise]. *MGIMO Review of International Relations*. 13(5). P. 266-292. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-266-292 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Авдеева З.К., Барышников П.Ю. и др. 2017. *Социогуманитарные аспекты ситуационных центров развития*. Под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. Москва: Когито-Центр. 416 с.

Бабынина Л.О., Борко Ю.А. и др. 2015. *Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность*. Монография под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. Москва: Вест Мир. 592 с.

Варфоломеев А.А., Иванов О.П., Сурма И.В., Трефилова Ю.А. 2020. Российская система внешнеэкономической экспертизы. *Вестник МГИМО-Университета*. 13(5). С. 266-292. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-266-292

Кондратьев А.В. 2009. Создание единой системы разведки Европейского союза. *За-
рубежное военное обозрение*. №8. С. 15-19.

Лао-цзы. 1972. *Книга о пути и достоинстве*. (В переводе с китайского Ян Хин-шуна).
«Древнекитайская философия». Москва: Мысль.

Ломова А.А. 2017. Феномен гуманитарной безопасности в политике Европейского со-
юза. *Политика и общество*. №12. С. 35-45. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.12.25032

Новикова О.Н. 2021. Противодействие терроризму в Европе и США: проблемы и
решения. *Актуальные проблемы Европы*. Москва: ИНИОН РАН. 4(112). С. 2-27. DOI:
10.31249/ape/2021.04.01

Попов А.С. 2020. *История деятельности государственных учреждений Франции в
области противодействия терроризму*. Дис. канд. ист. наук: 07.00.03. Нижний Новгород.
188 с.

Синдеев А.А. 2016. Общая политика безопасности и обороны ЕС: подход Австрии.
Общество, политика, экономика, право. №8. С. 9-13.

Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. 2016. *Европейский союз: архитектура внешней по-
литики*. Москва: ИМЭМО РАН. 135 с.

Сравнительный анализ влияния глобальных цепочек создания стоимости на национальные экономики

К. С. Гончарова¹, А. Г. Шеломенцев², Н. Н. Масюк²

¹ Институт экономики Уральского отделения РАН

² Владивостокский государственный университет

В статье анализируется взаимосвязь процессов формирования и расширения глобальных цепочек создания стоимости и динамики трансформации национальных экономик. Указанная взаимосвязь рассмотрена в аспекте деятельности зарубежных транснациональных компаний, работающих в сфере химии и фармацевтики, электроники, производства электрического оборудования и автомобильной промышленности. В работе сделан ряд выводов. Во-первых, о наличии в рассматриваемых отраслях общемировой тенденции постепенного сокращения доли отечественных производителей; наиболее ярко данная тенденция проявляется в странах бывшего социалистического блока Центральной и Восточной Европы – Польше, Болгарии, Чехии, Литве, Латвии, Эстонии и Румынии. Ранее в указанных странах отечественные компании производили более 50 % совокупных объемов по видам продукции. Во-вторых, в наибольшей степени удельный вес иностранных компаний в общем объеме произведенной продукции занимает в сфере производства автомобилей. В 33 из 58 анализируемых стран более 50 % производства осуществляется иностранными транснациональными компаниями. В-третьих, значительный вклад в развитие ГЦСС, посредством активной экспансии национальных ТНК, вносят ряд государств Западной Европы, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона – Германия, Италия, Франция, Израиль, США, Китай, Япония, Российская Федерация, Индия, Корея. Международные компании данных стран постепенно выстраивают глобальную социально-экономическую систему. В-четвертых, в последние годы, под влиянием экстраординарных факторов (пандемии COVID-19, торговой войны между Китаем и США, СВО РФ) сформировался новый этап развития глобальных цепочек добавленной стоимости, характеризующийся требованием к существенному переосмыслению стратегий действующих участников глобальных цепочек, продиктованных стремлением сохранения жизнеспособности последних.

Ключевые слова: глобальные цепочки создания стоимости; ГЦСС; устойчивое развитие; национальная экономика; трансформационные процессы; технонационализм; AMNE (the Analytical AMNE database); Парижское соглашение по климату; пандемия Covid-19.

УДК 339.944

Поступила в редакцию: 13.02.2023

Принята к публикации: 20.08.2023

Принято считать, что участие стран в международной торговой кооперации – является залогом их экономического роста, основывающегося на сокращении уровня безработицы и бедности, росте уровня оплаты труда, притоке иностранных инвестиций (ПИИ) и инноваций. Так, согласно мнению экспертов Всемирного банка, долгосрочные экономические перспективы России, во многом связаны именно с уровнем её участия в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС) (The World Bank 2021)¹.

Однако зачастую преимущества, описываемые в документах общественных организаций, носят декларативный характер и не находят своего подтверждения в эмпирических исследованиях ученых. Так приходящие в национальную экономику транснациональные компании – основные организаторы и участники ГЦСС, придерживаются среднего на национальном отраслевом рынке уровня оплаты труда, а свои технологические разработки оставляют в странах базирования, которыми, в основном, являются развитые страны Европы и Северной Америки. В то же время перераспределение средств, осуществляемое в рамках ГЦСС, способствует повышению уровня глобального неравенства, сокращение которого заявлено ООН одной из целей в области устойчивого развития.

Приходя в новые для себя страны, зарубежные компании приносят туда свои парадигмы существования и развития. Данные парадигмы основываются на корпоративной культуре ТНК и часто предусматривают, помимо прочего, видение взаимодействия компании с окружающим миром и пути его преобразования. Таким образом ТНК реализуют в принимающих странах свои модели развития обществ.

Апробируемая в настоящем исследовании гипотеза заключается в следующем: темпы трансформации национальных экономик стран мира в значительной степени определяются динамикой развития глобальных цепочек создания стоимости в процессе активной экономической и социальной деятельности транснациональных корпораций. Соответственно, целью нашего исследования является эмпирическая оценка взаимосвязи развития ГЦСС и динамики трансформации национальных экономик стран мира.

Научная значимость результатов исследования заключается в уточнении теоретических аспектов и аналитическом обосновании взаимосвязи процессов развития глобальных цепочек добавленной стоимости и адаптации к ним национальных экономик.

Исследование проводилось поэтапно. На первом этапе, исходя из результатов контент-анализа научных статей, определены теоретико-методологические подходы к пониманию природы, с одной стороны, явления – глобальные цепочки создания стоимости, с другой – деятельности в национальных экономиках транснациональных корпораций.

¹ *Europe and Central Asia Economic Update*, Spring 2021: Data, Digitalization, and Governance. Washington, DC: World Bank. World Bank. 2021. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35273> (дата обращения: 08.08.2023).

На втором этапе, основываясь на анализе и обобщении исследований отечественных и зарубежных учёных, а также международных организаций, установлен перечень отраслей, в наибольшей степени включенных в ГЦСС. В связи с этим выбраны компании, осуществляющие свою деятельность по следующим видам экономической деятельности: производство автомобилей, прицепов и полуприцепов; электрического оборудования; химическая и фармацевтическая продукция; компьютерная, электронная и оптическая продукция. Согласно докладу, подготовленному экспертами Всемирного банка, указанные виды деятельности являются наиболее активно представленными в ГЦСС. На ТНК, осуществляющих деятельность в указанных отраслях, приходится около 22% мирового производства и около 70% от общего объема торговли².

На третьем этапе, на основе выгруженных с сайта ОЭСР статистических данных были определены (в разрезе каждого выбранного вида экономической деятельности): во-первых, совокупный глобальный объём продукции, произведенной в 58 анализируемых странах; во-вторых, совокупный внутристрановой объём произведённой продукции (в отдельной стране); в-третьих, объёмы продукции и их удельные веса в совокупном внутристрановом объёме, произведённые отечественными компаниями; в-четвертых, объёмы продукции и их удельные веса в совокупном внутристрановом объёме, произведённые иностранными компаниями.

На четвёртом этапе выявлены группы стран: с низкой степенью участия в производстве иностранных компаний (менее 50%) – низкой степенью участия в ГЦСС по всем анализируемым отраслям; с высокой степенью участия в производстве иностранных компаний (более 50%) – высокой степенью участия в ГЦСС по одной или нескольким анализируемым отраслям; с высокой степенью участия в производстве иностранных компаний (более 50%) – высокой степенью участия в ГЦСС по всем анализируемым отраслям.

На пятом этапе осуществлён ретроспективный анализ состояния и развития рассматриваемых отраслей в каждой группе стран.

На шестом этапе на основе результатов проведённого исследования и анализа трансформационных процессов последних лет (пандемии COVID-19, торговая война между Китаем и США, СВО), сделаны выводы о перспективах взаимосвязи и влияния глобальных цепочек создания стоимости на динамику изменений национальных экономик стран мира.

Исследование опирается на данные аналитической базы ОЭСР Activity of Multinational Enterprises (AMNE) «Многонациональные предприятия и глобальные производственно-сбытовые цепочки, 2005–2016 гг».³ В базе проводится раз-

² Qiang C. Z., Liu Y., Paganini M., Steenbergen V. *Foreign direct investment and global value chains in the wake of COVID-19*. 22.05.2020. URL: <https://blogs.worldbank.org/psd/foreign-direct-investment-and-global-value-chains-wake-covid-19> (дата обращения: 15.04.2021).

³ *The Analytical AMNE database – Multinational enterprises and global value chains*. URL: <https://www.oecd.org/sti/ind/analytical-AMNE-database.htm#database> (дата обращения: 16.04.2021).

личие между тремя типами фирм: иностранные филиалы (фирмы с иностранным участием не менее 50%), отечественные многонациональные предприятия (отечественные фирмы с иностранными филиалами) и отечественные фирмы, не участвующие в международных инвестициях, и содержатся данные по 36-ти странам – членам ОЭСР (в базе не содержатся данные по Республике Колумбия, ставшей 37-м членом организации в 2020 г.) и 22-м странам, не входящим в организацию (Аргентина, Бразилия, Болгария, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Хорватия, Кипр, Индия, Индонезия, Малайзия, Мальта, Марокко, Филиппины, Румыния, Российская Федерация, Саудовская Аравия, Сингапур, Южная Африка, Тайвань, Таиланд, Вьетнам). Набор данных охватывает 34 отрасли по международной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности (ISIC Rev. 4). Кроме того, для анализа использовались данные межстрановых таблиц «затраты-выпуск» (ICIO), где блочная диагональ матрицы указывает на выпуск товара или услуги отечественной фирмой, в то время как недиагональные элементы соответствуют выпуску фирм, принадлежащих иностранным владельцам (где исходной страной является страна в столбце таблицы).

Генеалогия «глобальных цепочек создания стоимости»

Теоретико-методологической основой концепции глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) традиционно считаются разработанные на рубеже XVIII–XIX веков теории абсолютных (А. Смит) и сравнительных (Д. Рикардо) преимуществ (Kaplinsky 2013, Гудкова 2020). Как отмечается в исследовании Всемирного банка, ключевая особенность парадигмы ГЦСС заключается в «разнообразии её интеллектуальных истоков» (World Bank Report)⁴. К настоящему времени сложились три основных подхода к исследованию ГЦСС.

Во-первых, производственный подход, основанный на мир-системной теории, исследует вопросы социальной макроэволюции общественного развития. Значительный вклад в данную теорию внёс И. Валлерстайн (Валлерстайн 2001; Sturgeon 2008: 5). Как отмечают ряд исследователей (Кукушкина 2016, Писарева 2018), термин «глобальные товарные цепочки» (global commodity chains) был впервые использован И. Валлерстайном и Т. Хопкинсом.

В 1980-х гг. концепция «глобальных товарных цепочек» трансформировалась в теорию «цепочек создания стоимости» (value-added chain). Первыми новый термин ввели Ф. Глюк и Р. Буэрон (Писарева 2018, Дементьев и др. 2016). Немного позже его значение было уточнено М. Портером, который рассматривал цепочки создания стоимости в контексте конкурентных преимуществ от-

⁴ *Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development (English)*. Washington, D.C.: World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/440081499424129960/Measuring-and-analyzing-the-impact-of-GVCs-on-economic-development> (15.04.2023).

дельных предприятий (Porter 1985). Данный подход, по мнению Т. А. Мешковой и Е. Я. Моисеичева, являлся близким к концепции «потока стоимости» (value stream), разработанной американскими специалистами в области менеджмента Дж. Вомаком и Д. Джонсом (Мешкова и Моисеичев 2015). В дальнейшем, по словам В. Е. Дементьева, Е. С. Новиковой и Е. В. Устюжанина, термин «цепочки создания стоимости» «стал использоваться и для анализа устойчивых кооперационных связей между компаниями, а затем перешёл на межстрановой уровень – появились глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС)» (Дементьев и др.:18).

В 1990-е гг. концепция глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) развивалась параллельно в нескольких теоретических направлениях.

Во-первых, появилась теория фрагментации производства (international production fragmentation trade theory), предложенная Р. Джонсом и Х. Кьержковски (Jones, Kierzkowski 1990: 31–32). Во-вторых, концепция «великих разделений» (great unbundling) была разработана Р. Болдвином в рамках теории высокого развития (high development theory) (Baldwin 2011).

Важность информационных технологий для сегментации производства в отдельных странах, и, следовательно, для развития ГЦСС, подчёркивается также в исследовании Всемирного банка. «Производственные процессы теперь можно «разрезать» на несколько производственных сегментов, каждый из которых соответствует определенной задаче, такой как проектирование, закупка деталей, сборка и распределение. Эти сегменты перемещаются через национальные границы туда, где задачи могут быть выполнены более эффективно»⁵.

Другим подходом к исследованию ГЦСС является концептуальный макроэкономический подход, который представляет собой поиск и описание формализованных моделей функционирования мирового хозяйства в современных условиях. Можно выделить два основных этапа его развития.

Первый этап связан с представленной в 70-80-х гг. XX века Новой теорией торговли, разработанной В. Норманом и П. Кругманом. Второй этап связан с Новой-новой торговой теорией, предложенной в конце 1990-х гг. М. Дж. Мелицем (Melitz 2003) и П. Антрасом (Antràs 2003). Новая-новая торговая теория основана на анализе моделей международной торговли в условиях несовершенной конкуренции, что «даёт правдоподобное объяснение преобладанию внутрииндустриальной торговли между странами со сходными технологиями и ресурсами»⁶.

Также в рамках Новой-новой торговой теории проводилась сравнительная оценка данных экспортно ориентированных и не экспортных компаний, что привело к разработке механизма эндогенного отбора фирм, выходящих на отраслевые рынки.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Третий подход к анализу глобальных цепочек создания стоимости уделяет особое внимание росту стоимости продукта по мере его движения через так называемую «линию улыбки» (the «smiling curve»). В этом контексте ГЦСС рассматриваются как «самостоятельно произведённая в стране стоимость», а также как стоимость, вносимая «вместе с импортными комплектующими в конечную продукцию» (Стрельцов и др. 2019).

Этот подход основан на двух ключевых теориях. Первая — теория формирования глобальных цепочек создания стоимости, предложенная Й. Хендерсоном в конце XX века (Henderson и др. 2002). Согласно ей, ГЦСС представляют собой стоимость, созданную компанией внутри страны, а также как стоимость ввезённая вместе с импортными комплектующими в составе конечной продукции. Вторая ключевая теория — это теория потока создания ценности (the value stream), разработанная в начале 2000-х гг., которая рассматривает ГЦСС как последовательность действий, выполняемых компанией для создания и добавления ценности продукту или услуге, начиная с запроса клиента и заканчивая готовым результатом (Melitz 2003; Antràs 2003).

Исходя из этих подходов, можно дать следующее определение глобальных цепочек создания стоимости. С точки зрения производственного подхода, ГЦСС представляют собой комплекс управленческих решений, включая координацию производственной и сбытовой деятельности, выбор места производства, кадровые вопросы, стратегии сбыта и т. д. В рамках логистической системы, ГЦСС фрагментируют стадии производства с целью минимизации себестоимости продукции через создание сложных вертикально интегрированных структур, как, например, у транснациональных корпораций (ТНК) (Кукушкина 2016; Писарева 2018).

Результаты исследования

Согласно данным аналитической базы AMNE (the Analytical AMNE database), наибольший вклад в производство товаров по анализируемым видам деятельности вносят отечественные производители следующих четырнадцати стран (см. рис. 1), из них шесть стран Западной Европы—членов Европейского союза (Германия, Греция, Дания, Италия, Франция, Кипр); одно ближневосточное государство (Израиль); семь стран Азиатско-Тихоокеанского региона (США, Российская Федерация, Индонезия, Индия, Китай, Корея, Япония). В указанных государствах более половины произведенной продукции (по рассматриваемым видам деятельности) приходится на отечественные предприятия, соответственно, можно предположить низкую степень участия данных стран в ГЦСС. Существенный вклад в совокупный (глобальный) объем производства вносили в 2016 г. только часть перечисленных территорий – Китай (от 20 % (автомобили) до 46 % (электрическое оборудование)), США (от 7 % (электрическое оборудование) до 19 % (автомобили)), Япония (от 6 % (химия, фармацевтика и электроника) до 13 % (автомобили)), Германия (от 3 % (электроника) до 12 % (автомо-

били)) и Корея (от 3 % (химия, фармацевтика) до 8 % (электроника)), Индия (от 1 % (электроника) до 4 % (химия, фармацевтика)). Оставшиеся страны (Греция, Дания, Индонезия, Италия, Кипр, РФ, Франция) не размещая иностранного производства на собственной территории всё же не обеспечивают себя необходимой продукцией рассматриваемых отраслей полностью (вследствие малых объемов собственных производств), из-за чего они становятся зависимы от импорта уже готовой продукции.

Менее 50 % удельного веса отечественных производителей в общем объеме произведенных в стране товаров по одному или нескольким анализируемым видам экономической деятельности являлось в 2016 г. характерным для 33-х стран, из которых: 15 стран Европы – в составе Европейского союза – Австрия, Бельгия, Болгария, Испания, Финляндия, Великобритания (до 31.01.2020 г.), Хорватия, Литва, Люксембург, Латвия, Мальта, Нидерланды, Польша, Словения, Швеция и три государства Западной Европы, вне европейского союза – Швейцария, Норвегия и Исландия; 10 стран Азиатско-Тихоокеанского региона – Канада, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Вьетнам, Новая Зеландия; два ближневосточных государства – Саудовская Аравия и Турция; одна страна Южной Америки – Бразилия; две африканские страны – Марокко и ЮАР.

В сфере химической и фармацевтической продукции до 50 % продукции производилось в 2016 г. иностранными компаниями в Люксембурге (до 1 % продукции выпускалось отечественными производителями), Швеции (до 20 %), Канаде и Нидерландах (до 25 %), Бельгии и Коста-Рике (до 30 %, отдельно по каждой стране), Новой Зеландии (до 45 %). В то же время в Коста-Рике до 2006 г. преобладала в общем объеме рассматриваемого вида продукции доля собственных производителей, однако после 2006 г. данный тренд сменился. До 50 % химической и фармацевтической продукции производилось зарубежными предприятиями на протяжении 2010–2015 гг. в Великобритании, однако к 2016 г. доля их сократилась до 49 %.

В области компьютерной, электронной и оптической продукции до 50 % выпуска приходилось на иностранные компании в следующих девяти странах: Нидерланды, Коста-Рика, Таиланд, ЮАР (отечественными производителями выпускалось до 10 % продукции, отдельно по каждой стране), Польша и Чили (до 25 % отечественных производителей), Саудовская Аравия и Новая Зеландия (до 30 %), Колумбия (до 35 %), Соединенное Королевство, Канада, Хорватия, Болгария, Вьетнам (до 50 %). В одиннадцати указанных странах (Великобритания, Канада, Польша, Хорватия, Саудовская Аравия, Чили, Колумбия, Вьетнам, Коста-Рика, Таиланд, Южная Африка,) доля отечественного производства за весь представленный в базе данных период (с 2005 по 2016 гг.) не превышала половины от всей произведенной продукции, тогда как в трех странах – Нидерландах, Болгарии и Новой Зеландии доля отечественных производителей в 2015 г. составляла более 50 %, но затем неуклонно сокращалась.

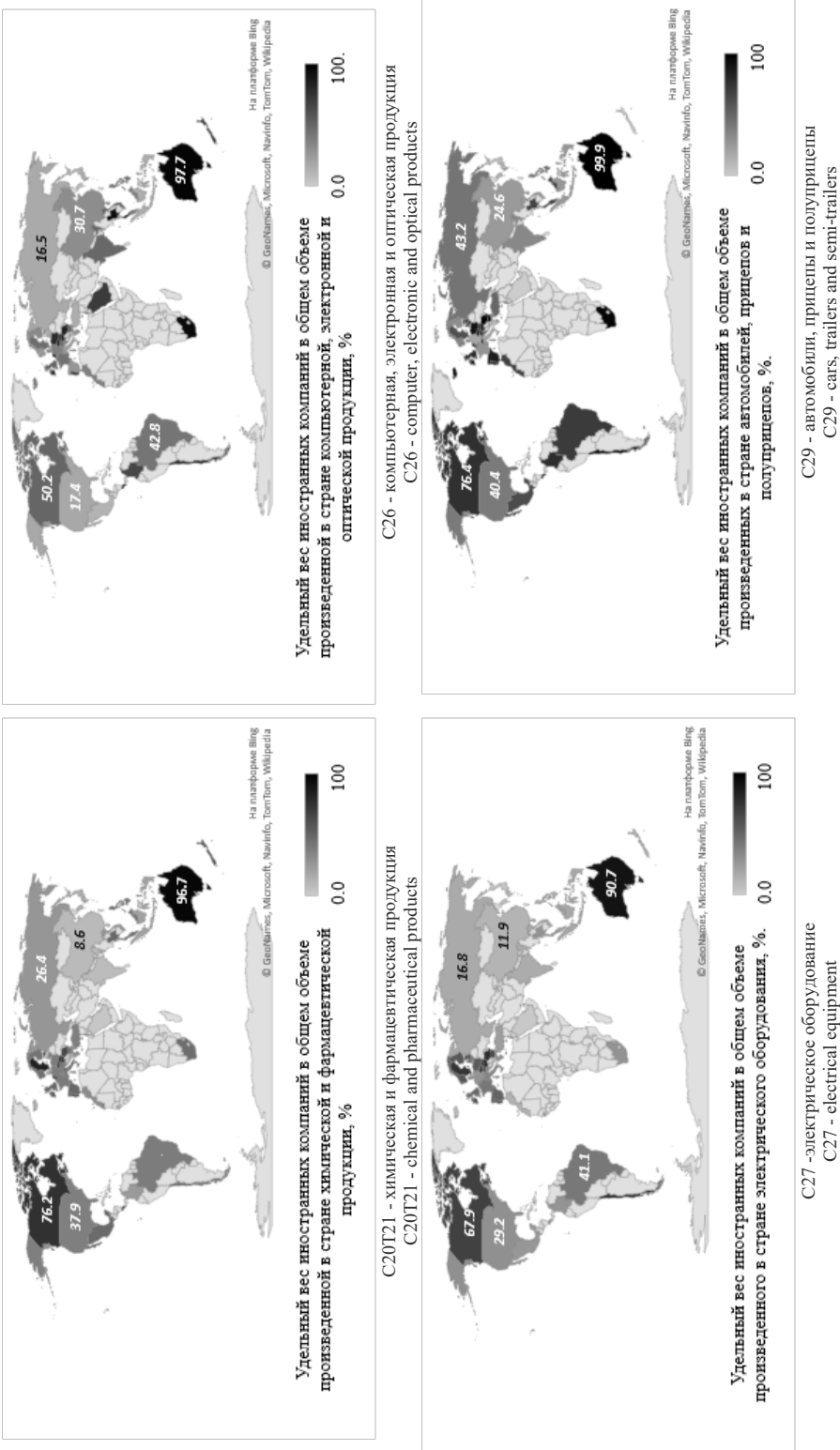

Рисунок 1. Удельный вес иностранных компаний в общем объеме произведенной в стране продукции по видам экономической деятельности (ISIC Rev. 4).

Figure 1. The share of domestic producers in the total volume of products produced in the country by type of economic activity. Источник: составлено авторами по данным аналитической базы AMNE (the Analytical AMNE database).

До половины выпуска электрического оборудования приходилось на зарубежные компании в девяти странах: Швеция и Чили (до 30 % отечественных производителей в секторе), Канада, Болгария, Латвия (до 35 %), Финляндия, Норвегия, Австрия, Польша (до 45 %), Испания (до 50 %). В трех из перечисленных государств – Австрии (до 2006 г.), Испании (до 2010 г.) и Болгарии (до 2008 г.) ранее (до 2016 г.) имелась собственная база производства изделий рассматриваемого вида (до указанных лет более 50 % в общем объеме электрического оборудования выпускалась отечественными компаниями).

В наибольшей степени удельный вес иностранных компании в общем объеме произведенной продукции занимает в сфере производства автомобилей. В 33 странах из 58 анализируемых более 50 % производства осуществляется иностранными компаниями. Так в Швейцарии, Румынии, Австралии и Сингапуре до 99 % автомобилей производится компаниями с иностранной аффилиацией; в Исландии, Мальте, Венгрии, Болгарии, Польше, Чили, Коста-Рике, и ЮАР – более 90 %; в Великобритании, Чехии, Испании, Ирландии, Португалии, Словакии – более 80 %; в Австрии, Нидерландах, Люксембурге, Литве, Латвии, Канаде, Колумбии, Бразилии – более 70 %; в Словении, Швеции, Эстонии, Марокко, Малайзии, Таиланде, Мексике – более 60 %. В Румынии (до 2006 г.), Болгарии, Эстонии, Словении (в каждой до 2007 г.), Швеции (до 2008 г.) и Таиланде (до 2011 г.) ранее имелась значительная доля (более 50 %) собственного производства рассматриваемого вида продукции.

Далее, более 50 % удельного веса в общем объеме произведенных товаров по всем анализируемым видам экономической деятельности производят иностранные компании в девяти странах, семь из которых – члены Европейского союза - Ирландия, Португалия, Чешская Республика, Словакия, Эстония, Румыния, Венгрия, а две – Азиатско-Тихоокеанского региона – Сингапур и Австралия. В Сингапуре и Австралии в рамках каждого вида деятельности доля иностранных компаний, производящих соответствующую продукцию в 2016 г., достигала 99,9 %; в Венгрии, Словакии и Чехии – более 70%; Румынии, Ирландии, Португалии и Эстонии – более 55 % (см. табл.).

Таблица 1. Страны, в которых по всем анализируемым видам экономической деятельности более 50 % удельного веса в общем объеме произведенных товаров производят иностранные компании

Table 1. Countries in which, for all analyzed types of economic activity, more than 50% of the share in the total volume of goods produced is produced by foreign companies

Страна	Удельный вес продукции, произведенной иностранными компаниями, в общем объеме продукции, выпущенной в 2016 г. на территории страны, по видам экономической деятельности (ISIC Rev. 4), %			
	Химическая и фармацевтическая продукция (C20T21)	Компьютерная, электронная и оптическая продукция (C26)	Электрическое оборудование (C27)	Автомобили, прицепы и полуприцепы (C29)
Сингапур	98.96	99.9	97.17	99.9

Страна	Удельный вес продукции, произведенной иностранными компаниями, в общем объеме продукции, выпущенной в 2016 г. на территории страны, по видам экономической деятельности (ISIC Rev. 4), %			
	Химическая и фармацевтическая продукция (C20T21)	Компьютерная, электронная и оптическая продукция (C26)	Электрическое оборудование (C27)	Автомобили, прицепы и полуприцепы (C29)
Австралия	96.65	97.67	90.68	99.9
Венгрия	76.14	86.87	86.86	93.61
Словакия	86.67	86.47	76.07	81.89
Чехия	70.33	89.08	76.44	89.24
Румыния	65.04	83.33	76.35	99.09
Ирландия	57.81	80.26	62.99	84.88
Португалия	58.09	77.17	59.09	83.72
Эстония	62.22	24.88	69.46	60.58

Источник: составлено авторами по данным аналитической базы AMNE (the Analytical AMNE database).

Из государств, перечисленных в таблице 1, есть страны, в которых на начало анализируемого периода (2005 г.) объем производства отечественных компаний в общем объеме выпущенной за год продукции превышал 50 %.

По химической и фармацевтической продукции – это Словакия (57 % продукции выпускалось в 2005 г. отечественными компаниями), Венгрия (в среднем за период с 2005 по 2010 гг. объемы венгерских компаний в рассматриваемом виде экономической деятельности составляли более 55 %), Румыния (в среднем за период с 2005 по 2009 гг. объемы отечественных компаний – более 65 %), Португалия (в среднем в 2005 и 2007 гг. – отечественные компании производили более 53 % совокупных объемов по виду продукции).

По электрическому оборудованию – Румыния (в среднем в 2005 и 2008 гг. – отечественные компании производили более 53 % совокупных объемов по виду продукции), Португалия (в 2005 г. – отечественные компании производили более 51 % совокупных объемов по виду продукции).

По автомобильной промышленности – Румыния и Эстония (удельный вес отечественных компаний в совокупном продукте страны представлены по тексту выше).

Соответственно, в результате проведенного исследования авторами была подтверждена выдвинутая ранее гипотеза о наличии в период до 2016 г. трансформационных процессов в национальных экономиках стран мира под влиянием динамики развития глобальных цепочек создания стоимости. Полученные результаты соответствуют сформулированным, на основе проведенного литературного обзора, теоретико-методологическим положениям исследования, а именно: о взаимозависимости процессов развития ГЦСС и деятельности ТНК, а также о влиянии данных процессов на экономические преобразования в экономиках стран мира.

Однако, в последние годы можно наблюдать формирование нового этапа развития исследуемой взаимосвязи, заключающегося в активизации процессов трансформации как структуры, так и масштабов самих глобальных цепочек добавленной стоимости под влиянием целого ряда факторов, обусловленных динамикой глобального и национального развития.

Так в 2016 г. было открыто для подписания и вступления в силу, Парижское соглашение по климату, целью которого заявлена активизация реализации Рамочной конвенции ООН по изменению климата. В результате важнейшим фактором трансформации глобальных цепочек добавленной стоимости становится изменение климата. Более того, к настоящему времени сформировалась позиция, что, экстремальный климат, включая засуху, наводнения, аномальную жару и травмы от холода, оказывает не менее разрушительное воздействие на глобальные цепочки поставок, чем существующие геополитические риски (Qin и др. 2023). Это закономерно привело и к переосмыслению роли климатических событий, а также их влияния на экономику отраслей, стран и регионов (Liverpool-Tasie и др. 2020).

Этот фактор непосредственно связан и экологическими условиями, антропогенным воздействием и техногенными катастрофами. Так основными последствиями климатического влияния являются: неустойчивость и сбои в функционировании цепочек поставок, перебои в транспортировке и распределении сырья и продукции, нестабильность производства и эксплуатации, проблемы с финансированием и снижение производительности, выбросы углерода (Cardoso и др. 2022).

Так, экстремальные погодные условия наносят ущерб социальной, производственной и транспортной инфраструктуре, приводя к сбоям в работе, сокращению срока их службы, снижению надежности, что неизбежно сказывается и на устойчивости функционирования глобальных цепочек поставок (Qin и др. 2023).

Экстремальные условия работы и жизнедеятельности населения приводит к оттоку рабочей силы, приводя к дефициту квалифицированного персонала и, как следствие, снижению эффективности функционирования производства и рискам возникновения аварий, в том числе сопровождающихся ростом воздействия на окружающую среду (Qin и др. 2023).

Особую значимость изменение климата имеет в сельскохозяйственной отрасли, производстве продуктов питания и обеспечения продовольственной безопасности стран.

В этом плане возрастает роль национальных правительств, задачами которых являются: прогнозирование климатических рисков и разработка способов реагирования на экстремальные погодные условия; учет экстремальных климатических условий при развитии инфраструктуры (Qin и др. 2023); установле-

ние жестких экологических нормативов, стимулирующих участников цепочек оптимизировать свои энергетические структуры, повышать свою энергоэффективность и снижать риски (Yan и др. 2020).

Начавшаяся в 2018 г. «торговая война» между Китаем и США фактически обозначила новый этап развития глобальных цепочек добавленной стоимости, существенно повысив экономическую неопределенность для торговых компаний, после чего «турбулентность в цепочке поставок стала новой нормой» (Blessley и Mudambi 2022).

Во-первых, она привела к значительным потерям для существовавших глобальных цепочек добавленной стоимости, спровоцировав, в частности, резкое повышение импортных и экспортных тарифов, с которыми сталкиваются китайские фирмы, и положила начало эпохе беспрецедентной «туманности» торговой политики (Blessley и Mudambi 2022). Следствием трех раундов повышения тарифов стал охват инструментами торговой войны всего китайского экспорта.

Во-вторых, негативные торговые потрясения привели к переориентации экспорта Китая и США в другие крупные региональные экономики. Особенно пострадал экспорт в отраслях, требующих больших затрат на НИОКР, квалифицированного труда, высокой доли дохода от капитала. Отрасли со сравнительными преимуществами, высокими темпами роста экспорта, высокой стоимостью экспорта и эластичностью замещения оказались более чувствительны к торговой защите.

В-третьих, сформировалась новая волна технонационализма, что создаёт риски для ТНК, подверженных влиянию динамики глобальных рынков и цепочек поставок. Технонационализм стал основой для понимания технологической холодной войны и ее влияния на китайские высокотехнологичные фирмы. В то же время новый этап технонационалистической политики оказывает влияние на генерацию и реализацию инноваций, а также способность обеспечивать технологическую конкурентоспособность национальной экономики (Степнов и Ковальчук 2020, Zhang и др. 2022).

Во-четвертых, совершенно новым аспектом торговых войн в последние годы стало изменение климата. Как показала практика, международная политика в этой сфере, может оказывать большое влияние на распределение выбросов парниковых газов по цепочкам поставок. Это происходит из-за сложных глобальных торговых взаимосвязей и разной интенсивности выбросов для товаров в разных регионах (Yuan и др. 2023).

«Торговая война» между США и Китаем стала результатом многочисленных попыток урегулирования торговых споров в рамках существовавших глобальных цепочек поставок (Shi 2022). Она привела к негативным экономическим потрясениям и оказала прямое воздействие на сектора, экспортирующие и импортирующие продукцию и сырье стран-партнеров. Последствия торговой войны

по цепочкам добавленной стоимости распространяются и на другие страны и сектора экономики, что приводит к большим потерям для всей мировой экономики (Bissoondoyal-Bheenick и др. 2022).

С 2020 г. воздействие COVID-19 оказало существенное влияние, как на экономику отдельных стран, так и мировую экономику в целом. В течение последних лет разрабатывалась теоретическая основа для переосмысления эффективности бизнеса в глобальных цепочках создания стоимости в условиях последствий Covid-19 с позиции анализа динамического взаимодействия конфликтующих систем (Mouzas и Bauer 2022).

Во-первых, в самом широком плане пандемия COVID-19 оказала воздействие на различные цепочки поставок, включая их финансирование, изменения сроков поставок, изменения спроса, закрытие границ, переход на дистанционное обслуживание, снижение эффективности и т.п., что обусловило поиск новых инновационных подходов в управлении цепочками, управления рисками, преодоления сбоев (Moosavi и др. 2022).

Влияние пандемии на цепочки, функционирующие в различных отраслях промышленности, было в значительной степени дифференцированным. Характер и масштабы последствий определялись, с одной стороны, особенностями конкретной отрасли, ее организацией, коммуникациями, масштабами и географией конкретных цепочек поставок, с другой – решениями и действиями национальных правительств (Soares и др. 2022, Kazancoglu и др. 2023).

Во-вторых, пандемия COVID 19 спровоцировала усиление торгового протекционизма, который в итоге закономерно привел к процессам реконфигурации производственно-сбытовых цепочек, в интересах конкретных национальных экономик (Khorana и др. 2022). Устойчивость цепочек определяется следующими их характеристиками: масштабами сети и географией размещения ее участников, потенциалом организационной устойчивости, внедрением цифровых технологий и видом собственности (Хіе и др. 2022).

В-третьих, организационная устойчивость и способность к выживанию, в условиях пандемии Covid 19, формируется количеством и качеством социального капитала, определяющим, как гибкость управления, так и способность компании генерировать и реализовывать инновации во всех сферах их деятельности. Совместная инновационная деятельность является ключевым фактором, обеспечивающим выживаемость компаний в условиях кризиса, определяя результативность инновационной деятельности и реализацию совместных инноваций, гибкость цепочки поставок и совместное создание ценности (Saleh Al-Omouh и др. 2022). Относительно высокую устойчивость к негативным процессам, обусловленным пандемией, показали цепочки поставок, функционирующих на принципах циркулярной экономики и блокчейна (Nandi и др. 2021). Следует отметить двойственное влияние пандемии на предпринимательство: с одной стороны, она снижает экономическую активность из-за введения ограни-

чений коммуникации и социального дистанцирования, с другой, предприниматели, использующие цифровые бизнес-модели демонстрируют более высокую устойчивость к пандемическим кризисам (Bürgel и др. 2023).

В последние годы в отношении перспектив цепочек поставок в условиях пандемии традиционно выделяются два ключевых процесса, которыми являются дальнейшая дезинтеграция и восстановление процессов интеграции, но на основе «нового баланса сил и новых возможностей» (Mostafiz и др. 2022). От успешности и сроков преодоления глобального шока цепочками поставок будут зависеть перспективы отраслей, регионов и мировой экономики в целом.

В феврале 2022 г. Россия начала специальную военную операцию (СВО) на Украине, что привело к введению западными странами жестких санкций, целью которых являлось нанесение максимального ущерба российской экономике и ее изоляция на международных рынках. Санкции усилили негативные процессы, сформировавшиеся в период пандемии COVID-19. В частности, санкции значительно повысили геополитические риски нарушения глобальных цепочек поставок, вызванных введением системы взаимных санкций, с одной стороны, России, с другой – стран Европы, Америки, Азии.

Возникли перебои в поставках энергоносителей и резкое повышение на них цен (Cui и др. 2023), снижение реальных доходов населения в России и других странах, сокращению торговых связей (Du и Wang 2022). Сегодня можно наблюдать значительный рост расходов государственных бюджетов, снижение деловой активности, сокращение поступлений в бюджет, колебания курса национальных валют, рост инфляции, снижение энергетической безопасности ряда стран (Sokhanvar и Bouri 2022).

Инвесторы и участниками цепочек добавленной стоимости стали понимать необходимость коррекции применявшихся экономических моделей их функционирования (Passarelli и др. 2023). В результате трансформация глобальных цепочек приобрела долгосрочный волнообразный характер со сложно предсказуемой траекторией, что позволяет утверждать о перманентной их перестройке на всех стадиях наблюдающегося цикла (Pellicelli 2023).

Наибольший ущерб от продолжающегося военного конфликта понесли те участники цепочек поставок, которые активно участвуют в российской и украинской торговле. Зависимость последних от поставок компаний из России стала значимым фактором их жизнеспособности, а также изменения вероятности дефолта (Bougias и др. 2022).

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, количественная оценка соотношения объёмов производства компаний по четырём, наиболее включённым в ГЦСС видам экономической деятельности – химии и фармацевтике, электронике, электрическому оборудова-

нию и автомобилестроению – позволяет сделать вывод о постепенном сокращении в странах мира доли отечественных производителей. Им на смену приходят зарубежные транснациональные компании. Данная тенденция наиболее ярко проявляется в странах постсоветского пространства, имевших ранее преимущественно собственное промышленное производство, которое после либерализации национальных экономик утратило свою конкурентоспособность.

Во-вторых, промышленность большинства стран мира за исключением экономик ряда государств (США, Китай, Япония, Германия, Италия, Франция, Российская Федерация, Израиль, Индия, Корея) всё больше включается в ГЦСС, сильнее подчиняясь общей динамике их развития. Перечисленные в качестве исключения государства формируют глобальную социально-экономическую систему – транснациональный корпоративный капитализм, который является следствием развития глобальных цепочек создания стоимости.

В-третьих, в последние годы, под влиянием экстраординарных факторов сформировался новый этап развития глобальных цепочек добавленной стоимости, в рамках которого не глобальные цепочки формируют национальные экономики, а национальные экономики влияют на формирование глобальных цепочек. В 2016 г. было открыто для подписания и вступления в силу Парижское соглашение по климату; в 2018 г. началась торговая война между Китаем и США; в 2020 г. – пандемия Covid 19; в 2022 г. начало специальной военной операции России на Украине. Влияние каждого из перечисленных факторов имеет свои особенности, в том числе значимость, риски, угрозы, продолжительность, характер последствий и т. п. Каждый раз при появлении нового фактора мы наблюдаем синергетический эффект их влияния.

В качестве основных перспективных направлений сокращения последствий разрушения цепочек добавленной стоимости, как правило, рассматривается развитие сотрудничества, реализация совместных инноваций, обеспечение гибкости и совместное создание ценности (Al-Omouh и др. 2023). Такое поведение компаний стало реакцией на динамичные и глубокие изменения макроэкономической ситуации, обусловленные изменением спроса и предложения, а также связанные с ними новыми рисками и угрозами. Одновременно эти процессы приводят к переосмыслению стратегий участников цепочек поставок, продиктованные стремлением сохранения их живучести.

Об авторах:

Ксения Сергеевна Гончарова – кандидат экономических наук, научный сотрудник сектора исследований адаптации региональных систем ФГБУН Института экономики Уральского отделения Российской академии наук; 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; E-mail: ksenia.goncharova@gmail.com; ORCID – 0000-0003-2381-3322.

Андрей Геннадьевич Шеломенцев – доктор экономических наук, профессор, Институт социально-экономических исследований ФГБУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; 450054 г. Уфа, Проспект Октября, 71; E-mail: a.shelom@yandex.ru; ORCID – 0000-0003-1904-9587.

Наталья Николаевна Масюк – доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВО «ВВГУ», «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток, профессор кафедры экономики и менеджмента; 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41; E-mail: masyukn@gmail.com; ORCID – 0000-0001-8055-8597.

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

UDC 339.944

Received: February 13, 2023

Accepted: August 20, 2023

Comparative Assessment of Global Value Chains' Influence on National Economies

Kseniya S. Goncharova¹, Andrei G. Shelomentsev¹, Natalya N. Masyuk²

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-107-126](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-107-126)

¹ Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

² Vladivostok State University

Abstract: In recent decades, a predominant trend in the transformation of national economies worldwide has been the extensive establishment of global value chains and the increased activities of transnational corporations (TNCs). Despite the scale of these phenomena, they have not received adequate scholarly attention, both at the level of individual countries and on a global scale. This paper presents the results of a comprehensive analysis that combines theoretical approaches with empirical investigations of the interplay between the formation and vigorous expansion of global value chains and the dynamics of national economic transformation worldwide. This relationship is examined in the context of foreign multinational corporations operating in sectors such as chemistry and pharmaceuticals, electronics, electrical equipment, and the automotive industry.

To achieve the objectives of this study, a range of complementary research methods were employed, including descriptive analysis, comparative analysis, generalization and grouping techniques, and cartographic analysis. The study yields several key findings:

Firstly, a global trend of progressive reduction in the share of domestic producers within the industries under consideration has been observed. This trend is most conspicuous in the countries of the former socialist bloc in Central and Eastern Europe, including Poland, Bul-

garia, the Czech Republic, Lithuania, Latvia, Estonia, and Romania. These countries previously maintained domestic production levels exceeding 50% of the total volume for the specific product types.

Secondly, the field of automobile production exhibits the highest proportion of foreign companies contributing to the total volume of products manufactured. In 33 out of the 58 countries analyzed, foreign multinational corporations account for more than 50% of production. Thirdly, a selection of countries in Western Europe, the Middle East, and the Asia-Pacific region—such as Germany, Italy, France, Israel, the USA, China, Japan, the Russian Federation, India, and Korea—play a substantial role in the development of global value chains through the active expansion of their national TNCs. International companies from these countries are progressively shaping a global socio-economic framework.

Lastly, recent years have seen the emergence of a new stage in the evolution of global value chains, prompted by exceptional factors such as the COVID-19 pandemic, the trade conflict between China and the United States, and the conflict in Ukraine. This stage necessitates a profound reconsideration of the strategies employed by current participants in global chains, driven by the imperative of preserving their sustainability.

Keywords: global value chains; GVCs; sustainable development; sustainability; national economy; transformation; techno nationalism; AMNE (the Analytical AMNE database); the Paris Agreement; Covid-19 pandemic.

About the authors:

Kseniya S. Goncharova – Candidate of Economic Sciences, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, research Assistant of the Department for the Study of Regional Socio-Economic Systems. 620014, Russia, Yekaterinburg, st. Moskovskaia, 29; E-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com; ORCID - 0000-0003-2381-3322

Andrei G. Shelomentsev – Doctor of Economics, Professor, Institute of Socio-Economic Research. Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 450054 Ufa, Oktyabrya Avenue, 71; E-mail: a.shelom@yandex.ru; ORCID - 0000-0003-1904-9587.

Natalya N. Masyuk – Doctor of Economical Science, Professor, Economics and Management Department, Vladivostok State University. 690014, Vladivostok, st. Gogol, 41; E-mail: masyukn@gmail.com; ORCID – 0000-0001-8055-8597.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021-2023, No. 0327-2021-0011 «Institutional models and factors of social and economic adaptation of the regional population in the context of the transition to dynamic development».

References:

Al-Omoush K.S., Lucas A., del Val M. T. 2023. The role of e-supply chain collaboration in collaborative innovation and value-co creation. *Journal of Business Research*. Vol. 158. Is. C. P. 1-10. DOI: 10.1016/j.jbusres.2023.113647.

Antràs P. 2003. Firms, contracts, and trade structure. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol.118 (4). P. 1375-1418. DOI: 10.1162/003355303322552829.

Baldwin R. 2011. Trade and industrialization after globalization's 2nd unbundling: how building and joining a supply chain are different and why it matters. *National bureau of economic research*. Vol. 17716. P. 1-39.

Bissoondoyal-Bheenick E., Do H., Hu X., Zhong A. 2022. Sentiment and stock market connectedness: Evidence from the U.S. – China trade war. *International Review of Financial Analysis*. Vol. 80. P. 1-17. DOI: 10.1016/j.irfa.2022.102031.

Blessley M., Mudambi S. 2022. A trade war and a pandemic: Disruption and resilience in the food bank supply chain. *Industrial Marketing Management*. Vol. 102. P. 58-73. DOI: 10.1016/j.indmarman.2022.01.002.

Bougias A., Episcopos A., Leledakis G. 2022. Valuation of European firms during the Russia–Ukraine war. *Economics Letters*. Vol. 218. DOI: 10.1016/j.econlet.2022.110750.

Buckley P. J., Craig T. D., Mudambi R. 2019. Time to learn? Assignment duration in global value chain organization. *Journal of Business Research*. Vol. 103. P. 508-518. DOI: 10.1016/j.jbusres.2018.01.011.

Bürgel T., Hiebl M., Pielsticker D. 2023. Digitalization and entrepreneurial firms' resilience to pandemic crises: Evidence from COVID-19 and the German Mittelstand. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 186. Part A. DOI: 10.1016/j.techfore.2022.122135.

Cardoso B., Fontainha T., Leiras A. 2022. Disasters' impact on supply chains and counter-measure strategies: an overview of the academic literature «nature». *Brazilian Journal of Operations and Production Management*. Vol. 19. Is. 2

Cui L., Yue S., Nghiem X.-H., Duan M. 2023. Exploring the risk and economic vulnerability of global energy supply chain interruption in the context of Russo-Ukrainian war. *Resources Policy*. Vol. 81. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.103373.

Du X., Wang Z. 2022. Multinationals, global value chains, and the welfare impacts of economic sanctions. *Economics Letters*. Vol. 220. DOI: 10.1016/j.econlet.2022.110870.

Henderson J., Dicken P., Hess M., Coe N., Wai-Chung Y. H. 2002. Global production networks and the analysis of economic development. *Review of International Political Economy*. Vol. 9 (3). P. 436-464. DOI: 10.1080/09692290210150842.

Jones R. W., Kierzkowski H. 1990. The role of services in production and international trade. In *The Political Economy of International Trade: essays in Honor of Robert E Baldwin*, ed. R. W. Jones, A. O. Krueger (Basil Blackwell). P. 31–48.

Kaplinsky R. 2013. Global value chains: where they came from, where they are going and why this is important. *Innovation, Knowledge, Development*. Vol. 68. P. 1-27.

Kazancoglu Y., Ekinci E., Mangla S., Sezer M., Ozbiltekin-Pala M. 2023. Impact of epidemic outbreaks (COVID-19) on global supply chains: A case of trade between Turkey and China. *Socio-Economic Planning Sciences*. Vol. 85. P. 1-11. DOI: 10.1016/j.seps.2022.101494.

Khorana S., Escaith H., Ali S., Kumari S., Do Q. 2022. The changing contours of global value chains post-COVID: Evidence from the Commonwealth. *Journal of Business Research*. Vol. 153. P. 75-86. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.07.044.

Liu C., Zhao G. 2021. Can global value chain participation affect embodied carbon emission intensity? *Journal of Cleaner Production*. Vol. 287. P. 2-14. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.125069.

Liverpool-Tasie L., Pummel H., Tambo J., Olabisi L., Osuntade O. 2020. Perceptions and exposure to climate events along agricultural value chains: Evidence from Nigeria. *Journal of Environmental Management*. Vol. 264. P. 1-11. DOI: 10.1016/j.jenvman.2020.110430.

Melitz M. 2003. The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity. *Econometrica*. Vol. 71. Is. 6. P. 1695-1725. DOI: 10.1111/1468-0262.00467/.

Moosavi J., Fathollahi-Fard A., Dulebenets M. 2022. Supply chain disruption during the COVID-19 pandemic: Recognizing potential disruption management strategies. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. Vol. 75. DOI: 10.1016/j.ijdr.2022.102983.

Mostafiz M., Musteen M., Saiyed A., Ahsan M. 2022. COVID-19 and the global value chain: Immediate dynamics and long-term restructuring in the garment industry. *Journal of Business Research*. Vol. 139. P. 1588-1603. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.10.078.

Mouzas S., Bauer F. 2022. Rethinking business performance in global value chains. *Journal of Business Re-search*. Vol. 144. P. 679-689. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.02.012.

Nandi S., Sarkis J., Hervani A., Helms M. 2021. Redesigning Supply Chains using Block-chain-Enabled Circular Economy and COVID-19 Experiences. *Sustainable Production and Consumption*. Vol. 27. P. 10-22. DOI: 10.1016/j.spc.2020.10.019.

Passarelli M., Bongiorno G., Beraldi P., Musmanno R., Filice L. 2023. Supply chain management in case of producer disruption between external (instable) forces and effective models. *Procedia Computer Science*. Vol. 217. P. 1305-1315. DOI: 10.1016/j.procs.2022.12.328.

Pellicelli M. 2023. War in Europe: another blow to the global supply chains. Editor(s): Michela Pellicelli. *The Digital Transformation of Supply Chain Management*. Chapter 8. P. 213-226. DOI: 10.1016/B978-0-323-85532-7.00005-0.

Porter M.E. 1985. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. The Free Press. NY. 584 p.

Qin M., Su C., Umar M., Lobonț O., Manta A. 2023. Are climate and geopolitics the challenges to sustainable development? Novel evidence from the global supply chain. *Economic Analysis and Policy*. Vol. 77. P. 748-763. DOI: 10.1016/j.eap.2023.01.002.

Saleh Al-Omoush K., Ribeiro-Navarrete S., Lassala C., Skare M. 2022. Networking and knowledge creation: Social capital and collaborative innovation in responding to the COVID-19 crisis. *Journal of Innovation & Knowledge*. Vol. 7. Is. 2. DOI: 10.1016/j.jik.2022.100181.

Shi W. 2022. Trade Wars: A Prism of the US, EU and China. Ed.: Lester R. Kurtz, *Encyclopedia of Violence, Peace, and Conflict* (Third Edition). Academic Press. P. 274-282. DOI: 10.1016/B978-0-12-820195-4.00084-4.

Soares J., Rodrigues da Costa M., Monteiro-Neto C., Loto L., Düppré de Abreu M., Tubino R. 2022. Impacts of COVID-19 on the value chain of a small-scale fishery system in a tropical metropolitan city. *Marine Policy*. Vol. 140. DOI: 10.1016/j.marpol.2022.105068.

Sokhanvar A., Bouri E. 2022. Commodity price shocks related to the war in Ukraine and exchange rates of commodity exporters and importers. *Borsa Istanbul Review*. DOI: 10.1016/j.bir.2022.09.001.

Sturgeon T. J. 2008. From Commodity Chains to Value Chains: Interdisciplinary Theory Building in an Age of Globalization. *Frontiers of Commodity Chain Research*. Industry Studies Working Paper. 35 p.

Wang S., He Y., Song M. 2021. Global value chains, technological progress, and environmental pollution: Inequality towards developing countries. *Journal of Environmental Management*. Vol. 277. P. 1-14. DOI: 10.1016/j.jenvman.2020.110999.

Xie X., Wu Y., Palacios-Marqués D., Ribeiro-Navarrete S. 2022. Business networks and organizational resilience capacity in the digital age during COVID-19: A perspective utilizing organizational information processing theory. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 177. DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121548.

Zhang L., Zhao S., Kern P., Edwards T., Zhang Z. 2022. The pursuit of indigenous innovation amid the Tech Cold War: The case of a Chinese high-tech firm. *International Business Review*. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2022.102079.

Wallerstein I. 2001. *Analiz mirovyh sistem i situaciya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. B. Yu. Kagarlickij (ed.). Pub. house «University book», St. Petersburg. (In Russian).

Gudkova T.V. 2020. *Global'nye cepochki sozdaniya dobavlennoj stoimosti v usloviyah cifrovizacii ekonomiki* [Global value chains in the context of digitalization of the economy]. The

Journal of Economic Theory. Vol. 17. Is. 1. P. 53-64. (In Russian). DOI: 10.31063 / 2073-6517 / 2020.17-1.4.

Dementyev V.E., Novikova E.S., Ustyuzhanina E.V. (2016). Mesto Rossii v global'nyh cepochkah sozdaniya stoimosti [Russia's place in global value chains]. National interests: priorities and security. Vol. 12. Is. 1 (334). P. 17-30. (In Russian).

Kukushkina Yu. M. 2016. Global'nye cepochki sozdaniya stoimosti i korporativnye interesy transnatsional'nyh korporatsij [Global value chains and corporate interests of multinational corporations]. Modern competition. Vol. 2 (56). P. 107-117. (In Russian).

Meshkova T. A., Moiseichev E. Ja. 2015. Mirovye tendencii razvitiya global'nyh cepochek sozdaniya dobavlennoj stoimosti i uchastie v nih Rossii [Global trends in the development of global value chains and Russia's participation in them]. Bulletin of the Financial University. Vol.1 (85). P. 83-96. (In Russian).

Pisareva S.S., Volgin N.A. 2018. Cepochki stoimosti v avtomobilstroenii stran central'noj i vostochnoj Evropy: opyt dlya Rossii [Value chains in the automotive industry of Central and Eastern Europe: experience for Russia]. Moscow: KNORUS. 184 p. (In Russian).

Streltsov A. V., Yakovlev G. I., Bulavko O. A. 2019. Sovershenstvovanie metodov analiza вовлеченности promyshlennyh predpriyatij i predprinimatel'skih struktur v mirovye vosproizvodstvennye cepochki [Improvement of methods for analyzing the involvement of industrial enterprises and business structures in the global reproduction chains]. Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management. Vol. 1. P. 32-45. (In Russian).

Stepnov I. M., Koval'chuk Yu. A. 2020. Cifrovaya biznes-model': upravlenie tekhnologiyami i kontrol' pribyli [Digital business model: technology management and profit control]. Innovations in management. Vol. 3(25). P. 68-79. (In Russian).

Список литературы на русском языке

Валлерстайн И. 2001. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общей ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: издательство «Университетская книга». 416 с.

Гудкова Т. В. 2020. Глобальные цепочки создания добавленной стоимости в условиях цифровизации экономики. Журнал экономической теории. Т. 17. № 1. С. 53-64. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-1.4.

Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В. 2016. Место России в глобальных цепочках создани

Кукушкина Ю. М. 2016. Глобальные цепочки создания стоимости и корпоративные интересы транснациональных корпораций. Современная конкуренция. № 2(56). С. 107-117.

Мешкова Т. А., Моисеичев Е. Я. 2015. Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России. Вестник финансового университета. № 1(85). С. 83-96.

Писарева С. С., Волгина Н. А. 2018. Цепочки стоимости в автомобилестроении стран Центральной и Восточной Европы: опыт для России. М.: КНОРУС. 184 с.

Стрельцов А. В., Яковлев Г. И., Булавко О. А. 2019. Совершенствование методов анализа вовлеченности промышленных предприятий и предпринимательских структур в мировые воспроизводственные цепочки. Вестник самарского муниципального института управления. № 1. С. 32-45.

Степнов И. М., Ковальчук Ю.А. 2020. Цифровая бизнес-модель: управление технологиями и контроль прибыли. Инновации в менеджменте. № 3(25). С. 68-79.

«Командный дух» в борьбе с угрозами безопасности

Н.В. Гавриленко

Московский государственный институт международных отношений МИД России (университет)

Рецензия на книгу: Berling T.V., Gad U.P., Petersen K.L. and Wæver O. 2022. *Translations of Security: A Framework for the Study of Unwanted Futures*. Routledge. 235 p. DOI: 10.4324/9781003175247

Ключевые слова: перевод безопасности, зона перевода безопасности, нежеланный вариант будущего, секьюритизация, гибридные акторы, транснациональное гражданское общество, индивидуальные субъекты, «лица со сверхспособностями»

Критическое рассмотрение вопросов безопасности является одним из наиболее популярных направлений исследований среди международных, так как оно бросает вызов традиционным представлениям о происходящих на мировой арене событиях и позволяет иначе посмотреть на политические процессы, предлагая более сложную картину реальности.

Проблема секьюритизации угроз была концептуализирована ещё в 1990-е гг. благодаря представителям Копенгагенской школы (Buzan et al. 1998). С тех пор предложенный ими теоретический взгляд на преодоление возникающих вызовов подвергался критике со стороны оппонентов, в частности Парижской школы, а также многочисленным уточнениям, посредством которых учёные пытались внести свой собственный вклад в развитие дискуссии.

Авторы книги «Переводы безопасности: модель изучения нежеланных вариантов будущего», а именно Т.В. Берлинг, У.П. Гад, К.Л. Петерсен и У. Уэвер, критически относятся к положениям обеих школ, отмечая при этом целесообразность их совместного применения для внесения аналитической ясности. Учёные убеждены, что этот подход позволит выявлять изменения в управлении безопасностью и оценивать его эффективность (с. 8). Так как в теоретической

УДК 327

Поступила в редакцию: 15.05.2023

Принята к публикации: 09.08.2023

основе работы присутствуют элементы Парижской школы, авторами отмечается, что «безопасность» как практическая область уже давно подразумевает под собой взаимодействие между представителями различных профессий и дисциплин. В связи с этим необходимо определить, как в ходе перевода конструируется понятие безопасности и как та или иная повестка дня воплощается в повседневных практиках различных агентов.

Первые две главы книги посвящены теоретико-концептуальным основам исследования. Авторы отталкиваются от двух терминов: «перевод» и «зона перевода». Первый подразумевает под собой процесс, в ходе которого разные представления о том, как справляться с нежеланными вариантами будущего, сталкиваются друг с другом. Второй используется для обозначения точки наблюдения, которая описывает, как непосредственно осуществляется перевод и обсуждаются новые представления. Сами нежеланные варианты будущего (англ. 'unwanted futures'), являющиеся предметом дискуссий специалистов, возникают на основе состояния незащищённости, рисков, неустойчивости, катастроф и угроз мирового масштаба. Учитывая комплексность вызовов, с которыми приходится сталкиваться в XXI в., возникает необходимость решать их совместными усилиями. Между тем довольно долго не было понимания того, как именно представителям разных сфер и групп населения удавалось договориться о нужных переводах. Осознавая эту проблему, авторы книги поставили перед собой цель разработать необходимую теоретическую модель.

Рассматривая подходы к практике перевода, учёные делают акцент на трёх из них. Первый относится к теологии и строится вокруг тезиса об идеальной, неискажённой передаче смысла независимо от контекста. Второй лежит в основе системной теории Н. Лумана, который утверждает, что перевод невозможен, поскольку представления, свойственные разным подсистемам, несопоставимы (англ. 'incommensurable') между собой, так как существуют исключительно внутри них и лишаются смысла при выходе за их границы (Luhmann 1992). Третий находит своё отражение в акторно-сетевой теории Б. Латура и М. Каллона. В их представлении перевод осуществим, причём в результате него возникает совершенно новое знание (Callon, Latour 1981: 279). Т.В. Берлинг и её соавторы используют в книге положения двух последних теорий, понижая при этом степень их категоричности. Так, от «несопоставимости» Лумана они переходят к «искажению» П. Бурдьё, тем самым указывая на то, что перевод всё же возможен, но с неточностями (Bourdieu 1991). Что касается Латура и Каллона, авторы книги ссылаются на теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа, делающую акцент на практиках артикуляции (Laclau, Mouffe 1985: 105). За счёт этого они подчёркивают, что новый перевод действительно возникает, но не как нечто самоопределяющееся, а как результат ранее существовавших дискурсов (с. 36).

Так, в книге предлагается теоретическая модель анализа возникновения новых представлений о нежеланных вариантах будущего, которую можно перевести в трихотомию «воплощение/идеал – несопоставимость/искажение –

возникновение/артикуляция». За счёт своего подхода исследователи пытаются показать, что в каждой конкретной ситуации имеют место собственные представления о безопасности. При этом учёные подчёркивают, что речевые акты, в которых отражаются эти подходы, должны в меньшей степени рассматриваться как самореферентные и в большей – как следствие из предыдущих дискурсов, практик, институтов и психологических условий (с. 40).

В главах, посвящённых практическому применению модели, авторы анализируют три пары концептов: «профессионал – любитель», «культура – цивилизация», «масштаб – сети». Сформированы они были в соответствии с видами дифференциации по Н. Луману: функциональной, сегментационной и стратификационной. Рассмотрим каждую по отдельности.

Профессии и дисциплины одинаково значимы в повседневной жизни, особенно если речь идёт о вопросах безопасности. Однако в классическом представлении они отличаются друг от друга ввиду разного функционального наполнения. Если деятели науки производят знание, то профессионалы его применяют, используя существующие у них навыки. На фоне возникновения новых типов угроз сотрудничество между этими двумя группами экспертов становится всё более востребованным. Тем не менее это не всегда возможно ввиду особенностей конкретных профессий и дисциплин, а также подходов, применяемых в ходе осуществления деятельности. Так, авторы приводят в качестве примера привлечение антропологов к военной кампании США в Афганистане. Практически с самого начала данная инициатива была обречена на провал, поскольку многие учёные не были готовы поступиться своей профессиональной этикой. Они не хотели, чтобы местные жители, с которыми им нужно было работать, оказались под угрозой смерти вследствие участия в исследовании. Однако главная проблема заключалась в том, что для антропологов было важно провести полный анализ ситуации, а военным нужен был быстрый способ урегулирования конфликта и понимание того, как вести себя при контактах с населением: «жать руку или бросать гранату» (с. 60). Таким образом, несоответствие представлений и невозможность их обсуждения приводит к неудачным попыткам перевода.

Среди международных практик взаимодействия между экспертами есть и успешные попытки выработки общего понимания безопасности, причём встретить их можно не только в наше время, но и в ретроспективе. По нашему мнению, ярким примером является деятельность секретной организации Inquiry, созданной в 1917 г. в США по инициативе В. Вильсона для подготовки американской делегации к мирным переговорам в Париже. Это событие создало прецедент в истории государства, ибо впервые в процесс определения внешнеполитического курса оказалось вовлечено так много представителей научной сферы – около 150 человек (Gelfand 1963). Среди политологов высказывается позиция, что с появлением организации зародились международные отношения как дисциплина, которую на начальных этапах следует рассматривать как

социальную формацию, подразумевающую взаимодействие правительства, гражданского общества и ученых (McCourt 2017: 395). Последний тезис имеет особое значение, так как соответствует логике повествования авторов рецензируемой книги.

В дополнение к этому, успешную практику перевода безопасности можно обнаружить и в процессе выработки позиции арктических государств по демаркации границ, который рассматривают Т.В. Берлинг и её коллеги. В нём наблюдаются ярко выраженные этапы начиная с работы картографов, переходя к юристам и заканчивая дипломатами, представляющими позицию на международном уровне (с. 74). Каким бы ни был результат переговоров с контрагентами, сам факт участия в них говорит об успешном осуществлении перевода и о конструктивном взаимодействии между экспертами из разных сфер.

Ещё одним важным аспектом, на котором заостряют внимание авторы, является вовлечение в процесс формирования представлений так называемых любителей (англ. 'amateur'). Под ними подразумеваются акторы, которые в традиционном понимании не ассоциируются с вопросами безопасности, но на фоне изменяющегося глобального политического ландшафта оказываются всё более в них вовлечёнными. Например, неправительственные организации.

Авторами выделяются и «гибридные» акторы. Они возникают с появлением новых институциональных платформ. К последним учёные относят государственно-частное партнёрство. Эффективность таких платформ находит отражение в процессе обеспечения кибербезопасности. В данном случае осуществляется взаимодействие между сотрудниками специальных служб и частных компаний, прежде всего технологических гигантов.

Наконец, с развитием интернета появились возможности и у простых людей. Так, даже визит к врачу пациента, прочитавшего перед этим на сайтах информацию, может превратиться в столкновение представлений о нежеланном варианте будущего. Встречаются также и те, кто заявляет о себе как об эксперте в военном деле после просмотра ряда видео в социальных сетях. Однако подобные «специалисты-самоучки» быстро лишаются своего статуса, когда в обсуждение оказывается вовлечён человек с более высоким уровнем знаний в том или ином вопросе (с. 82).

Резюмируя данную главу, авторы указывают на то, что в наше время сама идея профессионализма в сфере безопасности претерпевает изменения, так как всё больше и больше вопросов решаются акторами, которых раньше считали «любителями» в области. Постепенно они становятся (полу)профессионалами и обретают «транснациональную профессиональную идентичность». Вместе с ней приходят и новые представления о знании. Теперь оно воплощается не в истинах, полученных при проведении исследований, а в установленных контекстуальных действиях. Речь идёт о появлении «сообществ практики»

(англ. 'community of practice'), которым не требуется признание со стороны государства или его граждан, что отличает их от профессионалов в традиционном понимании.

Так, получение нового знания уже является характеристикой не только научных кругов. Оно постепенно коммерциализируется и выступает в качестве опоры для мер, предпринимаемых в сфере экономики и политики. Авторы подчёркивают, что, когда исследования в сфере безопасности должны быть кому-то выгодны, возникает риск упустить из виду не только долгосрочные перспективы и потребности, но и идею общего блага (с. 92).

Последний тезис авторов является как никогда актуальным. В научных кругах всё чаще появляются исследования или делаются заявления, которые направлены не столько на получение ценного знания, сколько на продвижение нужной политической повестки. Например, преподаватели Кембриджского университета на занятиях говорят студентам о том, что англичан, шотландцев, валлийцев и ирландцев как таковых не было, а термин «англосаксонский» используется лицами, придерживающимися расистских взглядов. За счёт этого сотрудники вуза якобы пытаются бороться с проявлениями национализма и превосходства белой расы¹. Вполне вероятно, это делается для того, чтобы представители других этносов и рас чувствовали себя в большей безопасности. Но можно ли в данной ситуации говорить об общем благе, если следствием подобных мер становится феномен «позитивной дискриминации»? Данный вопрос остаётся открытым.

Следующая глава посвящена сегментационной дифференциации между культурами. Авторы определяют их как воплощение коллективных «образов жизни» (с. 104). В контексте безопасности учёные задаются вопросом, как знание о новых проблемах, рисках и угрозах, полученное «соседями» в идентичных ситуациях, переводится и ретранслируется в собственной культуре. В качестве примера рассматривается случай, когда США получили знания о попытках в отношении террористов от своих коллег с Ближнего Востока и попытались применить их для наказания заключённых в тюрьме в Гуантанамо. Сделано это было для предотвращения нежеланного будущего, а именно новых терактов. Несмотря на то, что новые практики были использованы в благородных целях, они поставили под угрозу идентичность США и других западных государств, которые к ним прибегали. Используя пытки, эти страны отказывались от своих демократических принципов (с. 112).

¹ Simpson C. 2023. Anglo-Saxons aren't real, Cambridge tells students in effort to fight 'nationalism'. *The Telegraph*. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2023/06/03/anglo-saxons-arent-real-cambridge-student-fight-nationalism/> (accessed 18.08.2023).

В общем и целом зона перевода между культурами подразумевает под собой встречу с Другим, в ходе которой представление контрагента о нежеланных вариантах будущего перенимается через имитацию, обучение или предписание. Стоит отметить, что некоторые практики взаимодействия между акторами могут быть институционализированы. Так, конфликт между нациями может воплощаться в виде войны. Но есть случаи, которые в меньшей степени подразумевают институционализацию и лишь свидетельствуют о стремлении извлечь из опыта контрагента положительные моменты и оптимизировать свои управленческие или демократические практики (с. 118).

Рассмотренные выше случаи подразумевают равенство и различия между культурами, что придаёт легитимности разделению мира на суверенные государства. Однако не все готовы мириться с такой перспективой и считают свой набор ценностей универсальным, что якобы даёт им право распространять его вне своих границ. В результате идентичность государства, ставшего жертвой процесса гомогенизации, оказывается под угрозой – возникает необходимость чрезвычайных мер, о которых пишут (Buzan et al. 1998). В качестве примеров Т.В. Берлинг и её соавторы приводят французские законы, вводящие запрет на голливудские фильмы, а также лингвистический пуризм в исландском языке. Однако здесь возникают сомнения относительно того, можно ли рассматривать данные курсы правительств как чрезвычайные меры в понимании Бузана, Уэвера и де Вильде. Имплементация законов имеет рутинный характер, и десекьюритизация в виде их отмены маловероятна – разве что при полном пересмотре подходов к политике в том или ином вопросе, но это случается нечасто. Что касается защиты языка, то в Исландии она осуществляется уже на протяжении двух столетий.

В конце главы акцент делается на вызовах, мешающих традиционным практикам межкультурного перевода. Во-первых, национальная идентичность оказывается под угрозой со стороны глобального гражданского общества и бизнеса. Эти группы обладают общемировым мышлением, которое не ограничивается интересами государства. Так, если НПО занимается вопросами окружающей среды, то она будет представлять своё видение нежеланного варианта будущего от лица «природы», а если проблемами неравенства – то от имени тех, чьи права ущемляются (с. 136).

Во-вторых, авторы указывают на то, что организации видят всё меньше смысла в «обучении» ради совершенствования управления нежеланными вариантами будущего. На фоне осознания непредсказуемости многих угроз практика управления рисками в организациях претерпевает изменения, и от идеи контроля переходят к повышению сопротивляемости. Всё это приводит к возникновению новых концептуальных представлений о безопасности.

Последняя практическая глава книги посвящена стратификационной дифференциации, в которой представления о нежеланном варианте будущего разграничиваются по своему масштабу. Один из главных тезисов заключается

в том, что секьюритизация угроз на одном уровне может привести к состоянию незащищённости на другом. В качестве примера авторы рассматривают ещё одну попытку США противостоять глобальной угрозе терроризма. Вашингтон пытался ретранслировать её на местном уровне в регионе, где проходит «горячая граница» (исп. 'frontera caliente') сразу трёх государств: Аргентины, Бразилии и Парагвая. Данный выбор был обусловлен заявлениями о том, что там якобы базировались террористы, в связи с чем возникла необходимость направить туда вооружённые силы для обеспечения безопасности. Однако местное население такое представление о нежеланном варианте будущего не признало. Связано это было с тем, что для жителей состояние безопасности проявлялось в иных аспектах, а именно благополучии, доступе к образованию и наличию продовольствия (с. 136). Иными словами, попытка перевода оказалась unsuccessful.

По нашему мнению, подобный взгляд на поиск общего представления о будущем дополняет теорию (ин)секьюритизации Парижской школы. Согласно ей попытка обеспечить чью-либо безопасность непременно ведёт к состоянию незащищённости (Гайдаев 2022: 14). Так, переход угрозы с одного уровня на другой привносит в концептуальный подход школы более выраженное международное измерение, которое изначально прослеживается не столь очевидно. Но важно сделать оговорку, что такое видение применимо только в том случае, если перевод безопасности оказался неудачным.

Кроме того, благодаря стратификационной дифференциации Парижская школа получает преимущество в теоретическом споре с Уэльской. Хотя в самой книге о последней речь не идёт, её подход к проблеме секьюритизации также подразумевает перенос, но исключительно с индивидуального уровня на глобальный (Linklater 2007: 63), что ограничивает её применимость в анализе международных проблем.

Хотя дифференциация по масштабу сохраняет свою актуальность, она сталкивается с проблемой в виде сетей на фоне развития информационно-коммуникационных технологий, что ставит под сомнение само разграничение на уровни или иерархию. В дополнение к этому, изменения претерпевают представления о территориальности. Хотя сети не ограничены географически, они всё же присутствуют в физическом мире, поскольку поддерживаются за счёт материальных составляющих. Киберпространство зависит от серверов и точек доступа, а террористические сети – от физических или электронных коммуникаций.

Наконец, авторы отдельно отмечают изменения в представлении об «индивидуальном субъекте», который теперь воспринимается не только как человек, но и источник информации, что делает его защиту чрезвычайно трудной и децентрализованной задачей. В дополнение к этому, учёные подчёркивают возрастающую роль «лиц со сверхспособностями» (англ. 'super-empowered individuals'), которые имеют доступ к сетям и представляют угрозу национальным правительствам. Они оказываются ещё одним примером «гибридных» акторов. Им неважно географическое местоположение ввиду возможности осуществлять

свою деятельность из любой точки мира; тем не менее их влияние во многом определяется охватом, который предоставляет сеть, взаимодействием с другими людьми и необходимыми атрибутами. В качестве яркого примера авторы приводят Э. Сноудена (с. 188).

В завершающей главе книги Т.В. Берлинг и её коллеги обозначают ключевые моменты и предлагают читателям внести вклад в дискуссию вокруг теоретико-методологической основы анализа переводов безопасности. Как вспомогательный инструмент они предлагают инструкцию к проведению исследований.

Рецензируемый труд оставляет положительное впечатление. Авторам удалось достичь этого эффекта за счёт логичного изложения информации и привлечения обширной эмпирической базы – всего в практических главах используется 24 истории, на основе которых строится аргументация учёных. Нельзя не отметить, что в ходе повествования исследователи напоминают читателю ключевые термины и их значения, а в начале каждой практической главы дается краткое описание проделанной ранее работы.

Несмотря на достоинства, в книге обнаруживаются и недостатки, на которые необходимо обратить внимание. Во-первых, феномен перевода в практике секьюритизации угроз не является чем-то новым, ибо учёные уже относительно давно рассматривают вопросы безопасности через подобную призму (Stritzel 2014). Рецензируемое исследование является лишь попыткой авторов дополнить существующие наработки и представить их в систематичном виде, что, безусловно, упрощает восприятие информации. Но сама теоретическая модель, которую предлагают Т.В. Берлинг и её коллеги, не кажется столь оригинальной. Так, Б. Мауте и Т. Уэбб ранее уже соотносили и сравнивали системную теорию, акторно-сетевую теорию и теорию сложности, анализируя их представления о трех ключевых понятиях: сетях, переводе и знании. Исследователи пришли к ожидаемому выводу, что все подходы не предлагают полную картину действительности, поскольку акцентируют своё внимание на разных аспектах, но при этом имеют право на существование (Mauthe, Webb 2013). По нашему мнению, даже если принимать во внимание тот факт, что авторы рецензируемой книги сужают объект исследования до проблем безопасности, представляя тем самым научную новизну, им следовало не упускать из виду теорию сложности, поскольку в её положениях присутствуют элементы, соответствующие логике повествования учёных.

Во-вторых, концепты «несопоставимости» и «искажения» не кажутся столь сочетаемыми, как утверждают авторы, что становится очевидно после изучения некоторых неудачных попыток перевода безопасности, когда представления между агентами настолько разные, что между ними нет взаимопонимания. Безусловно, несовместимость представлений проявляется не во всех случаях, однако отождествление подобного исхода с искажением не оправдано. Имеет смысл пересмотреть модель и вместо трихотомии внедрить в неё, например, четыре компонента.

Вероятно, что концепт Бурдьё сочетался бы как раз с теорией сложности. Согласно ей, у агента формируется представление о ситуации, отличное от того, что возникает у контрагента, поскольку данный процесс определяется не только контекстом, в котором происходит «встреча», но и особенностями её участников (Mauthe, Webb 2013: 253). По нашему мнению, именно так и проявляется искажение при переводах безопасности.

Резюмируя все изложенное выше, подчеркнём, что книга заслуживает прочтения, потому что в ней поднимаются насущные вопросы. Описываемые авторами процессы происходят фактически в режиме реального времени, и иметь представление об их теоретическом измерении и особенностях крайне важно. Аргументы учёных заставляют иначе посмотреть на представления о безопасности и задуматься о том, что будет дальше. Данный труд будет интересен всем, кто имеет отношение к теории и практике мировой политики, в особенности специалистам в сфере критических исследований безопасности.

Об авторе:

Никита Владиславович Гавриленко – магистр, МГИМО МИД России.

Email: gavrilenko.n.v@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327
Received: May 15, 2023
Accepted: August 9, 2023

«Community Spirit» in Tackling Security Threats

N.V. Gavrilenko
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-127-136](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-127-136)

MGIMO-University

Book review: Berling T.V., Gad U.P., Petersen K.L. and Wæver O. 2022. *Translations of Security: A Framework for the Study of Unwanted Futures*. Routledge. 235 p.

Keywords: translation of security, translation zone, unwanted future, securitisation, hybrid actors, transnational civil society, individual subjects, 'super-empowered individuals'

About the author:

Nikita V. Gavrilenko – Master in International Relations, MGIMO-University.
Email: gavrilenko.n.v@my.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Bourdieu P. 1991. *The Political Ontology of Martin Heidegger*. Stanford University Press. 138 p.

Buzan B., Wæver O. and de Wilde J. 1998. *Security: A New Framework of Analysis*. Lynne Rienner Publishers. 239 p.

Callon M., Latour B. 1981. Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macrostructure Reality and How Sociologists Help Them to Do So. Knorr Cetina K. and Cicourel A.V. (eds) *Advances in Social Theory and Methodology. Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociologies*. Routledge and Kegan Paul. P. 277-303.

Gelfand E. 1963. *The Inquiry: American Preparations for Peace, 1917–1919*. Yale University Press. 387 p.

Laclau E., Mouffe C. 1985. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. Verso. 197 p.

Linklater A. 2007. *Critical Theory and World Politics: Citizenship, Sovereignty, and Humanity*. Routledge. 240 p. DOI: 10.4324/9780203960905

Luhmann N. 1992. 'Operational Closure and Structural Coupling: The Differentiation of the Legal System'. *Cardozo Law Review*. 13(5). P. 1419-1441.

Mauthe B., Webb T.E. 2013. In the Multiverse What Is Real? Luhmann, Complexity and ANT. Cour A. and Philippopoulos-Mihalopoulos A. (eds) *Luhmann Observed: Radical Theoretical Encounters*. Palgrave Macmillan. P. 243-262. DOI: 10.1057/9781137015297

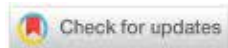
McCourt D.M. 2017. The Inquiry and the Birth of International Relations, 1917-19. *Australian Journal of Politics and History*. 63(3). P. 394-405. DOI: 10.1111/ajph.12376

Stritzel H. 2014. *Security in Translation: Securitization Theory and the Localization of Threat*. Palgrave Macmillan London. 223 p. DOI: 10.1057/9781137307576

Gaidaev O.S. 2022. «Ostorozhno, bezopasnost'!» Teoriya (in)sek'yuritizacii i Parizhskaya shkola issledovaniy mezhdunarodnoj bezopasnosti [«Danger: Security»! Securitization Theory and the Paris School of International Security Studies]. *MGIMO Review of International Relations*. 15(1). P. 7-37. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37

Список литературы на русском языке:

Гайдаев О.С. 2022. «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(1). С. 7-37. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37

США и Китай в противостоянии в странах Карибского бассейна

И.А. Соков

Волгоградский государственный университет

Рецензия на книгу: MacDonald S.B. 2022. *The New Cold War, China, and the Caribbean*. Springer Nature Switzerland AG. 310 p. DOI: 10.1007/978-3-031-06149-3

Ключевые слова: США, Китай, Карибы, конкуренция, противостояние, Холодная война 2.0, мировой порядок XXI в.

Монография Скотта Макдональда «Новая Холодная война, Китай и Карибский бассейн» выполнена по гранту Фонда Смита Ричардсона (Smith Richardson Foundation).

С.Б. Макдональд является главным экономистом независимого международного агентства «Смитс Ресеч энд Гардингс» (Smith's Research & Gradings), научным сотрудником исследовательского центра «Глобэл Американс» (Global Americans) и директором-основателем Карибского политического консорциума (Caribbean Policy Consortium). Он автор более чем 20 книг и множества статей по политическим и экономическим вопросам, освещающих события в Карибском бассейне, Латинской Америке, Европе, Азии и Северной Америке. Имеет степень доктора философии в области политических наук, степень магистра в области азиатских исследований и степень бакалавра в области истории и политических наук.

Книга С.Б. Макдональда – результат многолетнего наблюдения и анализа разворачивающейся конкуренции США и Китая в странах Карибского бассейна в течение XXI в.

УДК 327.5/.81(73:510:729)

Поступила в редакцию: 29.01.2023

Принята к публикации: 15.05.2023

Соединённые Штаты и Китай сегодня «находятся в максимальной конфронтационной точке своих отношений с тех пор, как они установили дипломатические связи в 1979 г.» (Hass 2021: 3).

Как писал автор рецензируемой монографии в 2019 г., результаты показывают, что «большинство стран Карибского бассейна незаметно изменили свою внешнюю или внутреннюю политику из-за своих экономических связей с Китаем, хотя конкретные реакции этих стран на их экономические связи с Китаем различаются, что является функцией различных международных и внутренних экономических и политических переменных» (MacDonald 2019: 665).

Выбор этой монографии для рецензирования обусловлен важностью складывающихся межгосударственных отношений в Карибском регионе региональных и внерегиональных участников, особенно таких, как Китай. Причём новые международные отношения в «подбрюшье» США строятся на иных принципах, позволяющих не крупным странам региона быстрее развиваться, в большей степени участвовать в мировой торговле и как итог – улучшать социально-экономическую обстановку в своих странах. Кроме того, высказанные автором мысли о политических подходах США и Китая на Карибах – хотя и небесспорные – имеют научную значимость и позволяют понять новую практику международных отношений.

Первая цель монографии, как указывает сам автор в главе 1, показать, что страны Карибского бассейна за последние годы XXI в. стали геополитическим центром конкуренции и противостояния между США и КНР, а результатом их отношений стало «сползание в новую Холодную войну в Карибском море» (с. 6). Объективными предпосылками изменений на Карибах стало снижение американского внимания в 1990-е гг., которое «в начале XXI в. исчезло, оставив регион открытым для Китая, готового и желающего заниматься бизнесом» в этом регионе (с. 6).

В своих рассуждениях С. Макдональд исходит из того, что Китай стремится сначала получить все компоненты великой державы, «что означает получать мощь за счёт других государств», с конечной целью «стать гегемоном – то есть, единственной великой державой в (международной – И.С.) системе» (с. 6).

Вторая цель заключается в выявлении роли «стран Карибского бассейна в увеличивающейся поляризации между Китаем и Соединёнными Штатами» (с. 7). Здесь, подчёркивает автор, как и в других регионах мира, нет сплочённого американского фронта из-за Венесуэлы, Никарагуа и Кубы. Кроме того, география – важный фактор происходящих политических изменений в регионе. США не могут его «покинуть», как они это делают в других местах мира (с. 7). К тому же, в самих США «в настоящее время имеются значительные иммигрантские общины из региона, которые, как правило, появляются в кабинках для голосования и влияют на избирательные результаты, что нашло отражение в президентских выборах 2020 г.» (с. 8).

Структурно монография состоит из десяти глав, введения и заключения.

В главе 2 изложение автора сосредотачивается на анализе экономических факторов, влияющих на вытеснение с внутреннего рынка китайских компаний и банков на мировые рынки, которые, несмотря на свою основную цель – получение прибыли, способствуют расширению китайского правительственного влияния и политического влияния руководящей китайской коммунистической партии в местах, где они действуют. Как указывают другие эксперты, это происходит потому, что само ведение китайского бизнеса значительно отличается от западных образцов (Ellis 2022: 78-79). Кроме того, как признают сами латиноамериканские авторы, эффективному ведению торговли в регионе мешают внутренние факторы: традиционное соперничество, закрытость относительно международного сообщества и, как следствие, недостаточность инвестиций, финансовая разобщённость в регионе (China's Trade Policy 2022: 61-62).

В главе 3, названной «Китай, Венесуэла и Куба: новая Холодная война?» автор аргументирует причины, по которым эти два государства региона оказались объектом наибольшего внимания КНР¹. Для обоих это антиамериканизм, выраженный в недемократическом режиме Мадуро и «хрупком марксистском эксперименте Кубы» (с. 20). Вряд ли можно согласиться с такой субъективной аргументацией специалиста «Глобэл Американс» С. Макдональдом. Прежде всего, Венесуэла – одна из стран –важнейших поставщиков нефти на мировой рынок, поэтому понятен торговый интерес к ней Китая, а в «хрупком эксперименте» Кубы повинны сами США многолетними санкциями против неё, что, собственно, косвенно признаёт и сам автор монографии: «Беспорядочный коммунистический экономический эксперимент Кубы был спасён венесуэльской нефтью, по крайней мере, ещё на десятилетие» (с. 65).

Интерес же Китая к Кубе обусловлен, прежде всего, тем, что это самая большая островная страна по численности населения в Карибском бассейне, способная получать и осваивать большие китайские кредиты в инфраструктурных проектах.

Глава 4 содержит анализ участия Китая в экономике англоговорящих стран Карибского бассейна (Багамские острова, Тринидад и Тобаго, Гайаны и Ямайки) и 632-тысячного Суринама, где официальный государственный язык – нидерландский. Республика Суринам, несмотря на то что она территориально находится в Южной Америке, включена автором монографии в эту главу, потому что является членом КАРИКОМ и имеет культуру подобную странам Карибского бассейна.

¹ С. Макдональд относит Венесуэлу к Карибскому бассейну как в силу её влияния на страны региона, так и по причине имеющейся у неё береговой линии Карибского моря.

В главе 5 С. Макдональд описывает состояние стран Карибского бассейна в новых геоэкономических и геополитических условиях XXI в. При этом он отмечает, что при возрастающем влиянии в регионе Китая одни склоняются к «неуверенности по поводу долгосрочной американской политики в регионе», другие хотели бы одновременно извлекать прибыль от соперничества США и КНР, но почти все высказывают «озабоченность, что эра глобализации закончена и что новая эра отмечена возвращением геополитики. Поэтому предпочтительно следует избегать использования термина “новая Холодная война”» (с. 130).

В главе 6 автором монографии рассматривается «китайско-тайваньский поединок» за влияние на страны Карибского бассейна. Причём в этом анализе умалчивается роль США и их подход с двойными стандартами по вопросу единого Китая. Не отказываясь от признания принципа единого Китая, Соединённые Штаты делают всё, чтобы не Китай, а Тайвань представлял китайскую нацию в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, т.к. в своих отношениях «Тайвань предлагает демократическо-капиталистическую альтернативу авторитарно-меркантилистскому подходу Китая» (с. 155).

Имея несравнимо меньшие ресурсы, чем КНР, Китайская республика теряет своё дипломатическое и экономическое влияние в западном полушарии даже с поддержкой США. Из 33 стран ЛАК только 14 поддерживают дипломатические отношения с Тайванем, в том числе – четыре страны Карибского бассейна: Белиз (441,4 тыс. чел.), Гаити (11 334,6 тыс. чел.), Сент-Винсент и Гренадины (104,3 тыс. чел.), Сент-Китс и Невис (47,6 тыс. чел.).

Панама была добавлена в этой главе, хотя она не страна Карибского бассейна. Автор монографии связал долгосрочные геостратегические идеи Пекина с этим регионом, показав, что Панама стала их частью в реализации политики Пекина по устранению Китайской республики в регионе, за которой 30 апреля 2018 г. последовала Доминиканская республика, установив дипломатические отношения с КНР.

В рассуждениях в главе 7 о Холодной войне в Карибском бассейне автор нарушает причинно-следственную связь сомнительными допущениями о влиянии на этот процесс России и Ирана. Объяснение о том, КНР, РФ и Иран приняли «обещание встать плечом к плечу против Америки и Запада как в идеологическом, так и в военном плане» (с. 181) не подтверждается фактами и сносками в тексте монографии на документы или выступления политиков этих стран. Причём С. Макдональд утверждает, что, не имея таких экономических возможностей, как Китай, другие две державы поделили своё влияние: Иран – в Венесуэле, Россия – на Кубе.

Говоря о российском влиянии на Кубе, автор монографии меняет местами причину и следствия. Не упоминая об экономическом удушении Кубы Соединёнными Штатами, в том числе и в вопросах обеспечения продовольствием, он указывает на сговор России и Китая «гарантировать ей стабильный поток продовольствия» (с. 181).

Небезынтересным можно считать заявление специалиста из «Глобэл Американс» и о том, что США считают развитие ирано-венесуэльских отношений меньшей угрозой для Америки, чем стабилизация отношений между Ираном и Саудовской Аравией (с. 21).

В главе 8, которую автор назвал «Европа и Канада: карибские отношения и новая Холодная война», он обращает внимание читателя на два аргумента: восприятие странами Европы и Канадой новой Холодной войны и изменившейся их роли в связи с этим в Карибском бассейне. По мнению С. Макдональда, Франция, Нидерланды и Великобритания, имеющие активы в регионе, а Испания, традиционно поддерживающая испаноязычные страны, пересматривают своё отношение к Карибам в связи с активным проникновением сюда Китая.

Канада со времён «третьей альтернативы» П.Э.Трюдо имела хорошие связи как с англоязычными, так и франкоязычными странами региона, но принятая в последние годы «прогрессистская повестка» в отношении Китая, сдерживает сотрудничество, особенно с теми странами, которые прекратили дипломатические отношения с Тайванем в пользу Китая. Что касается Германии, то в США ожидают, что отношения «Берлина будут зависеть от их координации с Мадридом, Гаагой, Парижем и Лондоном» (с. 22).

Глава 9 «Американская политика в беспокойном Карибском море» так и напоминает сказку А.С. Пушкина о рыбаке и рыбке: от бездействия американской политики в Карибском регионе до «выращивания геополитических проблем». Одновременно автор монографии признаёт, что риторика администрации президента Джо Байдена не содержит терминологию Холодной войны, хотя политический курс направлен на создание биполярного мира (с. 22).

Заключительная глава 10 содержит три различных сценария, которые С. Макдональд видит в перспективе. Первый означает вариант, в котором Китай достигает глобальной гегемонии, второй сценарий основан на том, что КНР своими внутренними проблемами и сплочённой международной оппозицией всё же подрывает установленный Америкой мировой порядок, третий представляет собой средний неясный и неразборчивый вариант, при котором признаки Холодной войны будут усиливаться, но напряжённость американо-китайских отношений будет ими сдерживаться.

При этом, как пишет автор: «Наихудший риск во всех трёх сценариях заключается в том, что основные действующие лица впадают в новый крупный кризис в Карибском бассейне, напоминающий кубинский ракетный кризис, или в открытую войну по аналогии с Первой мировой войной, которая будет пересекаться с Карибским регионом в силу его стратегического расположения» (с. 277).

Несмотря на то, что глава 10 самая короткая в монографии, в ней сформулированы представления американской интеллектуальной элиты через исследование «мозгового центра» «Глобэл Американс» о текущей и перспективной геополитике в Карибском регионе. Поэтому её анализу и критике необходимо

уделить не только большее внимание, но и остановиться на не объективной оценке американцами состояния межгосударственных отношений в Карибском регионе в условиях падения их влияния.

Во-первых, Соединённые Штаты на протяжении всех лет XXI в. не уделяли большого внимания не только своему «заднему двору», но и своему «подбрюшью». Страны Карибского бассейна, как и страны Латинской Америки, в условиях глобализации были вынуждены сами искать средства и инструменты для своего выживания. Если председатель КНР Цзян Цзэминь ещё в 2001 г. посетил Венесуэлу и установил более тесные связи, которые «позволили китайским энергетическим компаниям более легкий вход и расширенные возможности для торговли и инвестиций» (с. 63), то президент Дж. Буш-мл. за восемь лет президентства ни разу не посетил ни одну из стран Карибского бассейна. За такой же период своего президентства Б. Обама лишь раз посетил регион, во время визита речь шла о поддержке и расширении демократии, а не финансовых инвестициях. Его больше волновала проблема «возвращения в Азию» как цель в проведении политики по сохранению американской гегемонии в АТР. (с. 132)

После него президенты США регион не посещали, если не считать поездку в 2017 г. Д. Трампа в Пуэрто-Рико после урагана «Мария», да и этот вояж нельзя назвать посещением региона, потому что остров является территорией США (с. 132). Поскольку Соединённые Штаты и другие традиционные западные партнёры уменьшили помощь странам Карибского региона, их банки покинули эти места из-за возможных финансовых рисков (с. 133)

Следующий председатель КНР Ху Цзиньтао в период 2003–2013 гг. уделял региону особое внимание, только Венесуэле было выделено 63 млрд долл. США инвестиций, а председатель Си Цзиньпин посетил регион несколько раз: в июне 2013 г. – Тринидад и Тобаго, Коста-Рику, в июле 2014 г. – Венесуэлу и Кубу, в декабре 2018 г. – Панаму, и результаты его визитов «принесли миллиарды долларов в экономику Карибского региона»².

США в течение двух десятилетий XXI в. рассматривали островные государства Карибского бассейна не как своих серьёзных торговых и политических партнёров, а как место отдыха и реабилитации от военных кампаний в странах Восточного полушария.

Цитируя редакторскую статью «Скажи как есть» (Say It Like It Is) из «Антигуа обсервер» (Antigua Observer) от 24 октября 2018 г., автор монографии пишет: «Сейчас, как ревнивый любовник, Соединённые Штаты, похоже, обеспокоены тем фактом, что Китай подобрался к тому месту, которое он бросил» (с. 132).

² Lee B. 2022. Chinese President Xi Jinping Brings Billions On Visit To Latin America. *International Business Times*. URL: <https://www.ibtimes.com/chinese-president-xi-jinping-brings-billions-visit-latin-america-1635626> (accessed 25.05.2023).

Во-вторых, США упустили свои возможности по эффективному взаимодействию со странами Карибского бассейна. Что это действительно так, показал IX Саммит Америк, который проходил в Лос-Анжелесе с 6 по 10 июня 2022 г. с повесткой «Построение устойчивого, гибкого и справедливого будущего» («Building a Sustainable, Resilient, and Equitable Future»). Американцы, отказав в посещении саммита главам Венесуэлы, Кубы и Никарагуа, встретили протест со стороны лидеров стран Мексики, Боливии, Гондураса, Гватемалы, Сальвадора, которые отказались присутствовать на саммите (а всего отсутствовало 11 лидеров – абсолютный рекорд всех прошедших саммитов Америк). Надо полагать, что история ничему не научила Соединённые Штаты.

В последний день работы саммита, 10 июня 2022 г. президент Джо Байден и вице-президент К. Харрис встретились с лидерами стран сообщества КАРИКОМ и Доминиканской Республики, чтобы принять «немедленные и конкретные, совместные и краткосрочные решения», связанные с «экономическими проблемами, вызванными пандемией COVID-19, влиянием изменения климата, отсутствием продовольственной и энергетической безопасности и отсутствием доступа к финансированию»⁴. По результатам встречи был принят Карибский план борьбы с голодом (Caribbean Zero Hunger Plan), по которому США пообещали выделить этим 16 странам финансовую помощь в размере 28 млн долл. США, что несравнимо меньше оказанной военной помощи Украине почти в 28 млрд долл. США с января 2021 г. работы администрации Джо Байдена⁵.

В-третьих, США не только упускали возможности, но и неоправданно подвергали риску безопасность в Карибском регионе, когда в 2019 г. поддерживали главу законодательного органа Венесуэлы Хуана Гуайдо временным президентом и создали в стране двоевластие. В феврале этого же года Китай и Россия наложили вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, призывающую к проведению новых президентских выборов в Венесуэле. В марте Китай даже пошёл на то, чтобы отменить ежегодное собрание Межамериканского банка развития, а также «исключил недавно назначенного члена совета директоров от Венесуэлы, выбранного правительством Гуайдо»⁶.

³ Razumovsky D.V. 2022. 9th Summit of the Americas in Los Angeles: Outcomes in 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/9th-summit-of-the-americas-in-los-angeles-outcomes-in-2022/> (accessed 25.05.2023).

⁴ Joint Readout of President Joe Biden & Vice President Kamala Harris' Meeting with Leaders of The Caribbean Community (CARICOM) and the Dominican Republic. June 10, 2022. *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/10/joint-readout-of-president-joe-biden-vice-president-kamala-harris-meeting-with-leaders-of-the-caribbean-community-caricom-and-the-dominican-republic/> (accessed 25.05.2023).

⁵ Рязов И. 2023. В США анонсировали новый пакет помощи Украине на 400 миллионов долларов. 25 января 2023 г. URL: <https://www.5-tv.ru/news/418071/vssa-anonsirovali-novyy-paket-pomosi-ukraine-na400-millionov-dollarov/> (дата обращения 25.05.2023).

⁶ MacDonald S.B. 2019. The return of the Cold War in the Caribbean. April 22. *Global Americans* Available at: <https://the-globalamericans.org/2019/04/the-return-of-the-cold-war-in-the-caribbean/> (accessed 25.05.2023).

В-четвёртых, дипломатические неудачи США в Карибском регионе дали предлог для «мозговых центров» с начала 2019 г. выступать с идеей о наступлении здесь новой Холодной войны, хотя её начало положили сама администрация президента Д. Трампа в 2018 г., объявив торговую войну Китаю. Последующие попытки урегулирования торговых споров с КНР на условиях США во времена Трампа не дали результатов, и новая администрация президента Джо Байдена с первой встречи 19 марта 2021 г. в Анкоридже, штата Аляска, взяла курс на расширение противостояния (правда, пока не называя это Холодной войной).

Возвращаясь к предлагаемым С. Макдональдом сценариям Холодной войны в Карибском регионе, следует сказать, что первый сценарий исходит из американского предположения о стремлении Китая к глобальной гегемонии. Основным аргументом такого заключения является ссылка на работу американского историка Михаэля Шумана, в которой тот отметил, что «Китайский император никогда не принимал другие народы как равные, и Си не видит серьёзных оснований, чтобы начать делать так сегодня. Его привилегированная дипломатическая программа – названная «Пояс и дорожная инициатива» – разработана, чтобы воссоздать китайско-центральные торговые связи сухопутного Великого шёлкового пути и старых морских маршрутов» (Schuman 2020: 314).

По этому сценарию, по мнению автора монографии, Китай «продолжает подъём своей экономики; захватывает командные высоты технологии и создаёт современные вооружения к 2030 г.» (с. 281). К 2040 г. КНР разместит военноморские базы на Кубе, в Тринидаде и Панаме к имеющимся «командам военной подготовки в Антигуа и Барбуде, Доминиканской республике и Барбадосе» (с. 282). До этого, в 2026 г., С. Макдональд предполагает, что Китай завоюет Тайвань. При этом «к 2040 г. Соединённые Штаты – всё ещё страна, ужасно разделённая, а её демократические институты разрушены в неудобное и изменчивое соединение многократных политических партий и региональных интересов, едва маскируя главные национальные трещины» (с. 282). К тому же происходит снижение влияния международных институтов: Всемирного банка, МВФ и НАТО. «Поднебесная, как “Срединное государство” возвращается в качестве центра мира, и на этот раз её влияние распространяется на каждый континент ... Китайская гегемония во многом похожа на железную руку в бархатной перчатке для бейсбола, а для стран, которые играют в мяч, есть преимущества. Это особенно относится к союзникам Китая – России, Ирану и Венесуэле, где сильные лидеры разделяют аналогичные авторитарные ценности и коррупцию, которая по-прежнему смазывает колеса бизнеса. ... Карибский бассейн становится зависимым от Китая и его отношения между центром и периферией характеризуются как “зависимость с китайскими особенностями”» (с. 283).

Вторым сценарием, по замыслу С. Макдональда, является возможное «ослабевание Китая» (China Fade), которое подрывает его способность «планировать свою мощь в Карибском море на длительной основе» (с. 284). Ссылаясь на статью Хэла Брэндса и Майкла Бекла «Китай — слабеющая держава, и в этом

проблема», опубликованную 24 сентября 2021 г. в журнале «Форин Полиси»⁷, в которой утверждается, что в истории международных отношений быстрорастущие страны всегда получали отпор от коалиции других стран, и им приходилось либо переоценить свою роль в мире, либо воевать. Поэтому, заключает автор монографии, Китай к 2024 г. «будет вынужден пересмотреть свою роль как мировой державы, хотя будет по-прежнему крупнейшим экспортером в Карибском бассейне» (с. 284). В то же время у него возникнут серьезные внутренние проблемы: энергетическая зависимость по импорту, нехватка воды и продовольствия, загрязнение окружающей среды, давление стареющего населения по обладанию пенсией и молодого поколения из-за снижения возможностей по духовному росту и возможности заключения брака из-за прошлой семейной политики иметь одного ребёнка. Из внешних давлений на КНР – это к 2025 г. кредитная задолженность стран в размере 600 млрд долл. США, провал военного захвата Тайваня в 2027 г. «из-за поддержки “Квадро плюс” (в основе США, Австралии, Японии и Индии с участием Южной Кореи. Сингапура, Индонезии и Вьетнама)» (с. 284).

А далее автор монографии прогнозирует неоправданно оптимистичный для США сценарий. Усилиями немецкой дипломатии «Россия будет вырвана из объятий Китая. ... Другие союзники Китая также дистанцируются от него» (с. 284). «Более того, сочетание дипломатии воинов-волков и подавление злосчастного восстания уйгуров в 2025 г., которое было поддержано режимом талибов в Афганистане, повредило международному имиджу Китая как очень успешной модели развития» (с. 285). Что касается США, то к 2030 г. для них заканчивается «политический травмирующий период 2020 гг.» и они вновь обретают гегемонию. Для стран Карибского бассейна китайское влияние резко падает, закрываются институты Конфуция, всюду по региону возвращаются посольства Тайваня, компании КНР покидают Карибское море, роль США снова возрастает.

Насколько такой сценарий может стать вероятным? Идея о том, что Китай слабеющая держава, очень сомнительна. Недавно одно из крупнейших информационных агентств «Блумберг» сообщило, что, несмотря на пандемию COVID-19 в 2020–2021 гг. и преодоление проблемы «нулевой терпимости» к этой инфекции в 2022 г., когда в Китае были на карантине не только города, но и целые провинции, с 2020 г. до начала 2023 г. КНР по экспорту своих автомобилей с пятого места приблизилась ко второму, обогнав США, Южную Корею и сравнявшись с ФРГ, уступая только Японии⁸.

⁷ Brands H. Beckley M. 2021. China Is a Declining Power—And That's the Problem. *Foreign Policy*. September 21. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/09/24/china-great-power-united-states/> (accessed 25.05.2023).

⁸ Hancock T. The US Hasn't Noticed That China-Made Cars Are Taking Over the World. *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-26/how-china-is-quietly-dominating-the-global-car-market> (accessed 25.05.2023).

Другой пример, проведение VII Саммита СЕЛАК в Буэнос-Айресе, столице Аргентины, 24 января 2023 г. под патронажем Китая, на котором присутствовали представители 33 стран и обсуждали создание единой валюты, роль центрального банка, стимулирование региональной торговли и перспективы снижения зависимости от американского доллара⁹.

В качестве приоритета СЕЛАК рассматривает развитие отношений с такими партнёрами, как Китай, АСЕАН, Индия. Обращаясь к участникам саммита, председатель КНР Си Цзиньпин сказал: «Мы высоко ценим наши отношения с СЕЛАК и считаем СЕЛАК нашим ключевым партнёром в укреплении солидарности между развивающимися странами и развитии сотрудничества Юг – Юг. Вот почему Китай работает со странами ЛАК, чтобы неуклонно укреплять Форум Китай – СЕЛАК и вывести эти отношения в новую эру, характеризующуюся равенством, взаимной выгодой, инновациями, открытостью и выгодами для людей»¹⁰.

Третий сценарий автор монографии определяет как «запутанный и неопределённый» (Muddle-Through). По этому сценарию конкуренция между США и Китаем будет проходить в Карибском бассейне с переменным успехом, возможно с демонстрацией военной силы. Интенсивность противостояния в большей степени будет определяться накалом американско-китайских отношений в АТР, что «не устраняет потенциал для кризиса в Карибском море» (с. 286).

В текущем десятилетии будет продолжаться подъём Китая, а в следующем – снижение, но напряжённость в американско-китайских отношениях сохранится и будет определяться как новая Холодная война.

Выравнивание экономической мощи обоих государств с необходимостью решения своих внутренних проблем может привести к тому, что «обе страны могут договориться о своде правил, ограничивающих их соперничество небольшим числом сфер, которые вряд ли вызовут полноценный конфликт» (с. 286).

Китай наращивает своё влияние в странах Карибского бассейна, Соединённые Штаты остаются доминирующей державой в этом регионе из-за географической близости и давних культурных и экономических связей. К тому же они меняют форму своих отношений со странами Карибского региона «на более регулярной основе (то, что канадцы начали делать при третьей администрации Трюдо)» (с. 287).

Китай остаётся торговым и инвестиционным партнёром в Карибском море, но не поддерживает режимы в Венесуэле, на Кубе и в Никарагуа. Американско-китайская конкуренция на мировой арене осложняется для обоих государств заявленным участием Ирана, России и Турции.

⁹ Latin American leaders hold summit with Brazil back in the fold. *CGTN*. 24-Jan-2023. URL: <https://news.cgtn.com/news/2023-01-24/7th-CELAC-Summit-begins-in-Argentina-1gRnHt19WYE/index.html> (accessed 25.05.2023).

¹⁰ China, LAC countries to build a community with a shared future. 2023. *CGTN*. January 24. URL: <https://news.cgtn.com/news/2023-01-25/President-Xi-delivers-video-address-at-CELAC-7th-summit-1gS7Pyd3tjW/index.html> (accessed 25.05.2023).

С. Макдональд признаёт, что есть и другие сценарии, которые могут привести к снижению конфронтации между США и Китаем. Это, прежде всего, демократическая революция в самом Китае или воссоздание российской империи на территории бывшего СССР.

Давая оценку трём сценариям С. Макдональда Холодной войны в Карибском регионе, необходимо отметить сомнительность принятых автором допущений и фантастичность аргументации.

Во-первых, автор исходит из того, что гегемония США будет продолжаться в среднесрочной перспективе, а те проблемы, которые она имеет, постепенно будут решены.

Во-вторых, рассматривая американо-китайское противостояние в Карибском бассейне, автор не учитывает роль самих стран региона, желания и чаяния их народов и их элит. А ведь VII Саммит СЕЛАК прямо указал на их стремление дистанцироваться от США.

В-третьих, по тексту монографии автор хоть и не выделил это в отдельный сценарий, но неоднократно указывал на «точки воспламенения» (flashpoints) в американо-китайских отношениях в вопросах: суверенитета Китайской республики, навигации в Южно-Китайском море и местах «замороженных конфликтов» на китайско-индийской границе, которые существенным, если не определяющим образом могут сказаться на положении в Карибском регионе.

В-четвёртых, автор монографии прямо не указывает, но из текста книги можно понять, что американцы, понимая потенциальные угрозы, связанные с китайским проникновением в страны Карибского бассейна и безопасностью самих США, стремятся как и в случаях борьбы с международным терроризмом начала XXI в. перенести противостояние с Китаем подальше от своих границ, в регион Южно-Китайского моря: варианты от мирной конкуренции до военного конфликта удобнее разрешать там.

В-пятых, рассмотрение автором сценариев Холодной войны в Карибском бассейне исходит из наличия только двух мировых центров силы – США и Китая. Хотя существуют и другие точки зрения. В настоящее время происходит стремительное развитие некоторых стран, становящихся влиятельными центрами силы: Индия Турция, Египет, Бразилия, другие страны Латинской Америки и Персидского залива.

Как сказал 27 января 2023 г. в Массауа, Эритрея министр иностранных дел России С.В. Лавров: «...часы многополярной истории тикают в правильном направлении», хотя коллективный Запад, США, НАТО и ЕС, находящиеся полностью под контролем Вашингтона, пытаются обратить процесс вспять. Эти усилия тщетны. Максимум, на что они могут рассчитывать, — некоторое торможение объективного хода истории»¹¹.

¹¹ Лавров заявил, что часы многополярности «тикают в правильном направлении». Массауа, Эритрея. ТАСС 27 января 2023 г. URL: <https://tass.ru/politika/16897859> (accessed 25.05.2023).

Об авторе:

Илья Анатольевич Соков – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета. E-mail: sokov@volsu.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327.5/.81(73:510:729)

Received: January 29, 2023

Accepted: May 15, 2023

Examining US Perspectives on Confrontation with China in the Caribbean

I.A. Sokov

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-137-149](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-137-149)

Volgograd State University

Book review: MacDonald S.B. 2022. *The New Cold War, China, and the Caribbean: Economic Statecraft, China and Strategic Realignment*s. Springer Nature Switzerland AG. 310 p. DOI: 10.1007/978-3-031-06149-3

Keywords: USA, China, the Caribbean, competition, confrontation, Cold War 2.0, the World order of the 21st Century.

About the author:

Ilya A. Sokov – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History and International Relations at Volgograd State University. E-mail: sokov@volsu.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

China's Trade Policy in Latin America: Puzzles, Transformations and Impacts. 2022. Ed by López D., Song G., Bórquez A., Muñoz F. Springer. 216 p. DOI: 10.1007/978-3-030-98664-3

Ellis R.E. 2022. *China Engages Latin America: Distorting Development and Democracy?* Springer Nature Switzerland: Palgrave Macmillan AG. 295 p. DOI: 10.1007/978-3-030-96049-0

Hass R. 2021. *Stronger: Adapting America's China Strategy in an Age of Competitive Interdependence*. Yale University Press. 240 p. DOI: 10.12987/9780300258479

MacDonald S.B. 2019. Sino-Caribbean Relations in a Changing Caribbean Geopolitical Sea. *Journal of Chinese Political Science*. 24(4). P. 665-684. DOI: 10.1007/s11366-018-09590-y

Schuman M. 2020. *Superpower Interrupted: The Chinese History of the World*. New York: Public Affairs. 384 p. DOI: 10.12987/9780300258479